

человек и мир

ВЕРНЕР ЗОМБАРТ

БУРЖУА

ЕВРЕИ
И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ
ЖИЗНЬ

Предисловие

Кое-кому из читателей будет, пожалуй, интересно узнать, каким путем я пришел к мысли о том, чтобы написать эту своеобразную книгу, и какого я желал бы отношения к ней со стороны читателя.

На еврейский вопрос я наткнулся совершенно случайно, когда задумал заново переработать мой «Современный капитализм». В этом труде мне нужно было между прочим проследить несколько глубже цепь идей, приведших к народжению «капиталистического духа». Исследования *Макса Вебера* о связи между пуританизмом и капитализмом, естественно, вынудили меня подробнее выяснить вопрос о влиянии религии на хозяйственную жизнь, чем я это делал раньше, — и тут-то я впервые подошел к еврейскому вопросу. Дело в том, что внимательное рассмотрение веберовских доводов обнаружило, что все те элементы пуританской догмы, которые, как мне казалось, имели в действительности влияние на образование капиталистического духа, были заимствованиями из круга идей еврейской религии.

Но одно это обстоятельство еще отнюдь не побудило бы меня уделять в истории происхождения современного капитализма особенно большое внимание евреям, если бы в дальнейшем ходе работы я не пришел к убеждению, — опять-таки совершенно случайно, — что и в создании современного хозяйства участие евреев значительно больше, чем предполагали до сих пор. Я пришел к этому выводу, когда задался целью объяснить себе те перипетии европейской хозяйственной жизни с конца XV в. почти по конец XVII в., которые привели к перемещению ее центра тяжести из южных стран Европы в северные. Обычные объяснения внезапного падения Испании, такого же расцвета Голландии, упадка столь многих городов Италии и Германии и рост других, как, например, Ливорно, Лиона (на короткий срок), Антверпена (тоже ненадолго), Гамбурга, Франкфурта-на-Майне, — а именно, открытие морского пути в Ост-Индию, изменения в соотношении сил различных держав — казались мне абсолютно недостаточными. И тут-то внезапно открылся предо мною сначала чисто внешний параллелизм между двумя категориями явлений: с одной стороны, хозяйственными судьбами стран и городов и, с другой, переселениями евреев, в географическом размещении коих, как известно, в то время снова произошел почти коренной переворот. Ближайшее изучение вопроса привело меня к непоколебимой уверенности в том, что именно евреи были тем фак-

тором, который обуславливал собой экономический подъем или упадок самых главных пунктов: там, где они появлялись, хозяйственная жизнь расцветала; когда они уходили, она замирала.

Но констатирование такого рода фактических обстоятельств выдвигает на первый план разрешение чисто научного вопроса о том, что представлял собою в те века «экономический подъем», посредством каких именно специфических деяний вызвали его евреи, почему они оказались способными к совершению этих деяний.

В рамках общей истории современного капитализма было, конечно, невозможно дать обстоятельный ответ на все эти вопросы. Они же казались мне настолько заманчивыми, что я решил прервать на пару лет работы по главному труду, чтобы всецело отдаться выяснению еврейской проблемы. И таким-то путем возникла настоящая книга.

Сначала я полагал, что смогу закончить ее в какой-нибудь год; но вскоре я заметил, что мои расчеты были ошибочны, так как налицо не имелось почти никаких подготовительных работ.

Странная вещь: о еврейском народе писалось так много, а между тем о самом главном — его отношении к хозяйственной жизни — не было сказано ничего существенно важного. Так называемые «Истории еврейского хозяйственного быта» или «Экономические истории евреев», по большей части, совершенно не заслуживают этого названия, потому что все они не что иное, как истории права или даже правовые хроники, которые к тому же совсем не затрагивают событий нового времени. Поэтому мне пришлось выбрать фактически материал из нескольких сот монографий (некоторые из них превосходные) или из первоисточников для того, чтобы дать впервые — я не скажу историю — а эскиз хозяйственной деятельности евреев за три последних века.

Если многие из авторов монографий, касающихся отдельных местностей, и пытались обрисовать, по крайней мере, внешнюю сторону хозяйственной деятельности еврейского населения и судьбы их в течение последних столетий, то почти никто еще до сих пор не пробовал задаться общим вопросом о том, чем объясняется столь своеобразная судьба евреев или, выражаясь точнее, благодаря каким особенностям смогли они сыграть ту выдающуюся роль в создании современной хозяйственной жизни, которая в действительности выпала на их долю. Все, что обыкновенно приводилось для разъяс-

нения этой проблемы, все это — не больше как устаревшие, требующие значительных поправок схемы, вроде: «стесненное внешними обстоятельствами положение», «способность к торговле и шахермахерству», «покладистая совесть», и такие общие фразы должны были служить ответом на один из самых сложных вопросов всемирной истории.

Итак, прежде всего надлежало самым точным образом установить: *что* собственно требует выяснения или другими словами: какую именно склонность евреев надо выяснить. И только после этого можно было обратиться к рассмотрению тех данных, которые делают понятной специфическую способность евреев стать творцами современного капитализма. Анализу этих данных посвящена большая часть настоящей книги, и здесь не место излагать подробно те выводы, к которым в данном отношении пришел. Одно лишь я хотел бы подчеркнуть теперь же, чтобы читатель запомнил это, как основной тезис всей моей работы, а именно, что огромное, значительно перевешивающее роль всех других вместе взятых факторов, воздействие евреев на современную хозяйственную (и вообще культурную) жизнь объясняется, на мой взгляд, крайне своеобразным переплетением условий внешнего и внутреннего характера, что, по-моему, оно должно быть приписано одному (исторически случайному) факту, а именно, что народ крайне своеобразного уклада, — народ кочевников и обитателей пустынь, народ с горячей кровью — был перенесен в среду совершенно чуждых народностей, с холодной кровью, медлительных, оседлых, и был вынужден жить и трудиться тоже в исключительных внешних условиях. Останься евреи жить на Востоке или попали бы в какую-нибудь другую жаркую страну, их своеобразная природа дала бы, конечно, тоже своеобразные последствия, но влияние их не имело бы того динамического характера. Они сыграли бы, быть может, такую роль, какую играют теперь армяне на Кавказе, кабилы в Алжире, китайцы, афганцы или персы в Индии; но без них мы никогда бы не достигли кульминационного пункта человеческой культуры: современного капитализма.

Именно это обстоятельство, т.е. что чисто «случайная» комбинация столь различных по своей природе народов и их совершенно «случайные» тысячами причин обусловленные судьбы создали современный капитализм, показывает, насколько своеобразна история его происхождения и в значительной степени самый его характер. Без

рассеяния евреев по северным странам земного шара не было бы современного капитализма, не было бы и современной культуры.

Я довел мои изыскания до наших дней и, надеюсь, доказал с полной очевидностью, что хозяйственная жизнь нашего времени все в возрастающей мере подвержена еврейскому влиянию. Я не сказал в моей книге, — и потому должен отметить это здесь, — что в самое последнее время влияние евреев начинает, по всем видимостям ослабевать. То обстоятельство, что число евреев, занимающих видные посты, напр. директоров или членов наблюдательных советов в больших банках сокращается, не подлежит никакому сомнению и может быть подтверждено простым подсчетом. Но и помимо этого внешнего явления происходит, по-видимому, оттеснение еврейского элемента на второй план. Интересно выяснить причины этого крупного явления. Они могут быть самые различные. С одной стороны, они могут корениться в изменившихся личных способностях хозяйственных субъектов, в том, что не евреи сумели лучше приспособиться к требованиям капиталистического строя, они «научились»; евреи же вследствие происшедших в их внешнем положении изменений (улучшение гражданского положения, упадок религиозного чувства) по внешним или внутренним причинам утратили часть их прежней способности к капитализму; с другой стороны, причину уменьшения еврейского влияния на нашу хозяйственную жизнь надо, по всей вероятности, искать в изменившейся материальной обстановке экономической деятельности: капиталистические предприятия все более и более превращаются в бюрократические учреждения, которые уже не нуждаются в такой мере в людях со специфическими коммерческими талантами, — бюрократизм приходит на смену коммерциализму (для примера укажу на наши крупные банки).

Вопрос о том, насколько новейшая эпоха капитализма в действительности свидетельствует об уменьшении еврейского влияния, подлежит еще детальному выяснению. В настоящей работе я пользуюсь своими личными наблюдениями, равно как и наблюдениями других лиц, лишь для того, чтобы доказать, что я при единственном возможном объяснении наблюдаемых явлений шел по правильному пути, что то объяснение существовавшего до сих пор влияния евреев, какое я даю в настоящей книге, правильное. Самое уменьшение этого влияния есть в то же время как бы опыт, показывающий, где должны корениться причины этого влияния.

Наконец, я хочу отметить еще несколько особенностей этой книги для того, чтобы в силу недоразумения общий ход моих мыслей не расплылся в тумане и не показался «критически» настроенному зрителю совсем иным, чем я хотел бы.

1) Эта книга — книга *односторонняя*; для того чтобы произвести в головах людей радикальный переворот, надо быть односторонним.

Поясню свою мысль. Цель книги — раскрыть значение евреев для современной хозяйственной жизни. С этой целью я собрал весь материал, свидетельствующий об их значении, совершенно не затрагивая других факторов, которые, помимо евреев, оказали влияние на создание современного капитализма. Поступая так, я, конечно, отнюдь не думал отрицать влияния указанных факторов. С равным правом можно было бы написать исследование о влиянии на современный капитализм северных рас. И точно так же, как я раньше сказал, — без евреев не было бы современного капитализма, можно было бы сказать, что его не было бы без завоеваний техники или без открытия серебряных залежей в Америки.

И хотя моя книга, как я сам говорил, односторонняя, тем не менее

2) это отнюдь *не книга a these*. Другими словами, настоящим исследованием я вовсе не имею в виду доказать правильность определенного «исторического мировоззрения», нисколько не думаю дать «расовое» обоснование хозяйственной жизни. Какие «теоретические» или «историко-философские» выводы могут быть или должны быть сделаны из моего изложения, это настоящей книги не касается и стоит совершенно особо. Задачей настоящей работы является лишь передача того, что я видел, и попытка объяснить эти факты. Поэтому-то если бы кто-нибудь пожелал опровергнуть мои утверждения, то он должен основываться тоже только на эмпирико-исторической действительности и доказать мне, что я ошибался, когда отстаивал известные факты, или делал ложные выводы в тех отдельных случаях, когда пытался выяснить причины определенных фактов.

И наконец, я с могушей показаться странной настойчивостью подчеркиваю, что

3) эта книга — *строго научная*. Разумеется, с моей стороны, это не является похвалой книги, наоборот, я хочу объяснить один ее недостаток. Как научная книга, она ограничивается установлением и объяснением фактов, всецело воздерживаясь от оценки их.

Оценка ведь всегда субъективна, она не может не быть субъективной, потому что в конечном итоге основывается на всецело личном миро- и жизнепонимании каждого отдельного субъекта. Наука же имеет целью дать объективное познание, она ищет истину, которая в основе всегда *едина*, тогда как оценок столько, сколько оценивающих субъектов. Но как только объективное познание перемещивается с какой-нибудь субъективно окрашенной оценкой, оно сейчас же тускнеет, и поэтому наука и ее представители должны были бы, как от чумы, бегать от оценки того, что они установили. А между тем нигде субъективная оценка не причинила столько зла, нигде она не помешала так познанию объективной действительности, как в области «расового» вопроса, и особенно в сфере так называемого «еврейского вопроса».

Моя книга потому еще носит совершенно своеобразный характер, что, в то время как в ней на протяжении пятисот страниц говорится о евреях, нигде, ни в одной строчке нельзя найти ничего такого, в чем проглядывала бы оценка евреев, их существа и их деятельности.

Конечно, и проблема ценности, в данном случае ценности или не ценности определенной группы населения, может быть сделана предметом строго научной разработки. Но, как я сейчас это вкратце разъясню, такая разработка должна всегда сопровождаться надлежащими напущившими разъяснениями и критическими предостережениями. И приблизительно такого рода.

Прежде всего, надо было бы обратить внимание на то, что и отдельные народы, подобно индивидуумам, подлежат оценке в зависимости от того, что представляют собою они сами и их деяния; затем надлежало бы указать, что конечное мерило такой оценки всегда, безусловно, субъективное. Недопустимо поэтому говорить о «высших» или «низших» расах, называть евреев «низшей» или «высшей» расой, потому что самое определение важности или незначительности характерных свойств и роли изучаемого народа зависит всецело от субъективного представления о ценности у данного лица.

Это явствует из следующих соображений.

Возьмем для примера судьбу евреев. Среди всех народов это — вечный народ. «Один народ рождается, другой погибает, один Израиль существует вечно», — гордо говорит Мидраш к 36-му псалму. Ну что же, ценно это долгое существование народа, которым хва-

лятся еще и поныне евреи? Генрих Гейне думал иначе, когда писал: «Этот издревле несчастный народ уже давно проклят и влечит через столетия свои адские муки. О, этот Египет! Его создания не боятся времени: его пирамиды все еще стоят нерушимыми, его мумии все еще не поддаются разрушению и так же неискоренимы, как тот народ-мумия, который кочует по свету, закутавшись в исписанные старинными буквами свитки, отвердевший кусок всемирной истории, привидение, ради пропитания торгующее векселями и старыми брюками».

Евреи сделали возможным существование капитализма в его теперешнем виде. Надо их благодарить за это? И на этот вопрос могут быть даны прямо противоположные ответы в зависимости от субъективного отношения отвечающего к капиталистической культуре.

Кто, кроме Бога, в состоянии решить, в чем заключается «объективно» ценная деятельность или объективно ценное значение двух человек или двух народов? Ни одного человека, ни одну расу нельзя с этой точки зрения поставить выше других. И если серьезные люди, несмотря ни на что, все-таки постоянно предпринимают такие оценки, то естественно, что никто не имеет права запретить им высказывать крайне субъективные взгляды. Но когда такая оценка принимает характер объективного и общего суждения, мы должны безжалостно лишать ее этой неправильно присвоенной претензии и, принимая во внимание опасность такого рода маскировок, не останавливаться перед употреблением самого страшного оружия в духовной борьбе — осмеивания.

Обыкновение представителей известных рас, известных народов восхвалять свою расу, свой народ, как «избранный», ценный, высший и Бог весть какой еще (совсем как жених восхваляющий свою невесту) представляет, поистине, комичное зрелище. В последнее время особенно высоко поднимали фонды двух рас (или двух этнических групп), можно, пожалуй, сказать, им больше всего создавали рекламу, — это германцы и именно евреи, которых (совершенно основательно) брали под свою защиту национально настроенные евреи, отражая нападки лидеров других, а именно германских народностей. Разумеется, никто не может отрицать за представителями названных этнических групп право на восхваление своих соплеменников и на привязанность к последним (совсем как жениха к невесте). Но как неприятно видеть, когда

такую любовь хотят навязать третьим лицам. Когда кто-нибудь восхваляет германские народности, почему бы в ответ не привести мнение Виктора Гена (Hehn), несомненного авторитета, о том, что «в последовательных стадиях развития, ведущих от низших организмов к высшим и более благородным, итальянцы занимают более высокое место, богаче одарены духовными дарами, чем, например, англичане». (Понятно, что это мнение Гена столь же мало объективно, как и диаметрально противоположная ему точка зрения германофилов.)

Или кто станет мне возражать, если я вздумая ставить негров Соединенных Штатов выше их белокожих обитателей? Разве будет возражением, если мне укажут на высоко развитую материальную культуру янки? Ведь для действительности этого довода пришлось бы предварительно доказать, что американская культура ценнее негритянского отсутствия культуры и т. д.

Научный анализ вопроса об оценке рас мог бы, собственно говоря, преследовать и другие цели. Так, он мог бы выяснить последовательные изменения масштабов оценки. И при таком историческом изучении по отношению к последним столетиям пришлось бы признать, что цикл развития, сформулированный одним остроумным человеком в тезис: от человечества к бестияльности через национальность, та его часть, которая ведет назад к бестияльности, должна быть выражена иначе, а именно: от человечества (которое в данном случае понимается не в качестве регулятивной идеи, а просто, как равенство всех людей на бумаге) через национальность (и расовое восхваление) к специализации (или качественной оценке), т. е. к оценке человека вне зависимости от его принадлежности к тому или другому роду или племени. Как раз теперь мы присутствуем при образовании нового понятия расы, в которой не усматривают более исторически развивающееся явление, а, наоборот, наполняют ее идеальным содержанием!

Коллективная оценка целых рас и народов теперь все более и более отвергается, как слишком плебейский идеал. Понятно, что при этом не следует впадать в еще более плебейскую привычку измерения всех людей одним масштабом. Напротив, следует выдвигать более «возвышенную» точку зрения, а именно, что кровь, правда, делает людей ценнее, независимо от того, какая это кровь — германская, еврейская или негритянская. Человек должен быть «по-

родистым», и с этой точки зрения породистая еврейка ценнее расфуфыренной и изнеженной германки и наоборот.

Наконец, в научной разработке проблемы ценности целых этнических групп можно было бы указать еще на то, что есть люди, для которых вообще расы и народы своего рода Гекуба; для них ценность представляют лишь отдельные люди, они держатся того мнения, что всякие скопления людей, в виде рас или чего-либо подобного, представляют собою не имеющую никакой цены смесь, в этой же смеси лишь там да сям торчат единичные, имеющие ценность, люди. Думающие так давно уже перестали делить людей в вертикальном направлении; они делят их горизонтальной чертой на «людей» и что-то другое, причем «над чертой» у них так же часто (или так же редко) попадаются евреи, как и христиане, эскимосы, как и негры. (Ведь в каждой человеческой группе можно найти «людей» — это безусловная истина.)

Моя книга — книга научного содержания и потому не содержит никаких оценок. Личное же мнение автора представляет интерес не для широкой публики, а лишь для его друзей. Последние же знают его.

Вернер Зомбарт

Глава первая

Методы количественного познания

Чтобы определить участие известной группы народонаселения в данной экономической области, мы можем пользоваться двумя методами: статистическим и генетическим. Путем статистического метода можно, как это уже выражено в самом его наименовании, попытаться привести в известность количество экономических субъектов, которые вообще принимают участие в определенной экономической деятельности (например, завязывают торговые сношения с известной страной или создают какую-нибудь область промышленности в данную эпоху), а затем постараться вычислить процентное отношение этих субъектов ко всей исследуемой группе населения. Этот метод имеет, несомненно, большие преимущества. Мы, конечно, получим отчетливое представление о значении иностранцев, протестантов или евреев для развития какой-нибудь отрасли торговли, если сможем установить с цифрами в руках, что 50 или 75% лиц, принимавших в ней участие, принадлежат к той или иной категории. Преимущества этого метода особенно обнаружатся, если исследование коснется, кроме хозяйственного субъекта, также других, экономически важных явлений, как, напр., величины вложенного капитала, количества произведенных благ, размеров торгового оборота и т. д. Поэтому статистически метод можно с пользой применять в исследованиях, какие мы имеем здесь в виду. Но тотчас же приходится убедиться, что одним этим методом поставленной задачи разрешить нельзя. Прежде всего, потому, что и лучшая статистика не отвечает на многие, часто даже самые важ-

ные вопросы, интересующие нас в данном случае. Она ничего не дает для выяснения динамического влияния, которое могут иметь единичные сильные индивидуальности в экономической жизни (как и повсюду, где проявляется человеческая активность), — те индивидуальности, воздействие которых далеко переходит за пределы их непосредственного круга деятельности и участие которых в известном процессе, естественно, является поэтому непропорционально большим, чем это показывает статистика их участия в профессиональной группе и ее жизненных проявлениях. Если деловые приемы какого-нибудь банкирского дома влияют решающим образом на десять других и общие деловые приемы какой-нибудь эпохи и страны получают благодаря этому определенный отпечаток, то влияние и вместе с тем участие в развитии банкирского дела этого одного банкирского дома, дающего общее направление, очевидно, не передается никакими, даже самыми точными, цифровыми данными. Статистически метод должен быть, следовательно, во всяком случае, дополнен другими методами исследования.

Но другой недостаток статистического метода дает себя еще сильнее чувствовать, чем вышеупомянутый: это вообще неприменимость его в громадном числе случаев, вследствие недостатка цифрового материала. Что касается прошлого, то лишь в самых счастливых случаях мы располагаем точными цифровыми данными о числе лиц, участвовавших в промышленности, в той или другой отрасли торговли, о величине оборота и т. д. с точным указанием процентного отношения различных групп народонаселения, в частности количественного участия евреев. Для настоящего и будущего времени возможно было бы, пожалуй, установить статистические данные этого рода в несколько более широких размерах. О некоторых из них будет еще речь на протяжении этого труда. Но необходимо иметь в виду громадные трудности, встречающиеся на пути таких изысканий. Общие профессиональные и промысловые переписи совершенно не могут при этом быть нам в помощь. В лучшем случае из них можно только вывести заключение об участии различных вероисповедных групп в разных отраслях экономической деятельности. Но этого для нас мало. Во-первых, как уже было указано, одни цифры, касающиеся численности лиц, без данных о величине находящегося в их руках капитала или о размерах их предприятий, сами по себе недостаточны; во-вторых, при этом остаются необнаружен-

ными лица, принявшие другое вероисповедание, но тем не менее должны быть причисленными к исследуемой группе народонаселения. Чтобы привести к сколько-нибудь достоверным результатам, такие статистические исследования должны производиться с помощью сравнительного использования различных источников (как, напр., коммерческих и промышленных руководств, торговых и промышленных адресных книг, податных списков еврейских общин и т. п.); необходимо также, чтобы исследования эти производились в форме *монографий* лицами, обладающими точными знаниями в данной хозяйственной отрасли и не менее точными сведениями о лицах, принимающих в ней участие. Я надеюсь, что мой труд побудит других предпринять в гораздо более широком размере такого рода исследования (требующие к тому же еще значительных денежных затрат). В настоящий же момент мы, кроме анкеты, проектируемой Зигмундом Майером, не обладаем ни одной сколько-нибудь ценной и полезной работой в этой области. Конечно, настоящий труд был бы невозможен, если бы для определения участия евреев в нашей хозяйственной жизни существовал только статистический метод. Но, как я уже упомянул вначале, мы имеем возможность воспользоваться еще одним методом, названным мною генетическим, который не только заполняет пробелы статистического, но имеет и крупные преимущества перед последним, так что оба они могут быть поставлены рядом как равноценные.

Этот генетический метод можно охарактеризовать приблизительно следующим образом. Мы хотим прежде всего узнать, насколько известная группа народонаселения (евреи) является (или являлась) решающей для хода и направления, свойств и характера современной экономической жизни; хотим как бы уяснить качественное или, как я назвал это выше, динамическое значение этой группы. Легче всего можно этого достигнуть, если рассмотреть, получили ли определенные, особенно характерные для нашей экономической жизни, черты свой первый решительный отпечаток от евреев. Так мы постараемся исследовать, насколько те или иные внешние формы локального или организационного характера объясняются деятельностью евреев или же насколько деловые приемы, развившиеся в общие экономические нормы, регулирующие нашу хозяйственную жизнь, являются продуктами специфического еврейского духа. Ясно, что для применения этого метода нам необходимо было бы просле-

дить явления экономического развития по возможности до их первых зачатков и, следовательно, обратить наше внимание на первоначальные стадии современного капитализма или, по крайней мере, на то время, когда он получил свой современный облик. Но при этом отнюдь недостаточно останавливаться только на этой первоначальной эпохе; необходимо также внимательно рассмотреть назревание капиталистического процесса, так как в течение всего этого времени вплоть до нашей эпохи непрерывно накаплиется все новый и новый материал, а характерные особенности какой-нибудь экономической системы часто выступают наружу лишь в более поздней стадии ее развития. Необходимо, главным образом, схватить момент, когда новые элементы в первый раз дают себя чувствовать, и проследить, кто играл в этот момент решающую роль в только что начавшей развиваться специальной области экономической жизни.

Надо установить, говорю я, кто играл решающую роль. Но такое точное и неопровержимое установление в данном случае является очень трудным, если не невозможным. Здесь, как и в большинстве случаев, должен выручать научный такт. Само собою разумеется, что личность, творчески вносящая какую-нибудь новую руководящую идею или организационный принцип в экономическую жизнь, отнюдь не является «изобретателем» в тесном смысле этого слова. Часто приходится слышать, что евреи, собственно, не отличаются изобретательностью, что не только в области техники, но и экономики новые открытия делаются не евреями, и что евреи обладают только способностью ловко использовать идеи других. Я считаю этот тезис в общем неправильным. И на техническом, а тем более на экономическом поприще мы встречаем евреев-«изобретателей» в собственном и более тесном смысле этого слова (как это выяснится из настоящего исследования). Но если бы даже тезис этот был приемлем во всем своем объеме, то и тогда он отнюдь не говорил бы против того предположения, что евреи наложили свой особенный отпечаток на некоторые области хозяйственной жизни, так как в мире экономики не столько важно само изобретение, сколько «эксплуатация» его, т. е. способность воплотить в жизнь какую-нибудь идею, осуществить в действительности какую-нибудь мысль. Для хода и направления экономического развития решающим является не то обстоятельство, что какой-нибудь находчивый человек создал в своем уме, теоретически систему, скажем, продажи в рассрочку.

Гораздо важнее, оказались ли налицо люди, обладавшие способностью и желанием ввести эту новую форму торговых отношений в общий обиход.

Раньше, чем я попытаюсь определить самое участие евреев в создании нашей современной экономической жизни, я хотел бы в нескольких словах коснуться вопроса, насколько вообще возможно выяснить размеры этого участия при условии наиболее продуктивного применения обоих, предоставленных в наше распоряжение, методов: статистического и генетического.

Прежде всего не подлежит сомнению, что значение евреев для современного экономического развития покажется большим, чем оно есть в действительности, раз все явления будут рассматриваться исключительно с точки зрения участия именно евреев в воплощении этих явлений в жизнь. Такое следствие — переоценка значения одного фактора в результатах целого комплекса явлений — будет (и должен) всегда иметь место, если фактор этот подвергается изолированному анализу. При изложении истории современной техники и ее влияния на ход экономической жизни все показалось бы в такой же мере технически обусловленным, как в другом случае, напр., все показалось бы обусловленным государственной организацией, если бы мы рассматривали одно только значение современного государства для генезиса капитализма. Все это разумеется само собою, но все же это необходимо подчеркнуть, чтобы устранить упрек в преувеличении роли евреев в процессе нашей хозяйственной жизни. Конечно, масса других условий в равной мере способствовала тому, что наша экономика приняла свою нынешнюю форму. Без открытия Америки и ее серебряных рудников, без изобретений современной техники, без национальных особенностей европейских народов и их исторических судеб современный капитализм был бы так же невозможен, как без воздействия евреев. Влияние евреев составляет только одну главу в великой книге истории, и оно найдет соответствующую оценку своего частичного значения в общей связи с целым в новом генетическом исследовании современного капитализма, которое я надеюсь в скором времени опубликовать. Там оно выступит в своих подлинных размерах наряду с другими решающими факторами. Здесь же это невозможно, и потому (неопытному читателю) легко может броситься в глаза исключительное преобладание одного фактора в ущерб правильному представле-

нию об общей картине действительности. Выраженное здесь предупреждение, надеюсь, окажет (субъективное) воздействие и, вместе с другими (объективными) фактами, сделает возможным приблизительно верную оценку рассматриваемого нами явления.

Эти другие (объективные) факты, между прочим, заключаются в том, что влияние евреев на ход нашей экономической жизни на самом деле, несомненно, гораздо больше, чем оно кажется в историческом изложении, — больше по той весьма простой причине, что влияние это может быть только частью выяснено, частью же (вероятно, даже большей, во всяком случае, очень значительной) вообще ускользает от нашего анализа, хотя бы в силу недостаточного знакомства с фактическим материалом. Мы уже упомянули, насколько это знание фактов оставляет желать лучшего в статистическом отношении. Но, даже с точки зрения чисто генетически-динамического метода исследования, кто еще может теперь дать точные указания о лицах или группах лиц, основавших ту или другую промышленность, развивших ту или другую отрасль торговли бывших первыми представителями того или другого экономического принципа. Правда, я полагаю, что об этих вещах можно добыть гораздо больше сведений, чем теперь имеется налицо; я даже не сомневаюсь, что и в настоящее время имеется гораздо больше сведений в этой области, чем те, которыми располагаю я и которые поэтому только и могут быть использованы в моем изложении. К объективной (обусловленной обстоятельствами) неудовлетворительности наших знаний в этом случае присоединяется, таким образом, еще и субъективный (обусловленный особенностями исследователя) недостаток знакомства с действительностью. Поэтому читатель этой книги узнает только часть (и, может быть, очень малую) достойных внимания фактов. Во всяком случае, читатель никогда не должен забывать, что то, что я могу рассказать о евреях и их участии в созидании современной экономики, представляет собою только минимум того, что было в действительности. Необходимо также помнить, что по особой причине минимум этот становится еще меньше по отношению к целому. Ведь даже в пределах наших знаний о происхождении хозяйства, — знаний, как мы видели, очень недостаточных, когда дело идет о выяснении личного состава, — мы, помимо всего, особенно плохо осведомлены относительно того, были ли евреями лица, влияние которых мы могли бы установить даже с указанием их точных имен.

Под «евреями» я разумею лиц, принадлежащих к народу, исповедующему закон Моисея. (Я намеренно избегаю при определении этого понятия всякого указания на кровные особенности, оставляя их пока в стороне, как сомнительные или несущественные.) Само собою разумеется, что при таком определении еврея (несмотря на изъятие всех расовых признаков при этой дефиниции) всякий выступивший из еврейской религиозной общины рассматривается как еврей, так же как и его потомство, поскольку простираются исторические воспоминания. (В дальнейшем изложении я еще буду говорить о правильности такого приема.)

Стараясь выяснить участие евреев в экономической жизни, мы постоянно наталкиваемся на то досадное и стеснительное обстоятельство, что евреи то и дело рассматриваются как христиане только потому, что они или их предки когда-то приняли крещение. Я уже указал, что это искажение фактических данных особенно чувствительно при применении статистического метода, так как статистика отмечает только вероисповедание. Но и при другом методе мы часто встречаемся с тем неудобством, что для нас действительный status личности остается скрытым, только благодаря перемене ее религиозной оболочки.

С другой стороны, мы должны считаться с тем фактом, что во все времена не малое количество евреев оставляло свою веру. В прежние века переход из еврейства в христианство происходил большей частью по принуждению. С этими фактами мы встречаемся в раннем средневековье: в Италии VII—VIII вв.; в ту же эпоху в Испании и в королевстве Меровингов. Но мы наблюдаем их у всех христианских народов и в позднейшие столетия вплоть до нового времени, почти до той эпохи, когда добровольная перемена религии выступает как массовое явление. Таков XIX в. и особенно его последняя треть. Для последних десятилетий этого века мы располагаем вполне точными статистическими данными, в то время как сообщения о более ранних эпохах не достоверны. Так, например, мне кажется маловероятным утверждение Якова Фромера, что к концу 20-х годов XIX в. приблизительно половина берлинского еврейского населения перешла в христианство [76, с. 144]*. Цифры, относящиеся к эпохе несомненных

* Первая цифра в квадратных скобках указывает номер источника в списке литературы, помещенном в конце книги (см. с. 603). •— *Прим. ред.*

статистических данных, утверждают противное. Они свидетельствуют, что более интенсивный выход из еврейства начинается только в 90-х годах, причем процентное отношение выходящих не превышает ни в одном году 1,28% (этот максимум достигнут в 1905 г.), в то время как средний выход равняется приблизительно одному проценту (1895). Во всяком случае, в Берлине число лиц, вышедших из еврейской религиозной общины, значительно: ежегодно их несколько сот, а с 1873 г. до 1906 г. - 1869 лиц [258].

Интенсивнее совершается выход из еврейства в Австрии, особенно в Вене. В настоящее время в Вене ежегодно крестится от пяти до шести тысяч евреев, и в течение 34 лет (1868—1903) число крестившихся достигло 9085. Количество крещений сильно нарастает. В среднем, за 1868-1879 г. один случай крещения в течение года приходился на 1200, за 1880-1889 г. на 420-430, а за 1890-1903 г. уже на 260—270 евреев [240].

Но не одни только принявшие христианство евреи ускользают от подсчета, когда желаешь определить участие этого народа в экономической жизни. Имеются еще другие группы евреев, влияние которых в интересующей нас области трудно или даже невозможно учесть.

Я не говорю уже о еврейках, вышедших замуж за христиан и тем самым раз навсегда исчезнувших с еврейского горизонта, не переставая в то же время, по всей вероятности, сохранять свои специфические черты и тем, конечно, распространяя дальше свои особенности (ниже мы будем еще говорить об этом). Я имею прежде всего в виду ту исторически чрезвычайно важную группу криптоевреев, которую мы встречаем на протяжении всех столетий и которая в известные эпохи составляла значительную часть еврейства. Эти скрытые евреи так хорошо умели выдавать себя за неевреев, что многие действительно считали их христианами (или магометанами). Так, например, о евреях португальско-испанского происхождения в Южной Франции в течение XV—XVI вв. (и позже) мы узнаем следующее (между прочим, так жили все мараны на Пиренейском полуострове и вне его): «Они исполняли весь внешний ритуал католической религии; их рождения, браки, смерти вносились в записи церкви, которая исполняла над ними христианские таинства крещения, брака, причащения. Многие из них даже вступали в монашеские ордена и становились священниками» [172, с. 105].

Таким образом, неудивительно, что во всех отчетах о торговых предприятиях, промышленных учреждениях и т. п. они не рассматриваются как евреи и что некоторые историки еще и теперь говорят о благоприятном влиянии «испанских» или «португальских» переселенцев. Эти псевдохристиане иногда так хорошо скрывали свое настоящее происхождение, что по сию пору специалисты в области иудаизма спорят о том, была ли данная семья еврейского происхождения или нет [напр., 257, с. 433 и сл.]. Неуверенность, конечно, возрастает, если такие криптоевреи принимали христианские имена. Особенно много евреев было, вероятно, среди протестантских изгнанников в XVII в., что мы можем заключить из причин общего характера, а также принимая во внимание, что среди этих изгнанников встречается много еврейских имен [ср., напр., 248, с. 164, 377, 379, 383].

Наконец, от подсчета ускользают все те евреи, которые до мартовской революции 1848 г. принимали участие в хозяйственной жизни, но были неизвестны властям, так как закон запрещал им заниматься их профессиями. Они принуждены были или пользоваться услугами подставного лица-христианина, или искать защиты у привилегированного еврея, или употребить другую какую-нибудь уловку, чтобы иметь возможность развить свою деятельность, не взирая на закон. По мнению знатоков, эта конспиративная часть еврейства в некоторых местах достигала очень внушительных размеров. Так, например, в Вене, в 40-х годах XIX в. число евреев составляло «по умеренной оценке» 12 000. В их руках находилась уже тогда вся оптовая торговля тканями; целые кварталы центральной части города были полны только еврейскими торговцами. И, несмотря на это, официальный торговый регистр 1845 г. насчитывает всего 63 еврея, о которых говорится в приложении к регистру, как о «терпимых евреях-торговцах», имеющих право торговать лишь определенными предметами [176, с. 7].

Высказанные выше соображения имели лишь целью указать разнообразие причины, приведшие к тому, что число евреев, о которых мы знаем, значительно меньше, чем их существовало и существует в действительности. Поэтому читателю следует помнить, что в силу указанных причин участие евреев в созидании нашей экономики должно показаться меньше действительного. Теперь перейдем, наконец, к рассмотрению самого этого участия.

Глава вторая
**Перемещение
хозяйственной сферы
начиная
с XVI века**

В процессе современного экономического развития очень важным фактором явилось перемещение центра тяжести мировых хозяйственных отношений и перенесение центра экономической энергии из круга южноевропейских наций (итальянцев, испанцев, португальцев), к которым примыкали и некоторые южногерманские области, к северозападным европейским народам: сначала к (бельгийцам и) голландцам, затем к французам, англичанам, северным немцам. Существенным явлением был быстро наступивший расцвет Голландии, давший толчок к интенсивному развитию экономических сил — особенно Франции и Англии. В течение всего XVII в. целью всех теоретиков и практиков северозападных наций Европы является только соревнование с Голландией в области торговли, промышленности, судоходства и колониальных завоеваний.

Для объяснения этого общеизвестного факта «историки» приводят самые забавные основания.

Так, например, открытие Америки и морского пути в Индию было будто бы виной того, что итальянские и южногерманские города-государства, а также Испания и Португалия утратили свое экономическое значение. Вследствие этих открытий будто бы потеряла значительный ущерб левантийская торговля, а следовательно, поколебалась и сама основа южногерманских и итальянских городов, занимавшихся этой торговлей. Эти доводы совершенно не убедительны. Во-первых, левантийская торговля в течение XVII—XVIII вв.

почти превосходила торговлю со всеми другими странами; расцвет южнофранцузских торговых городов, так же как и расцвет гамбургской торговли в эту эпоху, зиждился почти всецело на ней. Во-вторых, различные итальянские города, потерявшие в XVII в. свое могущество, принимали деятельное участие в течение всего XVI в. в левантской торговле, несмотря на изменение торговых путей. (Так, например, Венеция приблизительно до 1550 г.)

И уж совершенно непонятно, почему народы, шедшие впереди других до XV в., как итальянцы, испанцы и португальцы, могли потерпеть ущерб благодаря развитию новых торговых отношений с Америкой и Восточной Азией (морским путем); непонятно, почему они, в силу своего географического положения, должны были хоть сколько-нибудь отступить перед французами, англичанами, голландцами, гамбургцами. Разве путь из Генуи в Америку или Ост-Индию не был тот же самый, что из Амстердама, Лондона или Гамбурга? Разве португальские и испанские гавани не были самыми близкими к тем новым странам, которые были открыты итальянцами и португальцами и ими же первоначально заселены?

Также мало оснований и другой довод, приводимый для объяснения перемещения экономического центра тяжести к северо-западным европейским народам, именно указание на более сильную государственную власть, которая будто бы давала им перевес над разрозненными немцами и итальянцами.

Мы спрашиваем с удивлением: разве могущественная царица Адриатики представляла в XVI в. меньшую государственную власть, чем эти семь провинций в XVII в.? Разве царство Филиппа II, по своему могуществу и значению, не превосходило все державы того времени? Приходится, наконец, спросить: почему отдельные города, политически-разрозненных немецких государств, как, например, Франкфурт-на-Майне или Гамбург, достигли в XVII—XVIII вв. такого расцвета, сравняться с которым могли только немногие французские и английские города?

Здесь не место разбирать причины этого явления во всей их совокупности. Само собой разумеется, что конечный результат был следствием целого ряда обстоятельств. Я хочу здесь только указать — в той связи, в которой мы рассматриваем данную проблему, — на возможность объяснения этого странного явления предположением,

заслуживающим, как мне кажется, самого серьезного внимания и до сих пор, насколько мне известно, оставившимся без надлежащего внимания. Я имею в виду предположение, ставящее перемещение экономического центра тяжести с юга на север Европы (ради краткости употребляю этот не совсем точный оборот) в связи с переселениями евреев. Едва останавливаясь на этой мысли, как сразу изумительно освещаются все события того времени, раньше казавшиеся непонятными и загадочными. Нельзя не удивляться, что до сих пор никто не усмотрел хотя бы внешнего параллелизма между передвижениями еврейского народа и экономическими судьбами различных народов и городов. Точно солнце, шествует Израиль по Европе: куда он приходит, там пробуждается новая (капиталистическая) жизнь; откуда он уходит, там увядает все, что до тех пор цвело. Краткое напоминание о превратностях судьбы, пережитых еврейским народом с конца XV в., подтвердит справедливость этого наблюдения.

Великое всемирно-историческое событие, о котором здесь прежде всего следует упомянуть, это — изгнание евреев из Испании и Португалии (1492—1497). Не следует забывать, что в тот самый день, когда Колумб отплыл из Палоса, чтобы открыть Америку (3 августа 1492 г.), из Испании, как передают, выселилось 300 000 евреев в Наварру, Францию, Португалию и на восток и что в те годы, когда Васко да Гама открывал морской путь в Ост-Индию, евреи были изгнаны также и из других частей Пиренейского полуострова.

Невозможно со статистической точностью определить всю сумму тех кочевков, которые выпали на долю евреев с конца XV в. Сделанные в этом направлении попытки дали в результате только относительные цифры. Лучшее из известных мне исследований принадлежит перу Исаака Лоба [см. 167, с. 161]. Хотя множество приводимых им цифр в большинстве случаев вычислены на основании цифр еврейского населения, живущего *в настоящее время* в различных местах, я все-таки хочу отметить здесь результаты его тщательного труда. Согласно его данным, в 1492 г. в Испании и Португалии жило около 235 000 евреев, приблизительно столько, сколько 200 лет раньше; из них 160 000 в Кастилии, включая и Андалузию, Гранаду и др., 30 000 в Наварре. Судьба этих испанско-португальских евреев представляется в следующем виде: 50 000 перешли в католичество; в пути умерло 20 000; эмигрировало 165 000; из них поселилось:

в европейской и азиатской Турции	90 000
в Египте и Триполи	2 000
в Алжире	10 000
в Марокко	20 000
во Франции	3 000
в Италии	9 000
в Голландии, Гамбурге, Англии, Скандинавии	25 000
в Америке	5 000
в различных странах	1 000

В дополнение к этому приведу здесь еще цифровые данные, находящиеся в отчете одного прекрасно осведомленного венецианского посланника: «si guidica in Castilia ed in altre Provincie di Spagna *il terzo essere Marrani*, un terzo dico di coloro che sono cittadini e mercanti perchè il popolo minuto è vero christiano, e così la maggior parte delli grandi» [*Vicenzo Querini* (1506), у *Alberi*. *Rei. degli Amb. Sar. T. somi. T.*, p. 29]. Итак, уже после официального изгнания *евреи составляют одну треть буржуазии!* Можно с известной уверенностью предположить (это подтверждается и другими данными), что уход евреев из Испании и Португалии произошел, главным образом, в течение XVI в.

Странная игра случая соединила в одну эпоху два, равно достопамятных, события: открытие новых частей света и самое крупное передвижение еврейского народа. Но на этом официальном изгнании евреев из Пиренейского полуострова еще не кончается их тамошняя история. Большое число евреев остается на родине под видом псевдохристиан (маранов), которые только в течение следующего столетия, благодаря особенно интенсивному применению инквизиции¹ со времен Филиппа III, покидают страну; значительная часть испанских и португальских евреев переселяется в другие страны только в течение XVI в. и особенно в конце его. Но к этому времени испанско-португальская экономика близится к своему роковому концу.

¹ О судьбе маранов в Португалии см.: *Kayserling M. Gesch. der Juden in Portugal* [135, с. 84 и сл., 167 и сл.]. Детали, особенно позднейшего периода, у *Gottheil J. H. The Jews and the Spanish Inquisition* [89, 182 и сл.], *Elkan N. Adler. Auto da Fe, and Jew ib. Vol. XIII, XIV, XV*; недавно (1907) под тем же названием расширено в самостоятельную книгу, содержащую много интересных деталей.

В XV в. евреи изгоняются из самых важных немецких торговых городов: Аугсбурга (1439-1440), Страсбурга (1438), Эрфурта (1458), Нюрнберга (1498-1499), Ульма (1499), Регенсбурга (1519).

В XVI в. та же участь постигает их и в целом ряде итальянских городов: их изгоняют в 1492 г. из Сицилии, в 1540-1541 гг. из Неаполя, в 1550 г. из Генуи, в том же году — из Венеции. И здесь экономический регресс совпадает хронологически с выселением евреев.

С другой стороны, момент экономического расцвета — часто внезапного расцвета — городов и стран, в которые направились спаньолы, совпадает со временем прибытия туда еврейских беглецов. Так, Ливорно был одним из немногих итальянских городов, сильно развившихся в экономическом отношении именно в XVI в., т. е. в ту эпоху, когда значительное число еврейских беглецов поселилось в Италии [см., напр., 229, с. 167].

В Германии Франкфурт-на-Майне и Гамбург раньше других приняли у себя в течение XVI—XVII вв. большое число евреев.

Во Франкфурт-на-Майне переселились, главным образом, евреи, изгнанные из остальных южногерманских городов в течение XV—XVI вв. Но, вероятно, и из Голландии в течение XVII—XVIII вв. перекочевало сюда известное количество евреев; это можно заключить из тесных торговых сношений между Франкфуртом и Амстердамом, существовавших в течение XVII—XVIII вв. О предшествующем времени [до 1500 г.] ср. *Bücher K.* [24, с. 526—601]. По данным *Friedrich Bothes* [75], число евреев в течение XVI в. увеличилось в 20 раз; в 1612 г. оно составляло приблизительно 2800 душ, в 1709 г., согласно официальной переписи, насчитывалось 3019 душ евреев (при общем населении в 18 000). Мы особенно хорошо осведомлены о происхождении франкфуртских евреев по тщательному труду *J. Dietz'a* «*Stammbuch der Frankfurter Juden. Geschichtliche Mitteilungen über die Frankfurter jüdischen Familien von 1549—1849*» [48]. В большинстве случаев Диц сумел установить каждую отдельную местность, из которой прибыла во Франкфурт данная еврейская семья. Но, к сожалению, мы не можем отсюда с уверенностью заключать о более раннем происхождении этих пришельцев: жили ли они до того в Восточной Германии, Голландии или Испании и т. д.

В Гамбурге первые еврейские беглецы — сначала под маской католицизма — селятся в 1577—1583 гг. Они пришли туда прямо из Испании и, сверх того, пополнялись выходцами из Фландрии, Италии, Голландии. В течение XVII в. начался приток восточных (немецких) евреев. По описанию графа Галеацо Гвальдо Приорато, в Гамбурге в 1663 г. находилось 40-50 немецко-еврейских домов и 120 португальско-еврейских семейств [*Zeitschrift IIIг Hamburger*

Geschichte. 3, 140 и сл.]. О поселении и ранней истории евреев в Гамбурге см.: *Feilchenfeld A.* [64], затем: *Grunewald M.* [94, 95].

С конца XVII в. число евреев в Гамбурге быстро возрастает. В середине XVIII в. уже говорят об «ужасающей массе евреев», число которых преувеличенно определяют в 20 000-30 000 [см.: 93, с. 47 и сл.].

И странное дело, кто в XVIII в. путешествовал по Германии, отдавая себе ясный отчет в том, что видел, тот констатировал упадок всех прежних (имперских) торговых городов, как Ульм, Нюрнберг, Майнц, Кельн, и только о двух имперских городах он мог бы сказать, что они сохранили и даже усилили свой старый блеск и значение: это — Франкфурт-на-Майне и Гамбург [212. Выдержки см. в 226, с. 382 и сл.].

Во Франции в течение XVII-XVIII вв. самыми цветущими городами были Марсель, Бордо, Руан — опять-таки места, принимавшие у себя еврейских беглецов¹.

Известно, что развитие хозяйства в Голландии в конце XVI в. внезапно получило сильный толчок (в смысле капиталистического развития). Первые португальские мараны поселяются в Амстердаме

¹ Мы особенно хорошо осведомлены об истории евреев в Бордо по превосходному труду Теофила Мальвезина «Les juifs à Bordeaux» [172], содержащему массу ценного материала (также и с точки зрения экономической). Некоторые данные о судьбе евреев в Марселе дает труд Ионаса Вейля [250]. О евреях в Руане: *Gosselin*. Doc. inédits pour servir à l'histoire de la marine normande et du commerce rouennais pendant les XVIe et XVIIe siècles. 1876 [88]. *Pigeonneau*, цитирующий это сочинение, говорит, конечно, только о «Espagnols et Portugais naturalisés».

Ср. также труд *Maignial M.* La question juive en France en 1789 [171]. Эта книга также заслуживает внимания, как особенно ценный вклад в литературу об иудаизме. Она основана на широком знакомстве с источниками и написана с большой вдумчивостью. Она не только вводит в положение «еврейского вопроса» во Франции в эпоху революции, но дает также картину развития еврейской проблемы до 1789 г. и содержит многочисленный материал для критического освещения всей проблемы.

В Париже число евреев до XIX в., по-видимому, не очень велико, хотя они и там (как мы еще увидим) уже раньше играли значительную роль. Монографически точные данные о судьбе евреев в Париже в течение XVIII в. дают труды Леона Кана [см. с. 130—131]. Но, как это часто бывает с такого рода исследованиями, они оставляют без освещения наиболее интересные стороны предмета.

в 1593 г.; вскоре к ним присоединяются и другие беглецы. В 1598 г. открывается уже первая синагога в Амстердаме. В половине XVII в. во многих голландских городах существуют уже многочисленные еврейские общины. В начале XVIII в. в одном Амстердаме насчитывается около 2400 «изгнанников»¹. Уже в середине XVII в. они пользуются выдающимся духовным влиянием: государствоведы и политические философы ставят государственную организацию израильтян в пример голландцам [206]. Евреи сами называют в ту пору Амстердам своим новым, великим Иерусалимом [227, цит. в: 92, т. 10, с. 2].

В Голландию спаньолы переселились частью прямо из Испании, частью из нидерландо-испанских владений, главным образом из *Антверпена*, куда они направились в последние десятилетия XV в. и после своего изгнания из Испании и Португалии. Указы от 1532-1549 гг., правда, запрещали пребывание псевдохристиан в Антверпене, но оставались без всякого результата. В 1550 г. запрещение это было возобновлено, но только относительно псевдохристиан, живших в городе меньше шести лет. И это запрещение осталось без влияния. «Тайные евреи со дня на день увеличивались в числе». Они принимают деятельное участие в освободительной войне Нидерландов, дальнейшее течение которой заставляет их постепенно перекочевывать в северные провинции². Замечательно, что и здесь также короткий расцвет Антверпена, как центра мировой торговли и биржи, хронологически совпадает с притоком и удалением маранов [см. 97, с. 129. Ср. также: 55J.

Наконец, и в *Англии* так называемый экономический подъем, т. е. зарождение капитализма [см., напр.: 55, с. 303 и сл.] идет, по-

¹ *Евреи в Голландии* нашли своего историка в лице *H. J. Koenen* [142]. Как цельная картина, его труд остается до сих пор непревзойденным. Много нового материала находится в еврейских журналах, издающихся в Голландии. Из самостоятельных трудов следует еще, пожалуй, упомянуть *Pimental M. II. Geschiedkundige Aanteekeningen betreffende die Portugeeche Israeliten in den Haag*. 1876.

Back Sam. Die Entstehungsgeschichte der portugiesischen Gemeinde in Amsterdam. S. A., 1883.

Italie E. Geschiedenes der Israelitischen Gemeente te Rotterdam. 1907.

² Кроме литературы, цитированной в предыд. сноске, ср. также: *Carinoly* в «*Revue Orientale*», 1 (1841), 42 и сл., 168 и сл. и *Craetz*- *Geschichte der Juden* [92, т. 9, с. 292, с. 354 и сл., с. 490].

видимому, параллельно с притоком еврейских элементов испано-португальского происхождения¹.

Раньше предполагали, что в Англии не было евреев со времени их изгнания в правление Эдуарда I (1290) до их (более или менее официального) обратного допущения в эпоху Кромвеля (1664-1656). Выдающиеся знатоки англо-еврейской истории не разделяют более этого взгляда. Евреи существовали в Англии во все времена. Но в XVI в. их стаю там много. В эпоху Елизаветы их также было не мало. Сама Елизавета любила еврейскую литературу и общество евреев. Ее врачом был Родриго Лопец — еврей, с которого Шекспир писал своего Шейлока².

¹ Литература по истории евреев в Англии изобилует превосходными сочинениями. Богатый источник, к которому, правда, следует относиться осторожно, все еще представляет книга «AngNa Judaica or the History and Antiquities of the Jews in England» by D'Blossiers Tovey, 1738. Среди новых явлений еврейской литературы решающее значение имела известная книга *Piccioato James. Sketches of Anglo-Jewish History*, 1875. К сожалению, заключающийся в ней богатый (также и экономическими данными) материал не всегда снабжен точными ссылками на источники.

В самое последнее время появилось прекрасное изложение общей истории евреев в Англии: *Hyamson Albert M. A History of the Jews in England*, 1908. Hyamson с большим умением использовал чрезвычайно обильный материал о еврействе, содержащийся в специальных исследованиях последних десятилетий и на этом основании дал законченную картину истории евреев в Англии. Результаты специальных исследований изложены преимущественно в «*Jewish Quarterly Review*». Кроме этого, очень содержательного журнала, появилось еще большое количество отдельных монографий, на которые я укажу в надлежащей связи. Теперь отмечу лишь "Publ. of the Anglo-Jewish History Exhibition", 1888 и сл.

² Об эпохе до Кромвеля см.: 252, p. 53—79. Для положения евреев в Англии уже в конце XV в. характерно то обстоятельство, что еврей мог возбудить судебный процесс и с успехом провести его. О пристрастии Елизаветы к древнееврейскому языку и еврейскому обществу было уже упомянуто в другом месте. В конце XVI в. мы находим в Англии евреев, уже как промышленных предпринимателей [*«Cal. of State Pap. Dom.»*, 1581—1590, p. 49, цит. ib. p. 71.]. После Елизаветы (1603-1656) в Англии было, по видимому, довольно много евреев. В брошюре, появившейся в 1625 г. и озаглавленной «*The Wandering Jcw Telling Fortunes to Englishmcn*», говорится: «В Англии наблюдается множеству евреев: некоторое число при дворе, больше в Сити и еще больше по стране».

Известно, что, благодаря заступничеству Манассе бен Израеля, евреи в середине 50-х гг. XVII в. получили официальное разрешение селиться в Англии и с того времени численно быстро умножились вследствие иммиграции (с XVIII в. также и из Германии). По сообщениям автора *Anglia Iudaica*, около 1738 г. в одном Лондоне было до 6000 оседлых евреев [39, с. 302. «As I have been well inform'd» («Как меня подробно информировали») — пишет автор].

Само собой разумеется, что констатирование хронологического параллелизма между передвижениями евреев и экономическими судьбами народов еще не служит доводом в пользу того положения, что выселение евреев обуславливало собой экономический упадок данной страны, а их переселение — ее экономический расцвет. Предположить это — значит делать заключение по формуле: «post hoc ergo propter hoc» [*лат.* После этого, значит, вследствие этого].

Для доказательства этой причинной связи также мало убедительны и суждения позднейших историков, хотя мнения таких людей, как Монтескье, все же что-нибудь да значит! Я поэтому отказываюсь приводить здесь свидетельства этого рода¹. Но зато, по моему мнению, самую серьезного внимания заслуживают суждения современников. Из них я приведу здесь некоторые особенно убедительные, потому что они часто одним словом проливают столько света на события своей эпохи, сколько можно получить другим путем лишь с помощью кропотливого изучения.

Когда в 1550 г. венецианский сенат решил изгнать маранов и окончательно запретить торговлю с ними, христианские купцы го-

¹ Только для курьеза я хотел бы еще привести здесь слова одного совершенно неизвестного человека, который, обладая даром редкой проницательности, первый подметил параллель между изгнанием евреев из немецких торговых городов и упадком последних. *Jos. F. Richter* писал в 40-х гг.: «Вообще можно констатировать, что торговля Нюрнберга достигла своего поворотного пункта как раз в эпоху изгнания евреев, так как ей с того момента недоставало необходимых капиталов. Обнаружившийся с того времени упадок торговли, обыкновенно приписываемый открытию португальцами морского пути в Ост-Индию, следует, скорее, отнести на счет отсутствия смелого спекулятивного духа евреев».

О прежних еврейских общинах в Нюрнберге ср.: «*Allg. Judenzeitung*», 1842, № 24. См. также «*8. Jahresbericht des historischen Vereins f. Mittelfranken*» и *Brann M. Line Sammlung Fürther Grabschriften*.

рода объявили, что эта мера грозит им разорением и что им ничего не остается, как выселиться вместе с евреями, *так как они только и живут торговлей с последними*. По словам этих купцов, в руках евреев находились:

- 1) торговля шерстью с Испанией;
- 2) торговля испанским шелком и кармазином, сахаром, перцем, индийскими колониальными товарами и жемчугом;
- 3) значительная часть вывозной торговли: евреи посылают венецианцам товар на комиссию, «чтобы мы продавали эти товары за их счет, зарабатывая только наши обычные комиссионные»;
- 4) вексельная торговля¹.

В Англии покровителем евреев был, как мы знаем, Кромвель, и основанием этих симпатий не в малой мере служили его заботы о народном хозяйстве страны. Он нуждался в богатых еврейских торговых домах, чтобы развить в стране товарную и денежную торговлю, а также и для того, чтобы приобрести для правительства могущественных союзников [117, с. 174 и сл.].

Великий государственный деятель Франции Кольбер в такой же мере симпатизировал евреям. По-моему, чрезвычайно знаменателен тот факт, что оба эти величайшие организаторы современного государства признали за евреями способность развивать (капиталистическое) хозяйство. В одном ордонансе Кольбер указывает интенданту Лангедока на то, какие большие выгоды мог бы извлечь город Марсель из коммерческой сметливости евреев [17, с. II]². Жители больших французских торговых городов, где евреи уже давно играли крупную роль, по собственному опыту убедились в этих выгодах и поэтому старались изо всех сил удержать у себя евреев. Мы часто встречаем благоприятные отзывы о евреях, исходящие особенно из кругов населения Бордо. Когда в 1675 г. в Бордо стало буйствовать войско из наемников, многие зажиточные евреи собирались оставить город. Это испугало городскую думу, и советники ее, полные

¹ Эти необыкновенно интересные документы напечатаны: *Kaufmann Dav. Die Vertreibung der Marranen aus Venedig im Jahre 1550 // «The Jew. Quart. Rev.»*, 13(1901), с. 520 и сл.

² Этот ордонанс содержит достопамятные слова: «Vous devez bien prendre garde que la jalousie du commerce portera toujours les marchands à être d'avis de les chasser». В той же форме составлен приказ губернатору колоний. См. текст у *Kahen*.

страха, сообщают: «Португальцы, занимающие целые улицы и ведущие значительную торговлю, потребовали свои паспорта. Португальцы и иностранцы, ведущие самые крупные дела, хотят уйти отсюда. Гаспар Гонзалец и Альварец — самые богатые из них — недавно покинули город. Мы замечаем, что торговля приостанавливается» [172, с. 132]. Несколько лет спустя субинтендант в следующих словах выражает свое мнение о значении евреев для Лангедока: «Без них торговля Бордо и всей провинции, несомненно, погибла бы» [там же, с.175].

Не менее ясно и голландцы в XVII в. понимали все значение для них евреев. Когда Манассе бен Израиль отправился со своей известной миссией в Англию, голландское правительство заподозрило, не идет ли тут дело о том, чтобы привлечь голландских евреев в Англию. Оно поэтому поручило своему посланнику в Англии, Нейпорту, осведомиться у Манассе о его намерениях. Нейпорт (в декабре 1655 г.) уведомляет свое правительство в успокоительном тоне, что нет никакой опасности. «Манассе бен Израиль навещил меня и уверил, что он ничего не просил для голландских евреев, а лишь для евреев, находящихся под гнетом испанской и португальской инквизиции» [Collect, of State Papers. Цит. по: с. 92, т. 10, с. 119].

Особенное указание на значение евреев для расцвета Голландии мы находим в одном докладе французского посланника в Гааге от 1698 г. [цит. по: 17, р. 16].

В соседнем Антверпене, который в значительной степени утратил свой блеск со времени выселения евреев в XVII в., с особенной силой ощутили их значение в развитии благосостояния. Комиссия, назначенная в 1653 г. для рассмотрения вопроса о новом допущении евреев, между прочим, пришла к следующему заключению: «Что же касается других нежелательных явлений, которых можно опасаться с точки зрения общественного блага, как, например, того, что они захватят в свои руки всю торговлю, что они будут совершать массу обманов и мошенничеств и своими процентами отнимут пропитание у добрых подданных и преданных католиков, то нам, напротив, кажется, что *благодаря торговле, которую они разовьют*, благосостояние сделается общим, и *золото и серебро появятся в гораздо большем количестве* для надобностей государства» [194. Цит. в: 17, с. 12].

То же самое мы видим в Гамбурге. В XVII в. значение евреев растет в такой мере, что их считают необходимыми для преусуева-

ним города. В одном случае сенат высказался за допущение мостройки синагог, потому что иначе евреи переселятся в другое место, и тогда Гамбург рискует опуститься до положения деревни¹. В 1697 г., наоборот, гамбургское купечество обращается в думу с настоятельной просьбой (тогда проектировалось изгнание евреев) оказать евреям послабление, чтобы предупредить тяжелое потрясение гамбургской торговли [54, с. 146]. В 1733 г. в одном отзыве, находящемся в сенатских актах, говорится: в вексельном деле, в торговле галантерейными товарами и производстве известных материй евреи являются «почти совсем мастерами», они «далеко опередили наших». Раньше не приходилось думать о евреях. Но «они заметно увеличиваются в числе». Нет почти ни одной отрасли крупной торговли (Commerciі), промышленности (Fabriquen) и производства предметов потребления, где бы они ни принимали деятельного участия. Они уже сделались для нас «malum necessarium» («неизбежным злом») [94, с. 21]. К числу занятий, в которых они играли большую роль, можно еще причислить страхование морского транспорта [138, с. 24].

Но мнения и суждения современников не могут нас вполне убедить в непреложности какого-нибудь факта: мы хотим, если это только возможно, иметь свое собственное мнение. А это мы, разумеется, сумеем сделать только тогда, когда путем непосредственного исследования убедимся в действительной наличности утверждаемой нами связи явлений. В данном случае мы должны попытаться определить на основании источников реальное и несомненное участие евреев в созидании нашего современного хозяйства, т. е., выражаясь точнее, их участия в развитии современной капиталистической хозяйственной системы. Это исследование должно начинаться преимущественно с конца XV в., т. е. с того момента, когда (как мы уже видели) путь еврейской истории и экономической истории Европы круто поворачивает в сторону современного развития. Только при таком условии мы сумеем дать окончательный ответ на вопрос, в какой мере перемещение хозяйственной области следует приписать влиянию евреев.

¹ Joh. Mullerb своей юдофобской книге «Judaismus» (1644). Защита сената в 1660-69 гг. у Reils. Beitrage zur alteren Geschichte der Juden in Hamburg// «Zeitschrift des Vereins für Hamb. Gesch.», р. 2, р. 412. Цит.: 92, т. 10, с. 23.

Я хочу заранее заметить, что для меня лично значение евреев в образовании и дальнейшем развитии современного капитализма представляется в двойном виде: во внешнем и более внутреннем духовном их влиянии. Внешнее их влияние сказалось в том, что международные хозяйственные отношения приняли именно свою нынешнюю форму и что современное государство, это вместилище капитализма, создано по присущему ему образу. Сверх того, они придали капиталистической организации ее особенную форму тем, что создали целый ряд учреждений, господствующих над современной коммерческой жизнью, и приняли выдающееся участие в выработке разных других учреждений.

Их внутреннее духовное значение для развития капитализма потому так велико, что они, собственно, являются теми элементами, которые пропитали экономическую жизнь духом современности; они именно содействовали полному развитию самой идеи капитализма.

Мы хорошо сделаем, если рассмотрим теперь отдельные пункты по порядку, чтоб читатель мог понять, как должно правильно ставить проблему. Как я уже неоднократно указывал, это исследование задается только целью ставить вопрос, и лишь местами в виде опыта делаются намеки на возможный ответ. Предоставим будущим исследователям, помощью систематически добытого материала, окончательно установить, насколько высказанные здесь предположения о причинной связи интересующих нас явлений соответствуют действительности.

Глава третья

Оживление международной торговли

Участие евреев в образовании новых форм торговли, начиная с момента перемещения хозяйственной сферы, очень велико. Оно прежде всего велико по чисто количественному участию евреев во всей массе торговых оборотов. После всего сказанного мною в начале этого исследования ясно, что точный цифровой подсчет доли евреев в этой массе торговых оборотов невозможен, если не говорить об особенно благоприятных обстоятельствах. Возможно, что более тщательные исследования обнаружат еще целый ряд точных цифровых данных. Пока же (мне) известны только очень немногие цифры, которые тем не менее (в виде примера) очень поучительны.

Так сообщают, будто в Англии размеры торговли евреев еще до разрешения им жительства, следовательно в первой половине XVII в., равнялись двенадцатой части всей английской торговли [117, с. 178]. К сожалению, мы не знаем, из какого источника взята эта цифра. Но что она не очень далека от действительности, вытекает из указания, находящегося в одной докладной записке лондонских купцов. Дело идет о том, должны ли евреи платить налог с иностранцев за ввозимые товары. Составители записки полагают, что если не взимать с них этого налога, то корона потерпит убыток по меньшей мере в 10 000 ф. ст. [39, с. 292]. Особенно хорошо мы осведомлены об участии евреев на лейпцигской ярмарке¹, бывшей долгое время

¹ Главным образом, по обстоятельной работе *Markgraf Rich. Zur Geschichte der Juden auf den Messen in Leipzig von 1664-1839*, из которой заимствованы

средоточием немецкой торговли и лучшим показателем ее общего развития. Эта ярмарка имела также большое значение для некоторых соседних стран, особенно Польши и Богемии. С конца XVII в. на лейпцигской ярмарке мы встречаем все возрастающее число евреев в роли так наз. «МеББиегате» (ярмарочных торговцев); все исследователи, занимавшиеся обработкой цифрового материала, единогласно утверждают, что именно евреям лейпцигская ярмарка обязана своим блеском и процветанием [174, р. 93; 72, р. 465. Ср. также: 77, с. 41.]. К сожалению, сравнивать число евреев с числом христианских купцов возможно, начиная с пасхальной ярмарки 1756 г., так как только с этого года архивы содержат статистические данные об участии христиан на ярмарках. Число евреев на пасхальных и осенних ярмарках (в день святого Михаила) составляло в среднем ежегодно:

1675-1680 г.	416 евреев	1767-1769 г.	995 евреев
1681-1690	489	1770-1779	1652
1691-1700	834	1780-1789	1073
1701-1710	854	1790-1799	1473
1711-1720	769	1800-1809	3370
1721-1730	899	1810-1819	4896
1731-1740	874	1820-1829	3747
1741-1748	708	1830-1839	6444

приведенные в тексте цифры. За небольшой период времени (1675-1699) исследования: *Freudenthal Max. Leipziger Messgäste* в «*Monatsschrift*», 45 (1901), р. 460 и сл. превосходят работу Маркграфа особенно потому, что Фрейдендаль черпает свой материал из самих ярмарочных книг («*Messbücher*»), в то время как Маркграф пользуется основывающимися на них актами государственного архива в Лейпциге. Различие этих методов сказывается в том, что первоисточники отмечают значительно большее количество еврейских посетителей ярмарки («*Messfieranten*»), чем позднейшие акты. За время 1676-1699 г. Фрейдендаль насчитывает 18 182 «*Volljuden*», как посетителей ярмарки (т. е. не считая тех, которые имели доступ на ярмарку на основании специальных разрешений («*Frei-, Kammer- und Einkaufspässe*»), тогда как у Маркграфа за тот же период времени отмечено только 14 705 евреев. Статья Фрейдендаля содержит подробный перечень всех посетителей ярмарки до 1699 г. в порядке их места происхождения. Эта статья появилась также отдельно под названием: «*Die jüdischen Besucher der Leipziger Messe*», 1902.

Здесь обращает на себя внимание особенно быстрый рост числа евреев в конце XVII—XVIII вв. и в начале XIX в.

Если обратить внимание на весь период времени с 1766—1839 гг., то окажется, что в среднем 3185 ярмарочных торговцев-евреев ежегодно посещали ярмарки, число же христианских торговцев не превышало 13 005; следовательно, число евреев составляло 24,49%, или почти четвертую часть христианских купцов.

В отдельные годы, как, например, в промежуток с 1810 г. до 1820 г. отношение евреев к христианам доходит до 33 % (4 896 евреев и 14 366 христиан). (Надо заметить, что цифры эти, по всей вероятности, значительно ниже действительных, так как более новые и более точные исследования обнаружили еще большее участие евреев на ярмарках.)

Порой возможно окольным путем точно установить размер участия евреев в общей торговле какой-нибудь страны или города. Так, например, мы знаем, что торговля Гамбурга с Испанией и Португалией, а также с Голландией в течение XVII в. была почти всецело в руках евреев [см., например: № 21 «Judenreglement» от 1710 г. в: с. 93, с. 95]. Но в то время из Гамбурга в Испанию и Португалию направлялось в круглых цифрах 20% всех шедших морем товаров, а в Голландию — около 30% [8, с. 316, 324. Ср.: с. 199 и сл.].

Или же мы узнаем, что левантийская торговля составляла важнейшую отрасль французской торговли в XVIII в. — «быть может, самую цветущую отрасль торговли Франции»; в то же время мы узнаем, что она вся была в руках евреев: «покупатели, продавцы, маклеры, агенты, комиссионеры и т. д. — все это евреи» [Encyclopédie méthodique. Manufactures. 1, с. 403-404].

Но чтобы понять все громадное значение евреев для развития торговли, — прежде всего с точки зрения чисто количественной, — достаточно того общего соображения, что в течение всего XVI—XVII вв. и большей части XVIII в. левантийская торговля и торговля с Испанией и Португалией составляли важнейшие отрасли мировой торговли. Евреи почти исключительно владели этими торговыми путями. Еще во время своего пребывания в Испании они заполучили большую часть левантийской торговли в свои руки; уже тогда они имели во всех левантинских приморских городах свои конторы. При изгнании их с Пиренейского полуострова значительная часть этих испанских евреев ушла на восток; другая часть направилась к севе-

ру, и, таким образом, торговля с Востоком незаметно перешла к северным народам. В частности, только благодаря этим торговым связям, Голландия становится мировой торговой державой. Сеть мировой торговли становится больше, и петли ее все уже по мере того, как евреи устраивают свои конторы в более отдаленных и ближе друг к другу лежащих местах [об этом подробно см.: 142, с. 176 и сл. Ср. также: 231]. Это важно, особенно если принять во внимание, что и западный материк — опять-таки, главным образом, благодаря им, был втянут в мировой оборот. Но этой ступени развития мы коснемся лишь тогда, когда будем говорить об участии евреев в основании современного колониального хозяйства.

Другой способ понять значение евреев для развития современной даровой торговли — это ознакомление с теми видами товаров, которыми они, главным образом, торговали. Особенности своей торговли еще более, чем ее размерами, евреи приобрели огромное влияние на общий ход хозяйственной жизни и частью революционизировали старые формы жизни.

Здесь нам прежде всего бросается в глаза тот важный факт, что евреи в течение долгого времени почти монополизировали торговлю предметами роскоши. А между тем в аристократические XVII — XVIII вв. эта торговля была самой важной. Из предметов роскоши евреи, главным образом, торговали ювелирными изделиями, драгоценными камнями, жемчугом, шелком и шелковыми изделиями¹.

¹ О торговле драгоценными камнями и жемчугом в Гамбурге см.: 93, р. 119.

Об основании первых мастерских по шлифовке алмазов в Голландии см.: «Jewish Encyclopédie». Ст. «Netherlands», 9, с. 231. *Danckamp E. E. Die Amsterdamer Diamantenindustrie*, 1895, цит. по: 85.

Об Италии см.: 132 [13, с. 520 и сл.].

Что же касается торговли шелковыми изделиями и производства шелка, то евреи в этом отношении имели тысячелетний опыт. Они переносят шелковую промышленность из Греции в Сицилию, а после и в Испанию и Францию. Ср.: *Graetz*. [92, т. 5, с. 244]. В XVI в. мы встречаем их в Италии во главе торговли шелком, во Франции в XVIII в., в эпоху шелковой промышленности, торговли шелком и шелковыми изделиями (см. цит. выше труд *Kaufmann Dav.*). В 1760 г. правление лионского шелкового цеха называет еврейскую нацию (в отношении шелка и шелковых изделий) «*maitresse du commerce de toutes les provinces*». У *Godard* [82, с. 224]. В 1775 г. в Париже находится 14, в 1759 г. — 22 еврейских торговца шелковыми товарами

Золотые и серебряные ювелирные изделия находились в их руках, потому что евреи уже с незапамятных времен завладели рынками благородных металлов: драгоценные камни и жемчуг, потому что они первые завладели коями (главным образом в Бразилии); шелк и шелковые изделия, потому что у них издавна были сношения с торговыми центрами Востока.

С другой стороны, мы везде встречаем евреев, или исключительно завладевших рынком, или пользующихся выдающимся влиянием в тех отраслях торговли, где дело идет о сбыте массовых продуктов. Можно, думается мне, с некоторым правом утверждать, что они первыми доставили на рынок крупные складочные товары нового времени. К таким товарам в течение XVII—XVIII вв., наряду с некоторыми сельскохозяйственными продуктами, как, например, рожь, шерсть, кожа, а позже и спирт, относятся преимущественно продукты быстро развивавшейся капиталистической текстильной промышленности¹ и новые, появившиеся на мировом рынке, колониальные товары, как чай и табак. Не подлежит сомнению, что в истории торговли новейшего времени, если ее когда-нибудь будут писать, особенно в истории предметов широкого массового потребления, придется то и дело наталкиваться на еврейских торговцев. Те немногие данные, которые чисто случайно попали в мои руки, уже и теперь до известной степени доказывают справедливость моего утверждения².

Но особенно революционирующим образом на ход экономической жизни влияла торговля новыми товарами, перевернувшая вверх

[см.: с. 131, с. 63]. В Берлине они почти исключительно завладели этой отраслью торговли. В одном из распоряжений нюрнбергского городского совета от 28/XII 1780 г. бархат, шелк и шерсть называются «еврейскими товарами» [см.: с. 10, с. 711.

¹ Как евреи почти одни только развили оптовую торговлю ткацкими изделиями в Вене (из прежней ярмарочной торговли), описывает на основании личного опыта *S. Mayer* [176, S. 8 и сл.].

² *Торговля сахаром: о левантинской торговле см.: Ippmann. Geschichte des Zuckers.* [165, с. 206]. *Kaufmann Dav. f. 32*; о торговле с Америкой см.: *Grunwald Af.* [95, с. 6 и сл.]; *A. Feilchenfeld.* [63, с. 211]; ср. также: *Riesbeck* [212]. *Торговля табаком: Feilchenfeld A.* [63]. В общем, тут следует иметь в виду ту часть настоящего исследования, где говорится об участии евреев в основании современного колониального хозяйства.

дном традиционные методы. В этой торговле евреи, как известно, также принимают особенно деятельное участие. Я имею в виду торговлю хлопком¹ иностранными хлопчатобумажными изделиями² (ситцами), индиго³. Предпочтение, отдаваемое евреями этим объектам торговли, на которые смотрели тогда как на врагов исконного мастерства («Nahrung»), навлекало на них нарекания в «непатриотической торговле», в «еврейском гешефтмахерстве», доставляющем занятие только немногим немецким рабочим рукам и основанном, главным образом, на внутреннем потреблении [212, выдержки см: 226, с. 382 и сл.].

Отличительной чертой «еврейского гешефтмахерства», делавшей его прототипом всякой торговли, было, помимо того, многообразие вовлекаемых в торговый оборот товаров. Когда французские купцы в Монпелье стали жаловаться на конкуренцию со стороны еврейских торговцев, интендант ответил им в 1740 г.: если бы они, христиане, имели такие же со вкусом подобранные запасы товаров, как евреи, то покупатели так же охотно шли бы к ним, как к их еврейским конкурентам [Текст: 17, с. 36]. О деятельности евреев на лейпцигских ярмарках Рих. Маркграф в послесловии к своей книге дает следующее описание: «Кроме того, они (т. е. еврейские ярмарочные торговцы) благотворно влияли на обороты ярмарки, благодаря разнообразию своих закупок, делая и саму торговлю более разнообразной и поощряя промышленность, особенно туземную, к все большему многообразию производства. На многих ярмарках евреи, благодаря разнообразию и крупному объему своих закупок, имели решающее влияние» [174, S. 93].

Но особенное значение «еврейского гешефтмахерства» для хозяйства большинства стран в эпоху раннего капитализма заключалось в том обстоятельстве, что евреи почти монополизировали те торговые области, которые доставляли большие количества налич-

¹ «Controlling the Cotton Trade»: статья «America» USA в «Jew. Encycl», 1, с. 495 и сл.

² Что касается Гамбурга ср. *Fe Hohenfeld A.* [63, с. 64].

³ Мозес Линдо, главнейший промышленник по добыче индиго, в 1756 г. прибыл в Южную Каролину и вложил капитал в 120 000 ф. ст. в развитие этой отрасли промышленности. За время от 1756-1776 г. производство индиго увеличивается в пять раз. Линдо делается генерал-инспектором индиго [см.: 58; цит. в статье «South Carolina» в «Jew. Encycl.»].

ных денег, как, например, новооткрытые страны, богатые золотом и серебром (Центральная и Южная Америка), с которыми они или находились в непосредственном общении, или же вели торговлю через Испанию и Португалию. Нам часто попадаются указания на то, что евреи ввозят в страну наличные деньги [см., напр.: 117. с. 174 и сл., с. 178]. А что именно в этом лежит источник всякого (капиталистического) «народного благосостояния», прекрасно знали теоретики и практики того времени, и мы сами, наконец, убедились в этом, когда рассеялся туман смитовских доктрин. Основание современной экономики в значительной своей части означает привлечение благородных металлов, и в этом никто не участвует в такой мере, как еврейские торговцы. Этот факт непосредственно приводит нас к следующей главе, задачей которой является, главным образом, подробное рассмотрение участия евреев в развитии современного колониального хозяйства.

Глава четвертая

Основание современного колониального

Мы только теперь начинаем ясно сознавать, что современный капитализм в значительной части обязан своим расцветом приобретению колоний. Последующее изложение имеет своей целью доказать, что и в этом колониальном движении выдающуюся, чтобы не сказать решающую, роль сыграли евреи.

Нет ничего проще и натуральнее того факта, что евреи действительно участвовали в основании колоний. Новый Свет хотя являлся только преобразованным Старым Светом, во всяком случае, давал больше надежды на более светлое будущее, чем угрюмая, старая Европа, особенно с тех пор, как последнее существовавшее в ней эльдорадо оказалось очень негостеприимной страной. Это относится как к востоку, так и к западу и югу земного шара.

В Ост-Индии много евреев жило, по-видимому, уже со средних веков¹. Когда европейские нации начали (с 1498 г.) стремиться к захвату старых культурных стран, эти евреи, прекрасно годившиеся в пионеры торговли, оказались подходящей и желанной опорой европейского господства. По всей вероятности, на португальских и голландских кораблях прибыло в индийские владения очень много

¹ Когда D. Isaak Abravanel писал свой комментарий к книге Иеремии (1604), он нашел письмо, привезенное из Индии португальскими торговцами приятностями. Из этого письма явствовало, что в то время в Индии жило много евреев. *Abr. Comm. cap. 3, цит. по: Kayserling M. [133, с. 105]. Ср.: Bloch [16, S. 15].*

евреев (точных данных об этом еще нет). Во всяком случае, мы встречаем евреев во всех *голландских* колониях также и на Востоке, где они принимают деятельное участие в основании этих колоний. У нас имеются данные, указывающие на то, что крупная часть акционерного капитала голландско-индской компании находилась в руках евреев¹. Мы знаем также, что генерал-губернатора голландско-ост-индской компании, который «если и не является основателем нидерландского могущества на Яве, то, во всяком случае, больше всех способствовал ее упрочению», звали Кон (Коен) [139, XIX; о геройских деяниях Кона, там же XIV и сл.]. Просматривая портреты губернаторов голландско-ост-индской компании, мы можем легко убедиться в том, что Кон не был единственным еврейским губернатором в этих владениях. Мы встречаем евреев также в должности директоров ост-индской компании [Напр., см. статью Salvador в «Jew. Ene.» и 117, с. 264], словом, во всех касающихся колоний делах и предприятиях².

До сих пор еще не выяснено, в каком размере евреи принимали участие в развитии колониального хозяйства Индии в последнее время, когда *англичане* завладели ею. Но мы сравнительно хорошо осведомлены об участии евреев в основании английских колоний в *Южной Африке* и *Австралии*, особенно в Капской колонии: здесь все экономическое развитие должно быть почти исключительно приписано им. В 1820-1830 гг. прибыли в Южную Африку Вениамин Норден и Симеон Маркус; им обязано «промышленное пробуждение почти всей внутренней части Капской колонии». Юлий, Адольф и Джемс Мозентали кладут начало торговле шерстью, кожами и основывают камлотовую промышленность. Аарон и Даниэль де Пасс монополизируют китоловный промысел; Иоэль Майерс кладет начало разведению страусов; Лиуиенфельд фон Гопетаун скупает первые алмазы и т. д. [см. статью «South Africa» в «Jew. Ene.» и подробно приведенную там богатую литературу]. В Австралии одним из первых крупных оптовых торговцев был Монтефиоре. Так что

¹ На что Manasseh ben Israil указывает в своей записке к Кромвелю. Эта записка была неоднократно напечатана. См., напр.: «Jewish Chronicle», 1859, ноябрь, дек.; переведена на немецкий язык Кайзерлингом в «Jahrbuch der Liter. Ver., 1861» [Ср.: 11, S. 4].

² В 1596 г. богатые амстердамские евреи снаряжают экспедицию Баренца на Карское море [94, с. 215].

следующее утверждение совсем не звучит преувеличением : «Значительная часть английской колониальной торговли морем в течение долгого времени находилась в руках евреев» [статья «Соттергсе» в *Jew. Epc.*, т. 4, с. 191].

Но главным поприщем еврейской деятельности в колониальных странах, особенно в эпоху раннего капитализма, служит совершенно преобразовавшийся под влиянием европейской культуры и цивилизации западный материк. *Америка во всех своих частях является страной евреев* — таков неизбежный результат, к которому приводит подробное и серьезное изучение источников. И так как Америка со дня своего открытия приобретает исключительное влияние на экономическую жизнь и всю совокупность культурных явлений Европы, то интенсивное участие евреев в создании и развитии американского мира, естественно, приобретает особенное значение для хода нашей истории. Я поэтому несколько дольше остановлюсь на этом вопросе, рискуя даже утомить читателя обилием деталей. Важность проблемы, как мне кажется, оправдывает некоторую педантичность изложения¹.

Евреи связаны с открытием Америки самым тесным и странным образом. Получается такое впечатление, как будто Новый Свет

¹ Литература о сношении евреев с Америкой очень богата. Я не имею в виду давать подробный обзор и отсылаю читателя к нижепоименованным трудам. Здесь же назову лишь некоторые самые важные сочинения, по преимуществу энциклопедического характера.

Прежде всего: «*Jewish Encyclopedia*». Так как она издается в Америке, то содержит в себе очень много хороших статей именно об американских условиях. Богатый арсенал фактов об еврейско-американской хозяйственной истории, особенно относительно севере- и южноамериканских колоний в XVII-XVIII вв. представляют собою: «*Transactions of the Jewish Historical Society of America*». Издается с 1895 г. Разные интересные данные содержит сборник речей и статей: «*The 250 anniversary of the Settlement of the Jews in the USA*», 1905.

Труды по общей еврейско-американской истории:

Markus. The Hebrews in America; *Daly C. P.* History of the Settlement of the Jews in North-America, 1893. *Peters M. C.* The Jews in America, 1906.

(С первыми двумя книгами я не мог познакомиться: я не нашел их ни в продаже, ни в одной из публичных библиотек; их не оказалось также и в специальных еврейских библиотеках. Судя по тому, что известно о их содержании, новейшие исследования, особенно «*Transactions*», во многих отношениях превосходят их.)

был открыт для них одних и только с их помощью; как будто Колумбы являются только поверенными по торговым делам Израиля. Гордые евреи сами рассматривают историческое положение вещей с этой точки зрения, ссылаясь на новейшие архивные исследования¹. Согласно последним, — я хочу коснуться этого лишь мимоходом, — только еврейская наука подняла технику мореплавания на такую высоту, что заокеанские путешествия сделались вообще возможными; в 1743 г. Авраам Цакута, профессор математики и астрономии при Саламанкском университете, составил свои астрономические таблицы (*Almanach perpetuum*)¹³ 1484 г. Хозе Вецино, астроном и лейб-медик португальского короля Иоганна II, и математик Мозес изобретают на основании таблиц Цакуты, совместно с двумя христианскими коллегами, астролябию. Хозе переводит альманах своего учителя Цакуты на латинский и испанский языки.

Далее утверждают, что материальный фонд экспедиции Колумба был будто бы создан опять-таки евреями; еврейский капитал сделал возможным оба первых путешествия Колумба. Свое первое путешествие он предпринимает с помощью займа, сделанного им у королевского советника Луи де Сантанджеля. Последнему, который, собственно, был главным покровителем колумбовых экспедиций, адресованы первые два письма Колумба: Сантанджелю и марану Санчецу, казначею Арагонии. Вторая экспедиция Колумба опять снаряжается на еврейские деньги, на этот раз, правда, данными не добровольно, а именно на деньги, оставленные изгнанными евреями и конфискованные в 1493 г. Фердинандом Арагонским в пользу государственной казны.

На корабле Колумба было несколько евреев, и первый европеец, вступивший на американскую почву, был еврей Луис де Торрес. Так утверждают основанные на актах исследования *М. Кайзерлинг* [133, S. 112. См. его же: 134, т. 2, с. 73], где рисуются притесне-

¹ Вопросу об участии евреев в самом открытии Америки посвящена специальная литература (по поводу 400-летнего юбилея Колумба). Самым лучшим исследованием, всецело основанным на вполне достоверных первоисточниках, является: *Kaysersling M. Christoph Columbus*, 1894. Кроме того, следует еще назвать следующие труды: *Puigcerver F. Rivas. Los Judios y el nuevo mundo*, 1891; статья *America (The Discovery of)* в «*Jew. Ene.*»; *Modano L. Gli Ebrei e la scoperta dell'America*, 1893. Ср. *Adress by Oscar S. Strauss* в «*The 250 anniversary of the Sett, of the J. in USA.*», 69 и сл.

ния евреев в Испании и Португалии и тесная связь между их изгнанием отсюда и колонизацией Америки.

Лишь только ворота Нового Света открылись для европейцев, как туда толпами устремились евреи. Мы уже видели, что открытие Америки хронологически совпадает с годом изгнания евреев из Испании; мы видели, что в последние годы XV в. и в первые десятилетия XVI в. массы евреев были принуждены эмигрировать. Это была эпоха, когда еврейство Европы зашевелилось, как муравейник, в который воткнули палку. Нет ничего удивительного в том, что большая часть этого муравейника направилась в подававшие большие надежды области Нового Света. Первыми купцами в Америке были евреи. Первые промышленные учреждения в американских колониях обязаны своим происхождением евреям. Уже в 1492 г. португальские евреи поселяются на острове Св. Фомы и начинают здесь вести в крупных размерах плантаторское хозяйство; они основывают многочисленные сахароварни, и у них работают 3000 негров-рабов [140, с. 129 и сл.]. Приток евреев в Южную Америку непосредственно после ее открытия был так велик, что королева Иоганна в 1511 г. сочла необходимым прибегнуть к ограничительным мероприятиям [237, с. 71]. Но соответствующее распоряжение, по-видимому, не имело последствий, потому что число евреев в Америке все росло. Законом 21 мая 1577 г. воспрещение эмигрировать в испанские колонии было формально отменено.

Чтобы иметь возможность правильно оценить ту энергию, которую евреи проявили в роли основателей колониальной торговли и колониальной промышленности в пределах Южной Америки, следует проследить судьбу некоторых колоний в отдельности.

История евреев в американских колониях, а следовательно, и история самих колоний, распадается на два крупных периода, отделенных друг от друга фактом изгнания евреев из Бразилии (1654).

Выше было уже упомянуто, что евреи в 1492 г. основали на острове Св. Фомы, вскоре после его открытия, сахарную промышленность. В 1550 г. мы застаем на этом острове сахарную промышленность уже в полном расцвете: 60 плантаций, снабженных сахарными мельницами и котлами, производят ежегодно, судя по вносимой в пользу короля «десятине»,— 150 000 арбов сахара (по 25 фунтов в каждом) [213, с. 397; 165, с. 249]. Отсюда же или из

Мадеры (по: 144, с. 94), где они также издавна занимались сахарным производством, евреи переносят эту отрасль промышленности в самую крупную из американских колоний — Бразилию, вступающую тем самым в первый период своего расцвета, основанного на господстве сахарной промышленности.

Человеческий материал для новой колонии рекрутировался на первых порах почти исключительно из евреев и преступников, привозившихся два раза в год на кораблях из Португалии. («Jew Ene», ст. "America". Ср.: 148, с. 293 и сл.). Евреи становятся вскоре господствующей кастой: значительная часть самых богатых бразильских купцов состояла из «новых христиан» [101, с. 412]. Евреем был также генерал-губернатор, приведший в порядок администрацию колонии. Фактически эти новые владения особенно расцвели с тех пор, как туда был послан (в 1549 г.) *Томе де Суза*, человек выдающихся качеств [192, с. 1]. О богатой еврейской семье Souza см.: 135, с. 307; 95, с. 123]. Но своего полного расцвета колония достигает лишь с переходом в руки голландцев (в 1624 г.), когда гуда начинают стекаться богатые голландские евреи. В 1624 г. многочисленные американские евреи объединяются и основывают в Бразилии колонию, в которую переселяется 600 именитых евреев из Голландии [144, с. 2, с. 94]. В этой первой половине XVII в. все крупные сахарные плантации находятся в руках евреев [«Jew. Ene», ст. «America»], о всесторонней деятельности и богатстве которых сообщают нам путешественники той эпохи. Так, Нингофф, объезжавший в 1640—1649 гг. Бразилию, рассказывает следующее: «Из свободных обитателей Бразилии, не находившихся на службе (голландско-вестиндийской) компании, самыми многочисленными были евреи, переселившиеся сюда из Голландии. Торговля их превосходила своими размерами торговлю остального населения; они имели сахарные мельницы и строили богатые дома в Ресифе. Все они были купцами; это могло бы иметь большое значение для голландской Бразилии, если бы они держались в должных границах торговли» [Transactions, 2, 95. Ср. также 192, ст. 103].

В отчете о путешествии Ф. Пайрарда мы читаем: «Барыши, которые они получили за 9—Шлет пребывания в этих странах, должны быть огромны, ибо все они возвращаются назад богачами».

Это господство еврейских элементов в плантаторских предприятиях пережило эпизод политического господства Голландии над

Бразилией; оно тянулось — несмотря на «изгнание» евреев в 1654 г.¹ — вплоть до XVIII в. Во всяком случае, в материалах, относящихся к первой половине XVIII в. [101, с. 412-413], мы встречаем следующее: «Когда однажды многие из именитейших купцов Рио-де-Жанейро попали в руки святого ведомства (инквизиции), то производство прекратилось на таком множестве плантаций, что промышленность и торговля провинции (Багии) оправилась от этого удара лишь спустя долгое время». Декретом от 2 марта 1768 г. все списки о «новых христианах» предаются уничтожению; законом 25 марта 1773 г. «новые христиане» были совершенно уравнены в правах со старыми христианами.

По-видимому, уже и после того, как португальцы в 1654 г. овладели страной, большое число псевдоевреев удержалось на местах и способствовало расцвету сахарной промышленности; к этому они присоединили торговлю драгоценными камнями, вскоре также очутившуюся в их руках.

Но 1654 г. все же остается в еврейско-американской истории очень важной эпохой. Ибо очень значительная часть бразильских (и эмигрировавших впоследствии) евреев с того времени направляется в другие области Америки и, таким образом, переносит туда экономический центр тяжести.

Особенно начинают процветать, благодаря накоплению еврейского элемента, некоторые важные пункты вест-индского архипелага и прилегающего к нему материка. Таков, например, *Барбадос*², заселенный почти исключительно евреями. В 1627 г. им

¹ Изгнания в буквальном смысле снова фактически не было. В мирном договоре от 1654 г. евреям была даже дарована амнистия; но тут же сделано примечание: «Евреи и другие не католики подлежат тем же условиям, что и в Португалии». Этого было вполне достаточно. Мирный договор этот напечатан в тексте: *Aitzema. Historia etc.*, p. 1626 и сл.; цит. по: *Netscher* [192, p. 163].

² О евреях на *Барбадосе* см.: 102, с. 449. *Ligon. History of Barbados* (1657). Цит.: *Lippman. Geschichte des Zuckers* (1890), с. 301 и сл. *Reed. The history of sugar and sugaryielding plants* (1866), 7. Ср. *Morelly Abh. über den Zucker*, переведено на немецкий *Noldecher* (1800). Также М-с *Culloch. Diet, of Commerce* 2, 1087. Ср. также труды по общей истории колонии, главным образом, *C. P. Lucas. The historical Geography of the British Colonies*, напр. 2² (1905), с. 121 и сл., с. 274, с. 277.

овладели англичане; в 1641 г. там началась культура сахарного тростника, а в 1648 г. начался экспорт сахара. Но сахарная промышленность не могла там упрочиться, так как, благодаря своему плохому качеству, сахар не покрывал издержек транспорта в Англию. Лишь изгнанные из Бразилии «голландцы» ввели там правильный способ производства и научили жителей готовить сухой и не портящийся сахар, экспорт которого в скорости возрос в значительной мере. В 1661 г. Карл II мог уже произвести в бароны тринадцать владельцев плантаций, получавших из Барбадоса доход в 10 000 ф. ст., а около 1676 г. остров был в состоянии ежегодно нагружать 400 кораблей, вмещавших каждый по 150 т неочищенного сахара.

Из Барбадоса Томас Модифорд в 1664 г. перенес сахарную промышленность на Ямайку¹, которая, благодаря этому, вскоре достигла большого благосостояния. В 1656 г. англичане окончательно отбили этот остров у испанцев. В то время как на Ямайке насчитывалось тогда пять небольших сахароваренных заводов, в 1670 г. в этой промышленности работало уже 75 мельниц, из которых некоторые вырабатывали 2000 ц сахара, а в 1700 г. сахар является уже главным предметом промышленности и торговли Ямайки и источником ее благосостояния. Насколько значительно было здесь участие евреев, можно заключить из того факта, что в 1761 г. христианские купцы обратились к правительству с ходатайством об удалении евреев; это ходатайство имело лишь тот результат, что правительство начало еще более способствовать иммиграции евреев. Губернатор отклонил петицию в следующих замечательных словах: «Он того мнения, что его величество не может иметь более полезных подданных, чем евреи и голландцы; они обладают крупными капиталами и имеют большие связи»². Таким образом, евреи не были изгнаны из Ямайки, а напротив; «они стали главными купцами и торговцами английской колонии» [184, с.4; 144, с. 98]. В XVIII в. они платят все подати и держат в своих руках значительную часть промышленности и торговли.

¹ Евреи на Ямайке: *Kaysersliiig. The Jews in Jamaica etc.* в «The Jewish Quarterly Review», 12 (1900), 708 и сл. *Hyamson Alb. M. A History of the Jews in England*, (1908), гл. XXVI. Много материала из современных источников; [143; 144].

² Письмо губернатора от 17 декабря 1671 г. к государственному секретарю лорду Армингтону [см.: 136].

Из других английских колоний они особенно предпочитают Суринам¹. Здесь евреи водворились с 1644 г., и в скорости были наделены привилегиями «ибо мы нашли, что еврейская нация оказалась полезной и благотворной для колонии». Это привилегированное положение не прекратилось и тогда, когда Суринам (в 1667 г.) перешел от Англии к Голландии. В конце XVII в. отношение евреев к остальному населению равняется 1 : 3. Из 344 суринамских плантаций, на которых, главным образом, производилась культура сахарного тростника, евреям в 1730 г. принадлежало 115.

Ту же картину, как в английских и голландских владениях, мы застаем и в важнейших французских колониях на Мартинике, Гваделупе, Сан-Доминго². И здесь сахарная промышленность служит источником благосостояния, и здесь евреи являются доминирующим элементом в производстве и торговле сахаром.

На Мартинике первая большая плантация и сахароварня были основаны в 1655 г. Бенямином Дакостой, бежавшим туда из Бразилии с 900 единоверцами и 1100 рабами (в 1655 г.).

На Сан-Доминго сахарная промышленность началась уже в 1587 г., но лишь благодаря «голландским» беглецам из Бразилии она достигла расцвета.

Не следует упускать из виду, что в те критические, переходные столетия, когда основывалось американское колониальное хозяйство (а с ним и современный капитализм), производство сахара (не считая, конечно, добычи серебра, золота и драгоценных камней в Бразилии) составляло основу всего колониального, а следовательно, косвенно и всего европейского хозяйства. Теперь нельзя

¹ Евреи в Суринаме, Лучшим источников является: «Essai sur la Colonie de Surinam avec l'histoire de la Nation juive Portugaise y établie» etc., 2 vol. Paramaribo, 1788. Koenen, сообщающий некоторые данные об этом в своем труде: [142, с. 333 и сл.]: «de hoofdb... von... voor de geschiedenes der Joden in die gewesten». К сожалению, мне не удалось видеть сам оригинал. Новая литература дала много нового материала [см.: 90], содержит выдержки из кадастровых списков. См. также: 107; 216. Об отношениях между Суринамом и Гвианой см.: Oppenheimer Sam. [193]. Ср. также: [117, гл. XXVI] и [1681].

² Евреи на Мартинике, Гваделупе и Сан-Доминго: [165, с. 301 и сл.]. Там находятся источники и указания на более раннюю литературу [25, vol. II; 100].

себе представить, какое огромное значение в ту пору имела сахарная промышленность и торговля сахаром. Едва ли было преувеличением то, что говорится в одном заключении парижского торгового совета от 1701 г.: «Судоходство Франции обязано своим расцветом торговле ее промышленящих сахаром островов и может держаться и развиваться только в зависимости от этой торговли». И эту столь важную отрасль почти монополизировали евреи (так, например, французская торговля была почти вся в руках торгового дома Градис из Бордо) [*Wolf Luc.* в «*Jewish Chronicle*», 30.11.1894; *Kohieg* в «*Transactions*», 10, с. 60].

Но могущество евреев в Центральной и Южной Америке стало особенно велико с конца XVII в., когда установилась тесная связь между английскими колониями Северной Америки и Вест-Индии; связь, которой, как мы увидим ниже, европейская Северная Америка обязана своим существованием и которая, главным образом, создана была еврейскими купцами. Мы переходим, таким образом, к рассмотрению той роли, которую сыграли евреи в развитии североамериканского хозяйства или, что то же самое, — к генезису *Соединенных Штатов Америки*. Соединенные Штаты Америки получили свою экономическую формацию, главным образом, под влиянием еврейских элементов. Это утверждение нуждается в подробном разъяснении, так как оно, по-видимому, противоречит обычному, по крайней мере в Европе, представлению об этом предмете.

На первый взгляд кажется, будто именно североамериканская экономическая жизнь в существенных своих чертах развилась без воздействия евреев. Когда мне приходилось в частной беседе утверждать, что современный капитализм есть в сущности не что иное, как эманация еврейского духа, мне возражали ссылкой именно на развитие Соединенных Штатов. Сами янки часто гордо указывают на то, что они обошлись без евреев. Какой-то американский писатель, если не ошибаюсь, Марк Твен, однажды старался подробно пояснить, *почему* евреи у них не сыграли никакой роли: потому будто что они, янки, такие же «продувные» («smart»), как евреи, если не больше. (Между прочим, и шотландцы говорят о себе то же самое.) И действительно, среди крупных промышленников и спекулянтов Соединенных Штатов, среди «магнатов трестов» мы встречаем мало еврейских имен. Со всем этим можно согласиться. И все-таки я остаюсь при своем утверждении, что Соединенные Штаты,

даже, может быть, больше других стран, исполнены специфического еврейского духа. Это, впрочем, очень хорошо известно в некоторых американских кругах и как раз в кругу людей, способных судить об этом. Когда несколько лет тому назад с большой помпой была отпразднована 250-летняя годовщина поселения евреев в Соединенных Штатах, президент Рузвельт обратился к распорядительному комитету празднества с письмом, в котором излагал свои поздравления в особенно лестной для евреев форме. Он писал, что в первый раз за свое президентство он шлет приветственное послание по поводу празднества; но он должен был сделать это исключение, ибо повод слишком важен. Преследования, которым евреи как раз в ту пору подвергались, делают для него особенно настоятельной обязанностью подчеркнуть, какие выдающиеся гражданские доблести обнаружили сыны еврейского народа с того времени, как они поселились в стране. Описывая далее заслуги евреев по отношению к Соединенным Штатам, он прибегает к выражению, очень удачно характеризующему сущность дела: евреи помогли создать эту страну («The Jews participated in the upbuilding of this country») [237, с. 18]. А экс-президент Гровер Кливлэнд выразился по тому же поводу: «Немногие — или даже вообще ни одна — из составляющих американский народ национальностей не оказали большего, прямого или косвенного, влияния на развитие современного американизма, чем еврейская нация» [237, с. 12].

Но в чем же заключается крупное значение евреев специально для Соединенных Штатов? Прежде всего в том, что их количественное участие в коммерческой жизни Америки никогда не было таким ничтожным, как это может показаться на первый взгляд. Если среди полудесятка известных миллиардеров, имена которых, благодаря поднимаемому ими — и в особенности их женами — шуму, прогремели на весь свет, нет ни одного еврея, то это еще несколько не доказывает, что еврейский элемент слабо представлен в американском капитализме. Во-первых, среди самых крупных трестов есть такие, управление которыми находится в руках евреев. Так, плавильный трест, который со всеми находившимися под его контролем в 1904 г. заводами представлял номинальный капитал в 201 млн долларов, основан евреями (Гуггенгеймами). Точно так же и в табачном тресте (500 млн долларов), в асфальтовом, телеграфном и т. п. трестах евреи играют руководящую роль [185, с. 45 и сл., 96 и др.].

Наконец, в руках евреев находится также целый ряд крупнейших банкирских фирм, «контролю» которых подлежит значительная часть американского хозяйства. Так, например, «система Гаримана», имевшая своей целью объединение всех американских железнодорожных статей, поощрялась и поддерживалась, главным образом, Нью-Йоркским банкирским домом Леб, Кун и К⁰. Особенно много евреев занимает господствующее положение на Западе: Калифорния в значительной мере есть творение их рук. При основании этого штата евреи выдвинулись в качестве судей, депутатов, губернаторов, бургомистров и т. д., а также в области промышленности. Братья Зелигманы, Вил. Генри, Джессе, Джемс — Сан-Франциско; Луи Слосс, Льюис Берстль — Сакраменто (где они основали Alasca Commercial C); Гельман и Ньюмарк — в Лос-Анджелесе, — таковы некоторые из известных фирм, развивших там свою деятельность. Во время золотого периода евреи первые завязали сношения с Востоком и Европой. Крупные финансовые сделки того времени совершались такими людьми, как Бен. Давидсон, агент Ротшильда, Альберт Прист из Род-Эйланда, Альберт Дайер из Балтимора, три брата Лазар (основавшие международный банкирский дом «Lazard Frères» в Париже, Лондоне и Сан-Франциско), Зелигманы, Глэзье, Вормсеры: Мориц Фридендер был одним из крупнейших пшеничных королей; Адольф Сутро занимался эксплуатацией Комстокских каналов (Comstock Lodes). И в настоящее время преобладающая часть банкирских домов и промышленных предприятий в Калифорнии находится в руках евреев. Напомню о «The London, Paris and American Bank» (Зигм. Гринебаум, Рич. Альтшуль), «Angl. California Bank» (Фил. Н. Лиалиенталь, Игнатий Штейнгарт), «Nevada Bank», «Union Trust Company», «Farmers and Merchants Bank of Los Angeles» и т. д. Напомню о разработке угольных копей Джоном Розенфельдом, о приемнице компании Гудзонова залива — «The Alasca Commercial C⁰», о «North Americ C⁰» и т. д.¹

Едва ли можно сомневаться, что, благодаря иммиграции большого числа евреев за последние десятилетия, значение евреев, как количественного фактора в хозяйственной жизни Америки, возрастает повсюду с гигантской быстротой. Следует принять в соображение, что уже теперь в одном Нью-Йорке живет больше миллиона

¹ См. статью «California» в «Jew. Epe», написанную очень основательно и с большим знанием дела.

евреев и что большая часть иммигрировавших евреев вообще не начинала еще капиталистической карьеры. Если общие условия в Америке будут развиваться дальше в том же направлении, как за последние десятилетия, если размеры иммиграции и процент прироста различных национальностей останутся такими же, как до сих пор, то через 50 или 100 лет Соединенные Штаты представляются моему умственному взору страной, населенной только славянами, неграми и евреями, и последним, конечно, будет принадлежать в ней экономическая гегемония.

Но все это лишь фантазии будущего, и им не место в этом исследовании, стремящемся познать прошлое и настоящее. Относительно же прошлого и настоящего приходится признать, что хотя количественное участие евреев в хозяйственной жизни Америки довольно значительно и ни в каком случае не так ничтожно, как это может показаться при поверхностном наблюдении, но что все-таки на основании этого чисто-количественного участия нельзя еще сделать вывода о том выдающемся значении, которое я (заодно со многими сведущими людьми) приписываю еврейскому племени. Это значение, главным образом, качественного характера, что вытекает из целого ряда сложных соображений.

Поэтому я даже не особенно подчеркиваю того, во всяком случае, существенного факта, что евреи в Америке почти монополизировали целый ряд весьма важных отраслей торговли (или, по меньшей мере, монополизировали их в течение долгого времени). Я имею здесь в виду преимущественно торговлю зерновым хлебом, особенно на Западе, торговлю табаком и хлопком. С первого же взгляда ясно, что перечисленные предметы торговли составляют три главных жизненных нерва американской экономики и что те лица, во власти которых находились эти три могущественных отрасли хозяйства, уже тем самым должны были принимать выдающееся участие в совокупности экономических процессов. Но, как я уже сказал, я не настаиваю особенно на этом обстоятельстве. Ибо я хотел бы пояснить значение евреев для экономики Соединенных Штатов более глубокими факторами.

Евреи проходят какой-то особенной, можно сказать, золотой нитью через всю ткань хозяйства Америки от его начала до конца, так что хозяйственная жизнь Америки с первого же момента принимает особый отпечаток.

С момента первого пробуждения капиталистического духа на берегах Атлантического океана, в лесах и степях Нового Света они уже находятся здесь. 1655 г.¹ считается годом их прибытия: в этом году к устью Гудзона пристал корабль с евреями, бежавшими из Бразилии, которая опять подпала под власть португальцев. Пришельцы стали ходатайствовать о разрешении поселиться в колонии, основанной там голландско-вест-индской компанией. Но ходатайствовали они об этом уже не как просители, а как члены племени, принимавшего деятельное участие в основании новой колонии, племени, влиянию которого должны были подчиняться сами губернаторы колонии. Когда корабль с этими поселенцами прибыл в Новый Амстердам, управление этой колонией находилось в руках Стюйвзента. А Стюйвзент был далеко не юдофилом и охотно закрыл бы доступ домогавшимся впуска евреям. Но из Амстердама от директоров компании пришло предписание (от 26 апреля 1655 г.): евреи допускаются к водворению и торговле в областях Вест-Индской компании, «потому что они вложили большие капиталы в акции этой компании»². Из Нового Амстердама они вскоре устремились на Лонг-Айленд, в Албанию, Род-Эйленд, Филадельфию.

И с тех пор начинается их кипучая деятельность, направленная прежде всего на то, чтобы вообще обеспечить новым колониям возможность экономического существования. Если в настоящее время существуют Соединенные Штаты, то только потому, что английские колонии Северной Америки, благодаря ряду благоприятных условий, добились могущества, давшего им под конец возможность самостоятельного существования. И как раз в созидании колониального могущества евреи были первыми и самыми неутомимыми сотрудниками. Я опять-таки имею в виду не тот элементарный факт, что только благодаря материальной поддержке некоторых влиятельных еврейских домов колониям удалось добиться самостоятельного *государственного устройства*, так как эта поддержка гарантировала им экономический базис, на который они могли опереться. Без еврейских поставок во время войны и особенно без доставки евреями необходимых денежных

¹ По другой версии, богатые еврейские купцы из Амстердама поселились в колониях у Гудзона еще раньше бразильских беглецов [2].

² Точный текст письма из Doc. rei. to the Col. Hist. to New-York, 14, 315 передан в: [146].

среде-га не могла бы быть достигнута независимость Соединенных Штатов. Но эти услуги евреев не есть нечто присущее только одним американским условиям: это явление общее, равномерно повторяющееся в истории современного государства, покоящегося на основах капитализма. Мы поэтому уделим ему особое место в связи с другими факторами.

Но за то в другой сфере деятельности еврейских колонистов я нахожу факт, благодаря которому конституировались Соединенные Штаты и который к тому же представляет явление, свойственное только американскому миру.

Я имею в виду тот простой факт, что в течение XVII—XVIII вв. еврейская торговля служила тем источником, из которого хозяйство американской колонии черпало свою жизненную силу. Ибо только торговые сношения, поддерживаемые евреями, давали колониям возможность оставаться в постоянной экономической связи с метрополией и в то же время достигнуть самостоятельного экономического процветания. Проще говоря: благодаря тому обстоятельству, что Англия принуждала принадлежащие ей колонии покупать все продукты обрабатывающей промышленности в метрополи, торговый (а тем самым, конечно, и расчетный) баланс колонии был постоянно пассивным. Их хозяйственный организм должен был бы истечь кровью, если бы извне не притекал к нему постоянный поток крови в виде драгоценных металлов. А этот свежий поток направлялся «еврейским гешефтмахерством» из южно- и центральноамериканских стран в английские колонии Северной Америки. Благодаря тесным сношениям, которые поддерживали переселившиеся в Северную Америку с вест-индскими островами и Бразилией, они развили оживленную торговлю с этими областями, оказавшуюся в общем активной для североамериканских колоний. Таким образом, благородные металлы, добывавшиеся в этих же областях или притекавшие туда из соседних областей (с начала XVIII в., главным образом, также и бразильское золото), переходили в жилы североамериканской экономики. [См., напр.: Transactions, 1, с. 41 и сл.; 2, с. 78 и сл.; 7, с. 10, 63]. *Макс Колер* [147, т. 6, с. 69 и сл.] часто цитирует *Judge Daly* [41].

Если на основании только что упомянутых фактов можно с некоторым правом утверждать, что Соединенные Штаты вообще обязаны евреям своим существованием, то с тем же правом можно сказать, что только благодаря наличности еврейского элемента они таковы, какими мы их знаем, т. е. именно американские. Ибо то,

что мы называем американизмом, есть в главных своих чертах нечто иное, как кристаллизовавшийся еврейский дух.

Но откуда же взялась эта резкая окраска американской культуры специфически еврейским духом?

Насколько я могу судить, явление это должно быть объяснено тем фактом, что уже в ранние времена и повсюду население колоний было перемешано еврейскими элементами.

Колонизация Северной Америки в большинстве случаев совершалась, как мне кажется, следующим образом. Группа выносивших мужчин и женщин — скажем, семейств 20 — отправлялась в незаселенную пустошь, чтобы начать здесь новую жизнь. Среди этих двадцати семейств девятнадцать были снабжены плугом и серпом; они шли с намерением распахать леса, выжечь степи и трудами рук своих зарабатывать себе пропитание. Двадцатая же семья открывала лавку и посредством торговли, может быть даже кочевой торговли, снабжала своих сотоварищей необходимыми предметами потребления, которых земля не производила. Эта двадцатая семья вскоре берет на себя и сбыт сельскохозяйственных продуктов, добываемых девятнадцатью другими семьями. Она раньше других располагает наличными деньгами и поэтому, в случае нужды, может оказать услугу ссудой. Очень часто к лавке, которую она держала открытой, примыкало нечто вроде земельного кредитного банка, а часто, вероятно, и агентство по продаже земли и тому подобные предприятия. Таким образом, благодаря деятельности этой двадцатой семьи, крестьянин Северной Америки с самого начала приходит в соприкосновение с денежным и кредитным хозяйством Старого Света. Все производственные отношения с самого начала складывались на современных основах. Дух города сейчас же победоносно проникал в самые отдаленнейшие деревни. Можно сказать, что с первого дня колонизации экономика Америки начинает проникаться капиталистическим духом и элементами капиталистической организации. Ибо эти первые клеточки вскоре разрастаются во всеобъемлющие организации. Но кто придал этому Новому Свету капиталистический отпечаток, кто именно, если считать здесь решающим фактором чисто личный элемент, а не историческую конъюнктуру? Двадцатая семья в каждой деревне!

Нечего прибавлять, что этой двадцатой семьей каждый раз была еврейская семья, которая присоединялась к группе переселенцев или приходила к ним, как ЕОЛЬКО они основывали колонию.

Эту связь в ее общей форме я вижу пока только в своем воображении, связывая в единое целое те случаи, в которых она проявляется. Исследователям, которые придут после меня, предстоит задача написать экономическую историю Соединенных Штатов с указанной мною точки зрения. Те аргументы, которыми я располагаю, должны рассматриваться пока только как первые элементы позднейшего, более подробного исследования. Все же однородность и естественность развития позволяют с некоторой уверенностью предполагать, что дело в данном случае идет не об единичных фактах, а о типичных явлениях.

То, что я утверждаю относительно воздействия евреев на ход хозяйственной жизни Америки, другой автор выразил в следующих словах: «Он (т. е. еврей) был главным финансистом главного ряда цветущих общин. Он был предприимчив и настойчив» [237, с. 173]. Для иллюстрации этого воздействия могут служить образчиком следующие факты:

В *Алабаме*: поселяется в 1785 г. Абрам Мордехай. «Он основал торговую станцию в двух милях к западу от бухты, завязав обширную торговлю с индейцами и обменивая свои товары на гвоздичный корень, ореховое масло и меха всякого рода» [Статья «Alabama» в «Jew. Ene», т. I].

В *Альбани*: «Приблизительно в 1661 г., когда Альбани был только небольшим торговым пунктом, еврейский торговец по имени Ассер Лсви (или Ливи) приобрел там земельный участок в собственность» [Статья «Albany» в «Jew. Ene», т. I].

Особенно сильно евреи начали стремиться в *Чикаго* с тех пор, как он становится железнодорожным и торговым центром. Еврей Бен. Шуберт строит там первый каменный дом и открывает в Чикаго первое портняжное заведение; Ф. Нейбург первый вводит в Чикаго торговлю табаком [57, II, с 117 и сл.; 65, 2, с. 21 и сл.].

В *Кентукки* мы уже в первых годах XVIII в. встречаем еврейских жителей. Некий мистер Соломон, поселившийся там в 1808 г., делается затем кассиром отделения банка Соединенных Штатов (Bank of the U. S.) в Лаксингтоне, которое учреждается в 1816 г. [47].

Среди первых поселенцев *Мэриленда* [111], *Мичигана* [105], *Огю* [196], *Пенсильвании* [1911 мы находим еврейских торговцев, о деятельности которых нам до сих пор было известно очень мало. Мы можем также с полной наглядностью проследить деятельность евреев, как пионеров капитализма в *Техасе*. Здесь действуют с большим успехом такие евреи, как Я. Де Кордова, Мор. Копперль, Генри Кастро и др. Кордова «был почти са-

мым крупным *земельным арендатором* в Штате до 1856 г.». «Земельная агентура де Кордовы вскоре сделалась очень известной не только в Техасе, но и в Нью-Йорке, Филадельфии и Балтиморе, где жили владельцы больших земельных поместий Техаса».

Генри Кастро занимается делами переселенческих предприятий. «В течение 1843-1846 гг. Кастро перевез в Техас свыше 5000 эмигрантов... переправив их на 27 кораблях, преимущественно из рейнских провинций». Затем, после их транспорта, он снабжает колонистов необходимыми орудиями, семенами для посевов и т.д. «Он снабжал всем своих колонистов на год, доставляя им коров, земледельческие орудия, семена, лекарства и все, в чем они только нуждались» [34, с. 35].

В целом ряде других штатов поселяются другие еврейские семьи, которые, благодаря своим широким связям, могут развить еще более обширную деятельность. Особенно характерным примером размаха еврейской деятельности является семья Зелигман, восемь братьев которой (сыновья Давида Зелигмана из Батсдорфа) основывают предприятие и впоследствии распространяют его на все главнейшие пункты Соединенных Штатов. История этой семьи вкратце следующая. В 1837 г. Иосиф Зелигман переселяется в Соединенные Штаты. В 1839 г. за ним следуют еще два брата, в 1841 г. переселяется туда и третий брат. Они основывают небольшую торговлю платьем в Ланкастере. Оттуда они отправляются в Сельма Ала и открывают филиальные отделения в трех местностях Америки. В 1848 г. они с двумя братьями переселяются на север. В 1850 г. Иессе открывает лавку в Сан-Франциско в единственном имеющемся там каменном здании. В 1857 г. к торговле платьями присоединяется банкирское дело. В 1862 г. они основывают фирму Зелигман в Нью-Йорке, Сан-Франциско, Лондоне, Париже, Франкфурте-на-Майне. Они особенно выдвигаются крупными финансовыми операциями в эпоху междоусобной войны [56, с. 141 и сл.].

И в *Южных Штатах* союза евреи играют отчасти ту же самую роль, как и в других штатах, — роль торговцев среди колонистов-земледельцев [114; с. 115; с. 32]. Но рядом с этим они уже в довольно раннюю эпоху (как и в Средней и Южной Америке) являются богатыми владельцами плантаций. В Южной Каролине, например, «еврейская земля» («Jews Land») служит синонимом крупных плантаций [58, цит. в статье «South Carolina» в «Jew. Ene.».]. Здесь, между прочим, сосредоточилась широкая деятельность Моэса Линдо, который, как мы уже упоминали раньше, особенно содействовал добыванию индиго.

Генетический метод исследования находит очень ценное подтверждение в том факте, что в течение всего периода возникновения

¹ Данные о других сельских торговцах евреех имеются у // *Рнейен-маМ* [74].

Соединенных Штатов приток евреев туда был очень силен и непрерывен. Правда, мы не можем подкрепить это положение относительно более раннего времени, так как не располагаем цифровыми данными, которые с точностью указывали бы на количественное участие евреев в общем населении страны или в массе эмигрантов. Но по целому ряду признаков мы можем с некоторой уверенностью заключить, что в Америку переселялось постоянно очень много евреев.

Чтобы оценить все их качественное значение, надо принять также во внимание крайне редкую населенность страны в прежние столетия. Если нам, например, известно, что в середине XVII в. в Новом Амстердаме насчитывалось меньше 1000 жителей [113. Ср. его же 115а; 145], то нельзя будет не признать большого экономического значения за тем фактом, что в то время из Бразилии переселились туда евреи, прибывшие на нескольких кораблях¹. Такое же значение сильного смещения туземного населения с еврейскими элементами имеет, несомненно, и тот факт, что в самые первые годы колонизации Грузии туда пристал корабль с 40 евреями и что в Саванне, небольшой торговой колонии, в 1733 г. жило 12 еврейских семейств [32].

Соединенные Штаты уже в очень раннюю пору были целью переселенческих стремлений немецких (и польских) евреев. Это — общеизвестный факт, подтверждающийся также сведениями из тех местностей, откуда отправлялись переселенцы. «Среди более бедных евреев Познани во второй четверти XIX в. редко можно было встретить семью, в которой один из ее сыновей, и обыкновенно самый дельный и энергичный, не бежал бы за океан от гнета и бедноты своей родины» [120, с. 151].

Таким образом, нас не должно поражать значительное число еврейских солдат (7243), сражавшихся в междоусобной войне [251]. Мы думаем также, что подсчет евреев, живших в середине XIX в. в Соединенных Штатах (200 000, из них 30 000 в Нью-Йорке) [по: 67], значительно занижен против их действительного числа.

¹ О нью-йоркских евреях XVIII в. (употребляющих и в своих торговых сношениях еврейский язык) см.: 49, с. 31.

Глава пятая

Образование современного государства

Развитие современного колониального хозяйства и происхождение современного государства суть два явления, взаимно друг друга обуславливающие. Оба они немислимы друг друга, и генезис современного капитализма в равной степени зависит от них обоих. Таким образом, если мы хотим оценить значение какого-нибудь исторического фактора для развития капитализма, то мы должны исследовать, оказал ли этот фактор какое-либо влияние на указанные только что явления. Поэтому я и хочу здесь выяснить, в какой мере евреи участвовали в образовании современного государства.

На первый взгляд может показаться, что евреи, как народ по своей внутренней сущности не государственный, едва ли могли принимать участие в образовании современного государства. Ибо ни один из величайших государственных деятелей, занимающих первое место в деле образования современного государства, не был евреем: таковы Карл V, Ришелье, Мазарини, Кольбер, Кромвель, Фридрих I или Фридрих II прусские.

Правда, вывод существенно меняется, если принять в соображение, что основы современного государства определились уже в последние столетия средневековья в Италии и особенно в Испании и что здесь можно найти в большом количестве еврейских государственных деятелей, играющих руководящую роль. Можно пожалеть, что история современного государства (насколько мне известно) еще ни разу не рассматривалась с этой точки зрения: я думаю, что такое

исследование бросило бы свет на многие новые стороны этого вопроса. Теперь же между произведениями, излагающими историю евреев в Испании или Португалии, как, например, Линдо, де Лос-Риоса, Кайзерлинга, Мендеса дос Ремедиоса и др., и теми, которые исследуют происхождение современного государства в Испании и Португалии, как, например, Ранке, нет ни малейшей связи.

Но мы не станем больше углубляться в этот анализ, так как главным объектом исследования мы здесь имеем явления хозяйственной истории. Говоря об участии евреев в основании современного государства, я имею в виду не столько их непосредственную деятельность, как организаторов государства, сколько их косвенное содействие в великом процессе образования государства за последние столетия. Я имею в виду то обстоятельство, что они снабжали развивающееся государство главным образом материальными средствами, с помощью которых оно могло держаться и развиваться дальше; что они двояким образом поддерживали самый фундамент, на котором покоится все современное государство, именно армию. Эта двоякая поддержка выражалась, во-первых, в доставке оружия, фуража и провианта в военное время; во-вторых, в снабжении необходимыми денежными суммами, которые шли, конечно, не только для военных надобностей, но и для покрытия других нужд двора и государства. Другими словами, я считаю евреев, в особенности в течение XVI—XVIII вв., самыми влиятельными поставщиками армий и самыми крупными кредиторами князей и за этим фактом признаю громадное значение в развитии современного государства. Это положение не нуждается в дальнейшем обосновании. Для нас важно только документальным образом доказать верность этого факта. Я попытаюсь в дальнейшем изложении сделать это, но с теми оговорками, которые я уже считал нужным привести в предыдущей главе. Особенно же я подчеркиваю то обстоятельство, что те немногие доказательства, которые я привожу в подтверждение высказанных выше положений, являются только началом основательного и исчерпывающего исследования этой проблемы и отнюдь не претендуют на полноту. Область явлений, которых я здесь касаюсь, может еще в будущем послужить исходным пунктом для целого ряда специальных исследований.

Евреи как поставщики

Я оставляю в стороне время до 1492 г., так как оно, вообще говоря, не входит в круг настоящего нашего исследования и важно лишь для освещения причинной связи с последующими событиями. Впрочем, можно было бы и из этой эпохи привести многочисленные доказательства в пользу деятельности евреев, как поставщиков армии в Испании.

Но при рассмотрении роли евреев в новой сфере их деятельности мы встречаем их прежде всего в роли поставщиков в *Англии* в течение XVII-XVIII вв.

В эпоху Commonwealth [Английской республики 1649—60 гг. — *Прим. ред.*] самым выдающимся поставщиком армии является Ant. Fern. Carvajal, «the great Jew», поселившийся между 1630—1635 гг. в Лондоне и сделавшийся вскоре одним из влиятельнейших коммерсантов страны. В 1649 г. он входит в число пяти лондонских купцов, которым Государственный совет поручает поставку хлеба для армии [253. Ср. также: 117, с. 171—173]. Он, как сообщают, привозил ежегодно на 100 000 ф. ст. серебра в Англию. В последующий период, особенно в войнах Вильгельма III, выступает в качестве «the great contractor», главным образом, сэр Соломон Медина, «the Jew Medina», возведенный за это в дворянское достоинство; он является первым (некрещеным) евреем-дворянином [117, гл. 1, с. 269; 198, с. 58 и сл.].

С другой стороны, мы встречаем евреев и во враждебном лагере, где они во время испанских войн за престолонаследие снабжают армию всеми необходимыми предметами. «Франция всегда прибегает к их помощи, чтобы снабдить свою конницу в военное время лошадьми» [156, с. 258]. В 1716 г. евреи города Страсбурга ссылаются на услуги, оказанные ими армии Людовика XIV путем доставки провианта и сведений [цит. по: 162, с. 75]. Главным военным поставщиком Людовика XIV был Яков Вормс [статья «Banking» в «Jew. Enc.»]. В XVIII в. евреи все чаще и чаще выступают в этой роли во Франции. В 1727 г. евреи города Меца в течение шести недель доставляют в город 2000 лошадей для потребления и 5000 ремонтных лошадей [«Memoire der Juden von Metz», том 24. 3, 1733, частью напечатанное у *Блоха*: 17, гл. 1, с. 35]. Маршал Морни Саксонский, победитель при Фонтенуа, заявил, что его армия

никогда не была лучше снабжена провиантом, чем когда он прибегал к услугам евреев [цит.: 17, гл. 1, с. 23]. Во время последних Людовиков выделялся как поставщик Серф Беер, о котором в актах его натурализации говорится: «Последняя война и недород, который давал себя чувствовать в Эльзасе в течение 1770 и 1771 гг., предоставили ему случай доказать рвение, одушевлявшее его в его службе нам и государству» [Извлечения из «Lettres patentes» у Блоха: 17, с. 24].

Громадной мировой торговой фирмой в XVIII в. был, как известно, торговый дом «Градис» в Бордо: Абрам Градис основал в Квебеке большие магазины, чтобы снабжать необходимыми предметами воевавшие в Америке французские войска¹. Выдающуюся роль, в качестве поставщиков, евреи сыграли и во Франции в эпоху революции, во время директории, а также и в наполеоновских войнах [27, с. 68, 214 и в др. местах]. Интересным доказательством их громадного значения является плакат, развешанный в 1796 г. на улицах Парижа, когда последнему угрожал голод. В нем евреям предлагалось снабдить город хлебом, чтобы доказать свою благодарность за дарованные им революцией права. «Они одни, — говорит автор плаката, — могут довести это предприятие до благополучного конца, ввиду их многочисленных торговых сношений, преимуществами которых они должны дать воспользоваться также и своим согражданам»². То же самое мы встречаем в Дрездене, когда в 1720 г. придворный еврей Ионас Мейер предохранил город от голода доставкой больших запасов хлеба (хроникер говорит о 40 000 четвериках) [109, с. 122; цит.: 161, с. 58].

И в Германии мы рано находим евреев, которые порою исключительно занимаются поставкой на армию. Так, в XVI в. кардинал Альбрехт ставил условием Исааку Мейеру при его приписке к Гальберштату (в 1537 г.), чтобы он, ввиду грозного времени, «снабжал наш монастырь хорошим оружием, панцирями, доспехами». Иосиф фон Росгейм получает в 1548 г. охранную грамоту, потому что он доставлял деньги королю и провиант войскам. В 1546 г. мы встречаем богемских евреев, «снабжающих армию одеялами и ши-

¹ Относительно «Градис» см.: 172, с. 241 и сл.; 91. Оба эти исследования, основанные на достоверных источниках, независимы друг от друга.

² Приведено в «Revue de la Revolution française», 16, 1, 1892.

нелями» [19, с. 388]. В XVII в. (1633) богемскому еврею Лазарусу выдается свидетельство в том, что он сам доставлял или на свой счет поручал другим доставлять «сведения и уведомления, очень нужные императорской армии», и всегда старался «доставлять императорской армии различную одежду и необходимый провиант»¹. Великий курфюрст прибегал к услугам Лейманна, Гумперца и Соломона Элиаса «в своих военных операциях с большой пользой, так как они занимались поставкой всех потребных для армии предметов» [149, с. 93–94]. Назовем еще Самуила Юлиуса, поставщика лошадей при курфюрсте Фридрихе Августе Саксонском; далее семью Модель, придворных и военных поставщиков в княжестве Ансбах (в XVII–XVIII вв.)². «Все комиссары — евреи и все евреи — комиссары», аподиктически замечает Мошерон в истории Филандра из Зиттевальда [80, с. 779].

Первые богатые евреи, получившие при императоре Леопольде после изгнания (1670) право вновь проживать в Вене, как Оппенгеймер, Вертгеймер, Майер Гершель и другие, были также поставщиками армии [179, с. 132 и сл.]³. Кроме того, мы имеем многочисленные доказательства их деятельности как поставщиков армии в течение XVIII в. во всех австрийских странах⁴. Наконец, можно напомнить еще о тех поставщиках-евреях, которые доставляли провиант американским войскам во время освободительной войны (а равно и после — во время междоусобной войны) [73, с. 65–89].

¹ Все эти примеры взяты из: *Liebe G. Das Judentum*. [162, с. 43 и сл.]. Последний сообщает их, не называя источников.

² Рескрипт от 28 июля 1777 г., напечатан: *Levy Alphonse* [160, с. 74]. См. также: 99, с. 70.

³ Самуил Оппенгеймер — «Kaiserlicher Kriegsoberfaktor und Jud», как его официально звали и как он сам подписывался, — заключал, особенно во время похода принца Евгения, «почти все самые важные договоры о доставке провианта и амуниции» [179, с. 133].

⁴ См., напр., доклад венской дворцовой канцелярии от 12 мая 1712 г.: *Wolf. Geschichte der Juden in Wien*. S. 70. «Komitatsarchiv Neutra Iratok» XII (для Моравии) по сведениям, доставленным студ. Jas. Reizman'ом; «Verproviantierungen der Festungen Raab, Ofen und Komorn durch Breslauer Juden: Wolf S. 61.

Евреи как финансовые деятели

Историки уже раньше обратили внимание на эту деятельность евреев, и мы поэтому сравнительно хорошо осведомлены о роли, которую евреи играли во все периоды европейской истории как управляющие финансами монархов или как их кредиторы. Я могу поэтому быть здесь кратким и ограничиться некоторыми ссылками на известные факты.

Уже в средние века мы повсеместно встречаем евреев в роли откупщиков налогов, арендаторов солеваренных заводов и казенных имений, в роли казначеев и кредиторов, чаще всего, конечно, на Пиренейском полуострове, где так называемые *Almoxarife* и *Rendeiros* предпочтительно избирались из среды богатых евреев. Но так как я не намерен здесь заняться подробным рассмотрением этого периода, то и не называю отдельных имен, а ссылаюсь только на обширную, общую и специальную литературу¹.

¹ Так как я уже назвал самые главные сочинения, относящиеся к хозяйственной истории евреев в Англии, Франции, Голландии и Америке, то дополню ее теперь некоторыми указаниями относительно Германии и Испании.

Что касается Германии, то мы, к сожалению, не имеем пока цельного труда по этому предмету, и если лишены возможности черпать из непосредственных источников, то вынуждены прибегать к компиляциям из локальных монографий, газетных и журнальных статей. Заимствование же из источников возможно лишь в очень редких случаях, когда, как в нашем исследовании, речь идет о раскрытии общей связи явлений. В общем приходится сказать, что еврейская историография в Германии далеко отстала от других стран, в особенности Англии, Франции и Соединенных Штатов. Особенно плохо и недостаточно исследованы экономические моменты и такие труды, как: *Geyer L. Die Geschichte der Juden in Berlin*. В 2 томах (1870-1871), дают нам в этом отношении очень мало материала. Больше данных мы находим в следующих трудах: *M. Grünwald. Portugiesengräber auf deutscher Erde* и «*Hamburgs deutsche Juden bis zur Auflösung der Dreigemeinde*», 1904.

Некоторые подробности, к которым, впрочем, следует относиться с осторожностью, заключаются в трудах: *König* [149, с. 150. См. прим. 15]. Если не считать общих сочинений по истории евреев, то остается лишь прибегать к помощи еврейских *газет и журналов*, очень скудных по части данных об экономической истории. Среди них самое важное значение для наших целей имеет «*Monatsschrift für Geschichte und Wissenschaft des Judentums*»

Но как раз в новое время, в эпоху развития современного государства, деятельность евреев, как финансовых советников при монархах, приобретает решающее значение.

В Голландии они вскоре занимают руководящие посты, хотя и здесь они официально устраняются от бюрократической карьеры. Напомним только о фаворите Вильгельма III, Мозесе Макадо, о семье дипломатов Бельмонт (van Schoonenberg), о богатом Суассо, давшем взаймы Вильгельму в 1688 г. два миллиона гульденов, и о многих других [142, с. 206 и сл.]. Значение еврейского финансового мира в

(с 1851 г.), тогда как *Allgemeine Zeitung des Judentums* (с 1837 г.) и *Popular — wissenschaftliche Monatsblätter Адольфа Брюля* (с 1888 г.), по преимуществу преследуют цели еврейской пропаганды. Хорошо поставленная *Zeitschrift für Demographie und Statistik des Judentums* (с 1905 г.) лишь изредка занимается проблемами хозяйственной истории.

От времени до времени можно найти хорошие статьи по хозяйственной истории евреев в общих или местных специальных исторических журналах, названия которых я не могу здесь, конечно, привести в отдельности.

Regesten zur Geschichte der Juden etc., 1887 г. и сл. имеют своим содержанием лишь эпоху раннего средневековья, не имеющую для нас никакого значения.

Судьбы евреев в Испании часто служили объектом исследования. Но как раз хозяйственная сторона в них совершенно игнорируется. Я не знаю другой, более благодарной задачи для историка, чем именно хозяйственную историю евреев в Испании (и Португалии). Она, несомненно, бросила бы яркий свет на всю хозяйственную историю Европы. Но автор, который взял бы на себя эту задачу, должен был бы уметь ставить вопросы и не походить на историка, подобного *Gerg Caro*, чья книга «*Social und Wirtschaftsgeschichte der Juden im Mittelalter und der Neuzeit*» (1908), обнимающая собой и Испанию, осталась совершенно непродуктивной, потому что ее автор не имеет представления о проблемах хозяйства и вязнет в бесконечном регистрировании различных законоположений. И даже тенденциозность его изложения, часто дающая себя очень неприятно чувствовать, не способна никого ввести в заблуждение насчет общей бессодержательности этого труда.

И для исследования испанско-еврейской хозяйственной истории мы должны пока ограничиваться общими сочинениями об истории евреев в Испании, среди которых труд *М. Кайзерлинга* «*Geschichte der Juden in Portugal*» (1867) и теперь еще является, пожалуй, самым лучшим.

Самым главным сочинением по испанской истории является труд: *José D. Amador de Los Rios. Historia social, política y religiosa de los Judios de Espana y Portugal. 3 tomos. 1875-1876.* Но труд этот оказывается для наших целей

Голландии простирается за ее пределы, так как она в течение XVII—XVIII вв. была главным резервуаром, из которого черпали все монархи, нуждавшиеся в деньгах. Людей, как Пинтос, Дельмонтес, Буэно де Месквита, Франсиз Мельсина, можно смело рассматривать, как руководящих финансовых деятелей Северной Европы того времени. [Ср. статью «Banking» в «Jew. Enc.»].

В течение XVII—XVIII вв. и в области английских финансов заметно господствующее влияние евреев. В Англии¹ денежные нужды «долгого парламента» послужили первым толчком к привлечению туда

совершенно недостаточным. Те немногие места, которые посвящены хозяйственной истории (как, напр., 3, 69 и сл.), неясны и не знакомы с главным моментом: с вопросом о том, какие экономические формы являлись господствующими.

Книга *E. H. Lindo* «The history of the Jews of Spain and Portugal» (1848) содержит, главным образом, выдержки из относящихся к евреям законов и решений кортесов и имеет поэтому для нас некоторую ценность.

Что касается Португалии, то главным здесь является труд: *Menúes dos Remedios. Os Judeus em Portugal*, I, (1895), охватывавший эпоху до изгнания. Схема изложения остается старой.

Впрочем, те части книги Греца, которые посвящены эпохе расцвета еврейской народности в Испании (особенно том 7 и 8), по богатству материала очень пригодны для наших идей и еще до сих пор не превзойдены более новыми исследованиями.

В монографических исследованиях положения евреев в испанско-португальской экономической жизни мне так же мало известно, как и о научной еврейской журнальной литературе в Испании. Это можно, конечно, приписать и моему недостаточному личному знакомству с явлениями соответствующей литературы. Как бы то ни было, общие и еврейские библиотеки Берлина и Бреслава не содержат в себе ничего подобного. Сочинение *Bento Carqueja* «O capitalismo moderno e as suas origens em Portugal» (1908) лишь мимоходом затрагивает еврейскую проблему.

¹ Данные насчет роли евреев в английском финансовом хозяйстве в продолжение XVII—XVIII вв. заимствованы нами из целого ряда разбросанных мест в общей литературе. Привожу здесь некоторые: *Picciotto*. Sketches of Anglo-Ewish History (1875) [198, с. 58 и сл.], *Hyamson*. History of the Jews in England (1908) [117, с. 171 и сл., 217, 240, 264 и сл.]. Затем специальные исследования: *Wolf Lucien*. The Re-Settlement of the Jews in England. (1888), *idem*: Crypto-Jews under the Commonwealth в «Transactions Jew. Hist. Soc.», vol. I (1895); *idem*: The Jewry of the Restoration (1660-1664). Repr. from the «Jew. Chronicle», 1902.

богатых евреев. Еще задолго до того, как Кромвель санкционировал их допущение, много богатых псевдоевреев переселяется в Англию, главным образом, из Испании и Португалии через Амстердам; в 1643 г. их приток был особенно силен. Их средоточием является дом португальского посланника в Лондоне, Антонио де Суза, который также был мараном. Среди них особенно выделяется уже знакомый нам Антонио Фернандо Карваьял, равно известный как кредитор и как поставщик; он был собственно главным финансистом Commonwealth'a [Английской республики]. Контингент богатых английских евреев увеличивается при младших Стюартах, особенно при Карле II. Как известно, последний женился на Катерине Браганцкой, а в ее свите мы встречаем целый ряд еврейских финансовых тузов, в том числе братьев да Сильва, еврейско-португальских банкиров из Амстердама, которым было поручено заведование и урегулирование приданого Катерины. Из Испании и Португалии в это же время переселяются в Англию Мендесы и да Коста и соединяют свои торговые фирмы под общей фирмой Мендес да Коста¹. Одновременно с этим начинается переселение и немецких евреев, которые по богатству уступают южным евреям, но насчитывают в своей среде и таких крупных капиталистов, как, например, Бенямина Леви.

С Вильгельмом III начинается новый их приток, и отношения между правительством и богатым еврейством становятся еще более тесными. Уже знакомый нам сэр Соломон Медина сопровождает Вильгельма Оранского в Англии, как его советник в денежных делах. За ним следует Суассо — другая семья богатых финансистов. В царствование королевы Анны руководящим финансовым деятелем Англии был Менассе Лопец.

Когда в Англии разразилась гроза тихоокеанского прожектерства, мы встречаем в ней еврейство уже как крупную денежную силу;

¹ «Основными представителями новой иммиграции были зажиточные португальские мараны. Некоторые из них прибыли в Лондон помогать Дуарте да Сильва в управлении приданым королевы. Это, должно быть, было очень прибыльное дело, и мараны, вероятно, образовали синдикат (сообщество), чтобы обратить его себе на пользу. Королевское ручательство всегда опережало очередной взнос, и требовались значительные капиталы, чтобы дисконтировать их. Предоставление того капитала было доверено евреям» [255, р. 11].

оно держалось в стороне от опасных спекуляций и спасло свои крупные состояния. Таким образом, евреи были в состоянии покрыть целую четверть займа, объявленного правительством под БансИахе. Руководящую роль в эти критические времена берет на себя банкирский дом Гидеонов, представителем которого является Самсон Гидеон (1699—1762), «доверенный советник правительства», друг Вальполя, «столпа государственного кредита». В 1745 г., в очень критический момент он добывает заем в 1 700 000 фунтов 1175, с. 3511. После смерти Самсона Гидеона фирма «Фринсиз и Иосиф Сальвадор» становится самой крупной финансовой силой Англии, пока наконец с началом XIX в. Ротшильды и здесь не становятся во главе финансовых операций.

Чтобы учесть значение евреев, как финансовых деятелей во Франции, достаточно указать на то влиятельное положение, которое занимает Самуил Бернар в конце царствования Людовика XIV и в царствование Людовика XV. Мы видим, как Людовик XIV прогуливается в своем саду с этим денежным тузом, «...вся заслуга которого, — по выражению одного желчного критика, — состоит в том, что он поддерживал государство, как иерейка держит повешенного» [45, с. 351]. Мы видим, как он доставляет средегва и испанской войне за престолонаследие и поддерживает французского претендеша на престол в Польше; мы видим его в ро.пі финансового советника при регенте. Поэтому нет никакого преувеличения в том, что маркиз Ланжо называет его в одном своем письме «величайшим банкиром современной Европы». И во Франции евреи принимают большое участие в оздоровлении финансов Ост-Индской компании после ужасов тихоокеанского прожектерства [130]. Но руководящее значение на денежном рынке Франции они, как крупные капиталисты, приобретают лишь в начале XIX в., когда Ротшильды, Фульды, Серфберы, Дюоны, Гушо, Дальмберы, Перейры начинают свои операции. Очень возможно, что, кроме названных, еще многие другие еврейские финансисты действовали во Франции в XVII—XVIII вв., но, вследствие строгих репрессий против евреев, они скрывали свое происхождение и потому ускользают от подсчета.

В Германии и Австрии легче проследить их деятельность, потому что здесь, несмотря на официальное воспрещение жительства евреев в стране все же оставался в силе остроумный институт «придворных евреев», и несколько таких привилегированных евреев всегда находилось в распоряжении монархов.

По Грецу, эти придворные евреи были «изобретением» немецких императоров во время тридцатилетней войны. «Венский двор, — говорит автор, — придумал еще другое средство, чтобы использовать финансовые ресурсы евреев для надобностей войны. Он производил еврейских капиталистов в «придворных евреях» и предоставлял им самую широкую свободу торговли, освобождая их от ограничений, которым были подвержены другие евреи» [92, т. 10, с. 40]. Как бы то ни было, несомненен тот факт, что в течение XVII-XVIII вв. нельзя почти назвать ни одного немецкого государства, которое не имело бы в своем распоряжении одною или несколькими «придворных евреях», от поддержки которых существенным образом зависели финансы страны.

Так, мы встречаем при императорском дворе в XVII в. [цит. по: 92, т. 9, с. 7, 10, 41] Иосифа Пинкерле из Герца, Мозеса и Якова Марбургера из Градески, Вентуру Паренте из Триеста, Якова Бассеви (Батшеба) Шмидс из Праги. (Этого последнего Фердинанд за его заслуги произвел в дворянство, присвоив ему имя фон Трейенбурга.) При Леопольде I мы встречаем очень популярный банкирский дом Оппенгеймеров, о котором государственный канцлер выражается следующим образом: «В 1690 г. знаменитый банкирский дом Оппенгеймеров процветал среди купцов и менял не только в Европе, но и повсюду в мире» [точный текст в книге «Juden in Oesterreich». 1842, с. 41 и сл.]. Непосредственно перед этим он говорит о венских евреях, что от них зависит решение всех важнейших дел. Не менее известен был при Леопольде I еврейский судья и придворный маклер Вольф Шлезингер, который вместе с Левелем Зинцгеймом обеспечил государству несколько крупных займов. Мария-Терезия, кроме того, прибегала еще к услугам Вертгеймеров, Ариштейнеров, Эскадес и др.

В продолжение более столетия банкирами венского двора были только евреи [150, т. 2, с. 64; 179, с. 132 и сл.]¹. Как велико было их экономическое могущество и влияние, видно из того факта, что придворная палата вынуждена была просить, в интересах кредита, государственную канцелярию о вмешательстве по поводу еврейско-

¹ В XVIII в. главными кредиторами государства были Оппенгеймер, Вертгеймер, Зинцгейм; последнему государство в 1739 г. задолжало около 5 млн гульденов [179, с. 685].

го погрома во Франкфурте-на-Майне, так как франкфуртские евреи состоят-де в торговых сношениях со своими венскими единоверцами [179, S. 148].

То же самое мы видим и в более мелких немецких княжествах. «Утонченные требования конкурировавших друг с другом в роскоши многочисленных придворных штатов, при неудовлетворительности тогдашних способов сообщения, вызвали в крупных торговых центрах потребность в опытных агентах. Мекленбургские герцоги имели таких агентов в Гамбурге; агентом епископа Иоганна Филиппа из Вюрцбурга служил в 1700 г. Мозес Элкандер во Франкфурте-на-Майне. Благодаря этому, евреям был открыт широкий доступ: оборотливый человек, доставлявший предметы украшения для княгини, материи для ливреи камергера, деликатесы для повара, охотно давал также и деньги взаймы» [162, с. 84]. Таких «агентов», доставлявших правителям необходимые денежные средства, было много в больших еврейских городах, как Гамбург и Франкфурт-на-Майне. Кроме вышеупомянутых, назову еще португальского еврея Даниэля Абензура, который умер в 1711 г. в Гамбурге, где он занимал пост министра-резидента польского короля, и который ссудил значительными суммами польскую корону [«Jewish Encyclopedia», ст. «Abensur, Dan.».]. Некоторые из этих агентов селились затем при дворе своих должников и возводились в «придворные евреи».

В курфюршестве Саксонии мы, благодаря этому, встречаем (с 1694 г., после вшествия на престол Августа) Леффмана Беренда из Ганновера, И. Мейера из Гамбурга, Беренда Лемана из Гальберштата (ссудившего деньги на выборы польского короля) и много других придворных евреев [159, с. 259 и сл.]. В Ганновере Беренды действовали как главные маклеры и придворные агенты [7, с. 82; 99, с. 64, 70, 89]; в княжестве Ансбах — Модель, Френкель, Натан и другие; в Курпфальце — Лемте Мойзес и Михель Май, которым в 1719 г. передано было взыскание курфюрста с императора в размере 2 1/2 млн гульденов [179, с. 409].

В более широких кругах пользуются также известностью придворные евреи бранденбургско-прусских правителей: Липпольд при

¹ Относительно «Berend (Behrend) Lehmann alias Jisachar Berman» см.: *Auerbach B. H.* Geschichte der israelitischen Gemeinde Halberstadt [7, с. 43 и сл.]. О сыне его Lehmann Berend см.: 85.

Иоахиме II, Гомпер и Иоост Либман при Фридрихе III, Фант при Фридрихс-Вильгельме I. Эфраим, Мозес Изаак, Даниэль Ициг при Фридрихе П.

Но самым известным из немецких придворных евреев, который может, собственно, служить их прототипом, является Зюс Оппенгеймер при дворе Карла-Александра Вюртембергского [259].

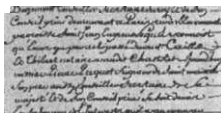
Наконец, следует еще указать на то, что евреи сыграли крупную роль, как финансовые деятели, в Соединенных Штатах в течение XVIII в., особенно в период освободительных войн. Наряду с Хаимом Соломоном [Address by Louis Marshall в: 237, с. 102], с Мином и Когеном в Георгии [73, с. 63] и другими, помогавшими правительству деньгами, прежде всего необходимо назвать Роберта Морриса, который является в своем роде единственным финансовым деятелем американской революции [235].

Но вот происходит нечто совершенно из ряда выходящее. Тогда как в течение столетий, и особенно в XVII—XVIII вв., которые имели такое решающее значение для развития современного государства, евреи лично оказывают услуги правительству, мы видим, как в это самое время, особенно же в течение последнего столетия, медленно преобразовывается форма публичного кредита. Этот процесс все больше вытесняет крупного кредитора из его господствующего положения и ставит на его место все более растущее число мелких кредиторов. Благодаря развитию современной системы займов, публичный кредит, можно сказать, «демократизируется»: «придворный еврей» вытесняется. Развитию этой системы займов опять-таки помогают евреи; они сами, следовательно, делают излишним существование кредитора-монополиста и тем самым еще больше содействуют образованию крупных государств.

Но развитие системы публичного кредита составляет только часть в общем преобразовании, которому подверглась наша экономика и в котором, по моему мнению, евреи в общем принимали выдающееся участие. Поэтому чрезвычайно важно проследить этот процесс преобразования в его целом.

Глава шестая

Коммерциализация хозяйственной жизни

Под коммерциализацией хозяйственной жизни (определяю пока не совсем точно это понятие) я понимаю превращение всех хозяйственных процессов в государственные сделки или же отношению или подчинению этих процессов торговым сделкам и тем самым, как обыкновенно неясно выражаются, — «биржи», как центральному органу высоко развитой капиталистической торговли. Я имею в виду общеизвестный процесс, приближающийся теперь к совершенству и означающий осуществление капитализма; процесс — если можно так выразиться — «обиржевления» экономики. Но дело не в названии, а в понимании сущности явления. При ближайшем рассмотрении это явление распадается на три составные части, которые можно различать как исторически, так и систематически¹.

Прежде всего совершается тот процесс, который можно назвать овеществлением кредита и его объективизацией (воплощением) в «ценных бумагах». К этому присоединяется процесс, известный под названием мобилизации кредита и его носителей. Оба эти процесса дополняются развитием самостоятельных предприятий для создания кредитных ценностей (ценных бумаг) с целью барыша.

¹ В настоящем труде я ограничиваюсь предварительным кратким изложением эволюционных тенденций высоко развитой капиталистической экономики (поскольку это является необходимым для разрешения специально поставленной здесь проблемы). Я надеюсь подвергнуть все, здесь только слегка затронутые, пункты более подробному исследованию в новом издании моей книги «Современный капитализм».

Дальнейшее изложение имеет целью доказать, что во всех этих процессах евреи принимают творческое участие; мало того, проявляющаяся в этом развитии особенность современной экономической жизни обязана своим происхождением, главным образом, еврейскому влиянию.

I. Происхождение ценных бумаг

Если юристы отличительной чертой ценной бумаги считают ее своеобразное значение при предъявлении проданного в ней права¹, т.е. то обстоятельство, что без этой бумаги юридически невозможно ни использовать права, ни перенести его на третье лицо, то мы, с точки зрения экономической науки, прежде всего должны подчеркнуть, что в ценной бумаге (когда она представляет в чистом виде особый род документа, принципиально отличающегося от всех других) «воплощается» не личное, а оуществленное долговое отношение (или требовательное, или же, в более широком смысле, кредитное отношение)². Этим определим мы

¹ На этом мнении в конце концов сходятся (несмотря на резкие разногласия) *Brunner* (Endemanns Handbuch, 2, 147) и *Goldschmidt* (Universalgeschichte des Handelsrechts. 1891, с. 386). Также и *Knies* в книге «Der Kredit» (1876, с. 190) рассматривает сущность ценной бумаги главным образом с юридической точки зрения, говоря, что мы здесь имеем дело «с своеобразной новой основной нормой сбережения и предъявления права, как и с новой основной нормой перенесения права на третье лицо». К специфически экономическому пониманию вопроса он приближается, говоря [141, т. 2, с. 238] о потребности «объективировать» денежное требование, независимо от мотивов его происхождения, и сделать бумажный знак, именно — ценную бумагу носителем этого требования.

² Я рассматриваю понятие «кредитного отношения» в широком смысле обязательственных отношений между людьми, возникающих таким образом, что один отдает известную имущественную ценность другому, который обещает в будущем исполнить взятое на себя обязательство. Из каждого кредитного отношения образуется, следовательно, долговое и требовательное отношение, но только в экономическом, а отнюдь не в юридическом смысле, так как требование иска в этом широком материальном смысле обнимает собою и право собственности, и вещественное право, и т. д.; как, например, право собственности на уплату наемных и арендных денег, право ипотечного кредитора на уплату процентов, право рабочего на уплату заработной платы и т. п.

отнюдь не противоречим юридическому пониманию вопроса; наоборот, мы им еще больше подкрепляем его правильность. Происхождение ценных бумаг является, таким образом, внешним выражением овещствления кредитных отношений; последнее же в свою очередь служит одним лишь звеном в цепи овещствления всех процессов, — явления, которое более всего характеризует сущность развитого капитализма. «Овещствление» первоначально личного отношения совершается во всех тех случаях, когда на место непосредственного влияния или содействия живых людей вступает действие созданной людьми системы учреждений (организаций). (Параллельное явление мы замечаем в технике, где процесс овещствления заключается в том, что живой человеческий труд переносится на систему безжизненных тел: механизм или химизм.) Так, ведение войны «овеществляется», когда исход борьбы не зависит больше от чисто личных способностей полководца, а от умения ловко применять накопленный в течение долгих лет опыт и намечать искусную систему стратегии и тактики, технику орудий, методы снабжения провиантом и т. д.

Мелкая торговля овеществляется, когда не только хозяин, лично сносящийся со своими служащими и покупателями, заменяется управлением с целым штабом распорядителей и тысячами служащих, из которых каждый в отдельности подчинен только общему плану организации, но когда и каждый отдельный акт купли и продажи перестает быть личным договором между покупателем и продавцом, а превращается в чисто автоматический процесс, следующий строго определенным правилам. Коллективный рабочий договор «овеществляет» отношение наемных рабочих и т. д. Подобного рода овещствлению подвергаются и кредитные отношения на известной ступени капиталистического развития. (Это овещствление кредита служит, как я уже сказал, характерной чертой современного хозяйства. Ни происхождение, ни даже широкое распространение кредитных отношений не характерны для него: и то и другое в докапиталистическую и в раннекапиталистическую эпоху играет порою выдающуюся роль, по крайней мере, в форме потребительного кредита. Пример: древний мир!) В общем, кредитное отношение «овеществляется», когда оно возникает не между знакомыми людьми на основании личного договора, а между незнакомыми, по вполне объективным нормам, в схематической форме, посредством систе-

мы определенных учреждений. Центральным пунктом операции этих учреждений и служат ценные бумаги, в которых «объективировано» долговое и требовательное отношение между неизвестными друг другу лицами и обладание которыми дает возможность каждому новому кредитору во всякое время вступить в кредитное отношение. Таким образом, путем ценной бумаги создается безличное кредитное отношение. Это подтверждается точным анализом совокупности долговых отношений, созданных известным типом ценных бумаг. К ним принадлежат, главным образом, переводный вексель, акция, банкнота, публично-правовая и частно-правовая «облигация».

Переводный вексель (в противоположность непередаваемому), точно так же как и бланковый вексель, обосновывает право требования любого третьего лица, одинаково неизвестного как должнику (трассанту), так и первоначальному займодавцу (трассату), и с которым должника, может быть, никогда не связывали никакие другие экономические узы. Этот вексель представляет только общее средство платежа. Индоссамент делает излишним личную явку интрассатов при известных сделках (Ма55уесII5eI) [15, с. 145].

Акция доставляет любому владельцу право быть соучастником капитала и прибыли ему лично совершенно чуждого предприятия. Отношение известного лица к определенному деловому предприятию делается независимым не только от его личного содействия, но и от его вещественного имущества. Отношение это объективируется в абстрактной сумме денег, которая может принадлежать совершенно различным имущественным комплексам.

Банкнот предоставляет владельцу право требования по отношению к банку, с которым он мог и не входить ни в какие договоры. Его претензия основана не на факте личного долга, как это обстоит, напр., с депозитом.

Частичная *облигация* также создает кредитное отношение между неизвестным (публикой, как мы характерно выражаемся) и третьим лицом: последнее может быть общественным учреждением, акционерной компанией или частным лицом.

Государство или община, делающая публичный заем, так же мало знают своих займодавцев, как промышленное предприятие, выдающее облигации, или сельский хозяин, достающий деньги путем продажи закладных. Облигация представляет даже несколько разных степеней овеществления кредитных отношений, смотря по тому,

является ли *должник* частным (и потому известным) лицом или нет. Частные облигации можно поэтому делить на индивидуальные и коллективные. В первом случае кредиторы имеют своим должником известное предприятие (или, скажем, известного родового дворянина), в последнем — неизвестную массу должников. Это бывает, как известно, при залладных на недвижимое имущество; здесь все (или многие) землевладельцы округа, о существовании которых владелец залладных, быть может, и не имеет понятия, могут оказаться его должниками.

Доказать на основании «источников» участие евреев в созидаании этого института — это задача, которую вряд ли когда-нибудь удастся разрешить. Она останется неразрешенной и тогда, когда исследования о положении евреев в прежние экономические эпохи будут посвящать больше внимания; ни даже тогда, когда история денежного и банкового дела на Пиренейском полуострове за последние столетия средневековья, — эта крайне запущенная, но для разрешения вышеупомянутой проблемы чрезвычайно важная часть экономической истории, — будет лучше разработана, чем теперь. Причина очень простая: генезис хозяйственных организаций, как и правовых институтов, невозможно проследить по «источникам» до их первоначального основания. Ведь мы имеем здесь дело, — как это очень часто подчеркивают и сами сторонники изучения экономической и правовой истории по «источникам», — не с «изобретениями» или «открытиями», которые датируются с определенного дня, а с медленным, так сказать, органическим процессом роста, зачатки которого теряются во мраке повседневной жизни. Мы принуждены поэтому ограничиваться констатированием факта, что торговые обычаи известного времени носили тот или иной основной характер, что, — выражаясь образно, — хозяйственные сношения были настроены на тот или иной тон. Для констатирования этих фактов, однако, совершенно не хватает доказательств, основанных на «источниках», которых порою бывает до смешного мало. Вот почему каждое исследование «по источникам» приходится постоянно пополнять выводами из общих экономических (или юридических) условий, в которых находилась известная эпоха или известная группа населения. Возьмем, например, *историю векселя*. Она никогда не может быть основана на тех нескольких средневековых векселях, которые случайно попали в наши руки. Эти векселя могут служить лишь ценным

подтверждением или проверкой общих выводов. Но без этих общих выводов мы не в состоянии понять многого. Несомненно, правы те, которые на основании одного того факта, что так наз. «древнейший» вексель был будто бы выставлен евреем Симоном Рубенсом (1207 г.), не находят возможным заключить, что евреи являются «изобретателями» векселя¹. Но точно так же и из другого факта, что старые векселя исходят от неевреев, нельзя вывести заключения, что евреи не являются «изобретателями» векселя. Разве мы можем знать, сколько тысяч векселей, о существовании которых нам ничего неизвестно, было выставлено той или другой группой населения Флоренции, Венеции или Брюгге? Но мы достоверно знаем, что евреи в средние века были носителями денежных связей, что, живя в различных местах Европы, они постоянно поддерживали сношения друг с другом. А из этого мы с некоторой уверенностью можем заключить, что «евреи, как влиятельные посредники международной торговли, в крупных размерах употребляли способ перевода денег посредством векселя (ремитирование) и распространяли его дальше, — занятие, которое по традиции перешло в вульгарное право средиземных стран» [84, 5. 410]².

Не подлежит никакому сомнению, что применять дедуктивный метод к такого рода историческому исследованию следует только с крайней осторожностью. Но отказываться поэтому от применения данного метода также не следует, — в особенности при исследовании такой проблемы, как та, которая нас сейчас занимает. Иначе мы не придем ни к какому результату. Правда, есть не мало случаев (как мы убедимся еще ниже), когда участие евреев в развитии хозяйственного института можно как нельзя лучше доказать на основании «источников». Но рядом с этим остается еще целая масса явлений, выяснить генезис которых «по источникам» никоим образом невозможно. В этих случаях мы должны удовлетворяться лишь возможностью доказать, что евреи сыграли выдающуюся роль в экономической жизни той эпохи и той области, где, по всей вероят-

¹ Гипотеза *Кимге* и других. См.: 84, с. 408 и сл.

² Гольдшмит, конечно, снабжает эту в положительном смысле здесь приведенную фразу вопросительным знаком, придавая ей следующую форму: «употребляли ли...»: «из доступных нам источников узнать невозможно». Ср.: 246, с.15.

ности, следует искать начала новых хозяйственных форм; или же, что евреи должны были быть особенно заинтересованы в развитии определенного хозяйственного (или юридического) института. Может быть, будущим исследователям удастся открыть больше «источников» благодаря тому, что эта проблема в настоящее время привлекает усиленное внимание. Сказанное мною выше о применяемом здесь методе, помимо общего, имеет значение и для того краткого исторического обзора возникновения отмеченных выше типов новейших ценных бумаг, который я имею в виду сделать в последующих главах.

1. Переводный вексель

Нас интересует здесь не происхождение векселя вообще, а происхождение (как можно было бы выразиться) современного, т. е. овековеченного переводного векселя.

Существует общее предположение, что вексельное жиро не достигло полного развития до XVII в. и что оно впервые нашло безусловное признание в Голландии (в «Amsterdamer Willkur» от 24 января 1651 г.). Но все то, что совершается в Голландии в течение XVII в. в области денежных и кредитных отношений следует приписать, как мы еще убедимся, в большей или меньшей мере еврейскому влиянию. Гольдшмит переносит начала вексельного жиро в Венецию, где оно, правда, воспрещается законом 14 декабря 1593 г., тогда как первое известное ему вексельное жиро встречается в 1600 г. в одном неаполитанском документе [153, с. 198 и сл.; 152, с. 58, 63; 84, с. 448—449]'. По возникновению циркуляционной формулы жиро в Венеции можно было бы почти с уверенностью заключить, что оно — еврейского происхождения, так как мы знаем, что в XVI в. вексельное дело находилось там преимущественно в руках евреев². В упомянутой уже петиции сенату от христианских купцов Венеции в 1550 г. место, касающееся занятия евреев вексельным делом, дословно гласит следующее:

¹ «В общем XVII и начало XVIII в. можно назвать временем распространения и усовершенствования индоссамента во всей Европе». Ср.: 15, с. 121, 137 и сл.

² *Goldschmidt*. Univ. Gesch., с. 452. *Schaps*, с. 92. Первое воспрещение (по *Sehaps'y*) в «Neap. Pragmatica» от 8 ноября 1607 г. *op. cit.*, с. 88 и сл.

«Те же отношения, что и в торговле, мы поддерживаем с ними в биржевых операциях, потому что к нам постоянно возвращаются их деньги в наличном виде, дабы мы их меняли на этой площади Риальто для Лиона, Фландрии и др. частей мира или покупали шелковые ткани и другие нужные им товары».

«То, что мы рассказываем о евреях Флоренции, относится также и к другим торговцам этой нации из Испании и Португалии, живущим во Фландрии, Лионе, Риме, Неаполе, Сицилии и др. странах и не только торгующим с нами на бирже и присылающим к нам товары из Фландрии и Сицилии, но продающим и покупающим другие товары с целью сбыта их в третьих странах» [132, с. 320 и сл.].

Дальнейшее развитие получил индоссамент, по-видимому, в XVI в. на ярмарках Генуи. По крайней мере, мы здесь впервые находим «жиро-авал» («Giro-Aval»), — как его недавно называли, и в котором следует видеть предшественника настоящего вексельного жиро.

Кто были те «генуэзцы», с которыми мы сталкиваемся в XVI в. в различных местах, особенно на знаменитых ярмарках в Безансоне, как с господами денежного и кредитного рынка? «Генуэзцы», которые сразу проявляют коммерческий гений и развивают до той поры неизвестные международные формы платежа? Нам известно, что старые богатые фамилии Генуи с их крупными состояниями являлись главными кредиторами испанского короля и других нуждавшихся в деньгах правителей. Мне кажется, однако, мало правдоподобным, чтобы потомки Гримальди, Спиноя, Лешара проявили тот «коммерческий гений», который наложил свой отпечаток на деятельность генуэзцев в XVI в.; чтобы старые дворянские поколения без особенного внешнего импульса шатались по ярмаркам Безансона и других мест или хотя бы с необыкновенной деловитостью посылали туда своих агентов. Не содействовали ли здесь евреи притоку свежей крови в стареющий организм генуэзской хозяйственной жизни? Во всяком случае, мы знаем, что испанские беглецы селились и в Генуе и что часть этих еврейских иммигрантов приняла христианство; другая часть нашла приют в городке Нови, недалеко от Генуи, откуда они вели сношения и со столицей. Мы знаем также, что эти пришельцы были «большой частью интеллигентные евреи, ремесленники, капиталисты, врачи» и что они в Генуе за короткий период времени (до 1550 г.) сделали в такой степени обременительными, что вызвали к себе ненависть местного населения [92,

т. 8, с. 354, т. 9, с. 328]. Но мы знаем также, что банкирские дома Генуи находились в оживленных сношениях с еврейскими (собственно говоря, тогда уже маранскими) банкирскими домами исландских городов, напр. с влиятельными банкирскими домами Севиляр и Эспинозар¹.

2. Акция

Если уместно говорить об акции тогда, когда капитал делится на несколько частей, которыми ограничивается ручательство участвующих в предприятии капиталистов, то акционерным обществом следует считать уже и генуэзских Маоп'ов XIV в., и Casa di S. Giorgio (1407), и крупные торговые компании XVII в.² Если же решающим признаком считать «овеществление» отношений капитала, тогда начала акционерного общества и акции следует искать лишь в XVIII в. Ведь прежние объединения капиталов с ограниченной ответственностью сохраняли более или менее личный характер. Итальянские Монте очень ясно проникнуты индивидуальным духом. Личность члена Маоп'а играла не меньшую роль, чем его капитал. В Banca di S. Giorgio ревностно следили за тем, чтобы участие известных фамилий в правлении бан-

¹ До сих пор, насколько мне известно, еще не был поднят вопрос о роли евреев на генуэзских ярмарках. Ответить на него тем труднее, что поселившиеся в Генуе евреи должны были сохранять в строгой тайне свое происхождение, в особенности после официального их изгнания в 1550 г. Поэтому они, как следует предположить, в большинстве случаев меняли свои имена и, как это часто бывает в таком положении, особенно выставляли напоказ свое псевдохристианство. Все же стоило бы попытаться открыть их следы. Насколько мне известно, это — единственный случай, когда в послесредневековую эпоху совершался крупный денежный и кредитный оборот без очевидного участия еврейских (т. е. маранских) элементов. Но может быть, я лишь упустил из виду имеющиеся на этот счет доказательства, тогда я буду очень благодарен за соответственное сообщение.

До сих пор всех лучше знакомит нас с генуэзскими ярмарками *Ehrenberg*. [55, т. 2, с. 222 и сл.]. *Endemann* [59, с. 156 и сл.] основывается главным образом на *Scaccia* и *Raph. de Tunis*, тогда как *Ehrenberg* кроме того пользовался, как источником, еще несколькими актами из архива Фуггеров.

² А быть может, даже и общество Paizier'ов, которому в XII в. была передана тулузская мельница du Basacle на основании акций (cechaut или saches). [98, с. 15].

ка сохранялось и соответственно делилось между ними. Но и в крупных торговых компаниях XVII в. овеществление акционерного права еще не является вполне законченным. В английской Ост-Индской компании, которая только с 1612 г. владела «joint stock'ом», т. е. акционерным капиталом (до того она образовывала как бы рамку, внутри которой отдельные члены самостоятельно вели свои дела на подобие regulated companies), участие в акционерном фонде до 1640 г. все еще обуславливалось принадлежностью к компании на правах члена. Передать пай можно было, следовательно, только члену. Только в 1650 г. становится возможной передача пая посторонним лицам, которые, однако, должны стать членами.

В других обществах передача акции (которая первоначально всегда выписывалась на неравную и нечетную сумму и, таким образом, и с этой стороны сохраняла свой индивидуальный отпечаток) зависела от согласия общего собрания, или же компании представлялось предпочтительное право покупки таких акций. Акция служила в ту пору лишь «членской квитанцией» (она пока еще не диспозитивный документ). В течение всего XVIII в. преобладает еще именная акция [см. главным образом: 157]. Но и там, где акция могла свободно продаваться (как в Ост-Индской компании в Голландии), она лишь путем бесконечно искусного и продолжительного способа переписывания могла переходить из рук в руки [210, с. 397—400].

Следы происхождения акции, как современной ценной бумаги, следует, таким образом, искать не в XIV в., а в XVIII в. Соответственно этому для разрешения вопроса об участии евреев в развитии современных акционерных отношений достаточно доказать, что они за последние 150—200 лет оказывали влияние на овеществление акционерных отношений, носивших первоначально еще сильно окрашенный личный характер. Я не в состоянии доказать непосредственное влияние этого рода. Опосредованно же евреи двояким образом долгое время содействовали овеществлению акций: своим своеобразным отношением к спекуляции и к бумаге на предъявителя, о чем мы будем говорить более подробно ниже. Спекуляция настоятельно требовала овеществления, а превращение именной акции в акцию на предъявителя представляло одно из действительных средств для процесса овеществления. Это подсказывает нам простое соображение. Но мы и в каждом отдельном случае можем доказать, что овеществление акционерных отношений непосредственно поощря-

лось интересами спекуляции. Так, ее влиянию следует, очевидно, приписать тот факт, что акции Голландско-Ост-Индской компании, первоначально выписывавшиеся на неравные и нечетные суммы, превращены были в однообразный лист акции в 3 000 флоринов¹.

3. Банкноты

Когда первая «банковая ассигнация» узрела свет, вопрос очень спорный и останется таким, по-видимому, еще очень долго не только потому, что постоянно открываются новые источники, а главным образом потому, что исследователи расходятся в установлении существенных признаков банковской ассигнации.

Так, одни (*Goldschmidt*) считают уже *fedi di deposito* первыми банковыми ассигнациями, другие (*Naase*) — *fedi di credito*, третьи (*Rogers*) — английские *Goldsmith Notes*, четвертые (*Salvioni u др.*) — билеты английского банка, пятые (*Roscher*) — чеки, выданные стокгольмским банком в 1661 г. для избежания транспорта медных денег.

Если и здесь решающим моментом развития считать, — как я это делаю, — «овеществление» банковыми ассигнациями удостоверенного долгового отношения, то о новом типе ценных бумаг можно будет говорить, только начиная с того момента, когда банкир впервые выставил письменное обязательство платежа, гласившее на предъявителя, без ссылки на наличное депо. И раньше существовали уже банковые билеты. Но они были основаны на долге и гласили на известное имя. Именной владелец фигурировал в билете как кредитор банка; по его указанию или распоряжению, банк должен был платить по банковым билетам или же принимать их неплатеж. Так, *Ansaldus* в своем «*Discursus generalis*» № 166 и сл. особенно подробно описывает билеты Святого Духа, выпущенные римским государством [59, т. 1, с. 457 и сл.]. Здесь еще ясно виден индивидуальный характер банкового билета, который, по-видимому, сохранился, напр., в депозитных билетах с ордерной формулой, — как они встречаются в 1422 г. в Палермо, и даже в депозитных билетах Болоньи от 1606 г. с формулой квалификации владельца [84, с. 322].

¹ К этому результату, по крайней мере, приходит *Sayous André E.* [223, с. 621 и сл., 625].

Где и когда была перерезана пуповина, связывавшая банковый билет с банковым депо? На основании имеющихся у нас до сих пор «источников» мне кажется наиболее вероятным, что акт рождения безличного банкового билета совершился в Венеции, приблизительно в начале XV в., ибо там мы в это время сталкиваемся с письменными обязательствами платежа со стороны банков, переходящими за пределы наличного дела, а в 1421 г. — даже с запретом сената торговать такими обязательствами¹. Не были ли отцами этой первой безличной банковской ассигнации те два еврея, которым, как утверждают, впервые дано было в 1400 г. разрешение основать банк «в собственном смысле этого слова» (успех этого банка был так велик, что аристократия поспешила последовать этому примеру)²?

Вероятно, и в данном случае в единичной фирме нельзя видеть создательницу новой кредитной формы. И в данном случае надо предположить, что она является продуктом известных условий. Но быть может, все-таки возможно определить область или город, где она зародилась. Многое говорит за то, что местозарождение этой новой кредитной формы следует искать там, где банковое дело вообще впервые достигло своего полного развития, а это, насколько мы можем судить по имеющимся у нас сведениям, есть Венеция. Венеция же — и это есть именно то, что нас здесь интересует, — была настоящим еврейским городом. Один документ от 1152 г. гласит, что в то время в Венеции имелась еврейская колония численностью в 1300 душ³. В XV в. встречаем здесь среди главных банкирских до-

¹ Самый важный документальный материал об истории банков в Венеции все еще содержит сборник: *Lattes Elia. La liberta della banche a Venezia dal secolo XIII al XVII secondo i documenti inediti dae R. Archivio dei Fraziee.* 1869. Об этом писал: *Ferrara. Gli antichi banchi di V.* в «Nuov Antologia», voi. XVI (тот же автор приводит еще ряд документов, касающихся Sovanzos в «Archivio Veneto», voi. I (1871). *Naase E. Das venetianische Bankwesen im 14, 15 и 16 Jahrhundert* в «Jahrb. f. N. Oe». 34, 3 29 и сл. 338 и сл. Очень благодарной задачей было бы основательное исследование участия евреев в венецианских банковых делах. Но задача, несомненно, и очень трудная, так как, судя по напечатанным до сих пор источникам, евреи уже в XV в. были псевдохристианами с христианскими именами, занимали почетные должности и т. д.

² *MacLeod. Dict. of Poi. Econ.* ст. «Bank of Venice». Цит. по: 4, с. 28.

³ *Gallicioni Memorie Venete*, II, № 874 у *Греца*. Т. 6, 284.

мов множество еврейских (одним из крупнейших был банкирский дом Липманов). Лишь в 1550 г. христианские купцы Венеции, как мы знаем, заявили, что и они будут принуждены эмигрировать, если им запретят торговлю с маранами. Эти цифры не имеют, конечно, «статистической» ценности. Но они, во всяком случае, показывают, что в Венеции жило значительное число евреев, деятельность которых подтверждается еще и другими характерными показаниями. В эту же эпоху (после «изгнания»?) число евреев в Венеции приблизительно определяется в 6000 душ; у еврейских фабрикантов работает 4000 христианских рабочих [170, гл. 1, с. 9, 29]¹. Но может быть, мараны еще в Испании основали современный тип банков? Уже пора было бы получить об этом более точные данные. Ибо то, что повествует нам Сарману о «*taula de samí*» в Барселоне (1401 г.), и то, что сообщают нам новейшие историки народного хозяйства о других испанских банках [см., напр.: 33, т. 1, с. 411, т. 2, с. 497 и сл.] совершенно не удовлетворяет нас. Вполне вероятно, что евреи были главными банкирами на Пиренейском полуострове, когда против них начались преследования (в XVI в.). Но кто же мог быть раньше на их месте?

Я хочу лишь вскользь упомянуть, что евреи и в XVII в. повсюду принимали живое участие в основании «банков», особенно в основании трех известнейших банков того века: амстердамского, лондонского и гамбургского. Ввиду того, что эти банковые учреждения важны не как капиталистическо-организаторские, а как административно-организаторские акты (частный переводный банк с идеальной денежной единицей был развит уже в итальянских городах XV в.; мы, во всяком случае, встречаем его уже как готовый тип на генуэзских ярмарках), то я их и не ввожу в круг этого исследования².

¹ Цифры эти не следует считать точными; они основаны только на оценке, сделанной, впрочем, довольно образованным автором-раввином.

² Накопленный при основании амстердамского банка ОИИТ евреи применили к вскоре учрежденному (1619 г.) гамбургскому банку, в котором принимало участие 40 еврейских семей.

Но и Bank of England, по мнению его новейших историков, в существенных чертах был инспирирован евреями, переселившимися в середине столетия из Голландии [см.: 4, с. 28]. К этому убеждению нельзя не прийти, если признать за докладной запиской Sam. Lambes от 1658 г. (напечатанной в *Somera Tracts*, vol. VI) значение серьезного документа для истории

4. Частичная облигация

Понадобилось много времени, чтобы *общественная* облигация достигла той меры овеществления, какой она обладает в настоящее время. Подробные исследования, давшие нам в новейшее время возможность познать сущность государственного кредита немецких стран в XVIII в., доказывают, что до второй половины XVIII в. финансы, напр., Австрии и Саксонии носили еще совсем традиционный личный характер. В Австрии, в эпоху до Марии-Терезии, бумага на предъявителя была вообще неизвестна в общественном кредите; государственные долги носили частно-правовой характер: должником являлся монарх или известное учреждение [179, с. 34 и сл.]. Лишь заем 1761 г. представляет уже более новый тип: проценты впервые выплачиваются не по выставленной кредитором квитанции, а при отдаче приложенного к облигации процентного купона [12, с. 13].

Точно так же и в Саксонии займы до середины XVIII в. носили личную окраску: сумма долгов, ручательство, размер процентов, срок уплаты процентных денег, срок платежа — все носит индивидуальный отпечаток. Подписанные квитанции называются «камерными или податными свидетельствами». Они показывают, сколько каждому отдельному подданному из его наличности приходится должать податному правлению или палате. Эти квитанции служат главными облигациями в том смысле, что охватывают весь долг заимодавца. Соответственно этому каждое требование гласит на индивидуальную, отличную от других, сумму [40, с. 14 и сл., 55 и сл.].

Несомненно, что в это время в западных странах процесс овеществления был более (хоть и не namного) развит. В Англии в 1660 г. вводятся *ordres de gerauement* рядом с непереносными *tallies*, но решающими займами в современном смысле являются лишь займы 1693-1694 гг. [197, с. 26 и сл.] А нидерландские облигации уже в XVI в.

английского банка. Andreades видит в ней прямо зародыш идеи банка. С того времени, пишет он, как появилось сочинение, требовавшее учреждение банка (подразумевается сочинение Balthasar Gerbier от 1651г.) совершилось нечто, решившее судьбу английского банка: официальное вторичное допущение евреев Кромвелем. Я не могу признать за запиской Lambes такого «superiority» [превосходства], как это делает Andreades. Впрочем, выдающееся участие евреев в основании Bank of England подчеркивается еще и другими авторами.

были, как полагают, сплошь бумагами на предъявителя. Правда, здесь облигации еще в течение всего XVII в. носят отпечаток личного долга; еще в 1627 г. каждая облигация должна была быть написана, а текст ее в ту пору был так же мало установлен, как и сумма отдельной облигации [55, т. 2, с. 141, 299].

Принимали ли евреи участие в развитии современного типа займов? Достоверно известно лишь, что поверенными по финансовым делам Вильгельма III были евреи, что данный восточным государствам толчок к дальнейшему развитию займов исходил из Нидерландов, во всей вероятности, от голландских евреев, являвшихся в течение XVIII в. главными финансовыми деятелями Германии и Австрии. (Я еще возвращусь по другому поводу к этому вопросу.) Здесь я хочу только в общих чертах отметить, что отношения голландских евреев к европейским финансам в течение XVIII в. были, по-видимому, очень тесными и широко разветвленными. Характерным свидетельством этого факта может служить сочинение, по-видимому, малоизвестное в наших кругах (насколько мне известно, и *Dabritz* не воспользовался им в своем заслуженном труде) и на которое я по крайней мере хочу указать. Оно носит следующее длинное заглавие: *Ephraim justifié. Mémoire historique et raisonne sur l'Etat passé, présent et futur des finances de Saxe. Avec le parallèle de l'Oeconomie prussienne et de l'Oeconomie Saxonne. Ouvrage utile aux Créanciers et Correspondens, aux Amis et aux Ennemis de la Prusse et de la Saxe. Adressé par le Tuif Ephraim de Berlin à son Cousin Manassés d'Amsterdam. Erlangen. A L'enseigne de «Tout est dit.»*, 1758.

История частных облигаций нам еще менее знакома, чем история общественных облигаций. По-видимому, облигации голландской Ост-Индской компании (которые, в противоположность акциям, с самого начала гласили на круглую сумму) были в своем роде первыми. В учрежденных Джоном Ло обществах мы тоже находим вид облигации, — поскольку там существовало постановление, согласно которому владельцы акций до тех пор должны довольствоваться твердо установленными процентами (т. е. не претендовать на дивиденды), пока они не подписались на известный (довольно высокий) минимум акций. Но институт частичной облигации начал развиваться, собственно говоря, лишь в новейшее время, с тех пор как акционерные общества стали сильно размножаться. Я поэтому о непосредственном участии евреев в их развитии ничего определенного сказать не могу.

Но зато кажется очень правдоподобным, что евреи являются отцами частной облигации «высшего порядка», а именно того типа, который я характеризовал как *коллективную* частичную облигацию и который нашел широкое распространение в форме закладной в ипотечном кредите.

Во всех исследованиях организаций ипотечного кредита и их истории, попадавшихся мне в руки, основанный Фридрихом II в 1769 г. (1770) «Schlesische Landschaft» рассматривается, как первый институт закладных на недвижимое имущество. Как известно, «побуждение к этому исходило от одного берлинского купца по имени Butring (или Buring) в 1767 г.». Ипотечные банки будто бы представляли собою не что иное, как введение принципа *наживы* в первоначально товарищеские отношения при закладных на недвижимое имущество.

Эта историческая конструкция *неправильна*. Закладная, как и ипотечный банк возникли в XVIII в. в Голландии. Отцами их, по всей вероятности, были голландские евреи. До нас дошли сведения, что приблизительно с середины XVIII в. голландские банкиры доставляли деньги плантаторам а колониях посредством выдачи процентных облигаций на предъявителя, принимая в залог недвижимое имущество плантаторов. Эти облигации циркулировали на бирже, как «общественные облигации». Купцы (банкиры), занимавшиеся этим делом, назывались «correspondentie» или «Directeurs van de negotiatie», по-французски «correspondants», «négociants charges de la correspondance»; закладные назывались «obligatie» или «obligations». Это были, по-видимому, *частные* банкиры, которые занимались делами вроде наших современных ипотечных банков. Такого рода закладные находились в обращении на сотни миллионов, пока наконец (в 70-х годах XVIII в.) не разразился крах банковских домов, выпустивших облигации в обращение. (Этот крах произошел, между прочим, по тем же самым причинам, по которым и в настоящее время лопаются наши ипотечные банки, главным образом, вследствие слишком большого обременения долгами земельных участков.) Но это сюда не относится; здесь дело идет о том, чтобы доказать, что закладная на недвижимое имущество и ипотечный банк процветали уже в Голландии в XVIII в. Я позаимствовал этот важный факт у *Luzaс*, который представляет в этом отношении вполне надежный источник. *Luzaс* в нескольких местах говорит о банкротстве ипотеч-

ных банков, и одно из мест, касающихся этого вопроса, я хочу передать здесь дословно. Оно гласит [169, т. 2, с. 200]':

«Выдумали средство собрать деньги для колонистов посредством общих сделок, в коих могли участвовать все желающие. Ссуды выдавались под расписки или обязательства, выписывавшиеся на имя одного предпринимателя, являвшегося директором, почти точно так же, как это делается в займах, заключаемых государями и общественными учреждениями. Этот предприниматель был обязан, в качестве директора, принимать колониальные продукты, которые колонисты обязывались доставлять ему и расходовать на свои нужды. Обязательства же заключались в виде закладных, составлявшихся колонистами на имя собственников облигации и передававшихся директору. Для придания большого веса таким сделкам к участию в них привлекали двух или трех известных лиц, называвшихся комиссарами, которые, в качестве представителей кредиторов, были обязаны блюсти интересы последних. Впрочем, на директоров лежит долг давать означенным комиссарам ежегодные отчеты о ведении им дела и об общем положении всей операции. Нельзя отрицать, что идея — заинтересовать таким путем все население в участи колоний, доставить состоятельным лицам возможность поместить свои капиталы, а колонистам получать ссуды — была очень удачной, потому она и имела успех. Обязательства колонистов о. Суринама были так же в ходу, как всякие другие ценные бумаги: они вошли в общую массу предметов торговли и составляли, вместе с обязательствами других колоний, сумму в почти 100 млн флоринов. Утверждают, что общее количество ссуд, полученных таким путем колонистами о. Суринама, достигало суммы в 60 млн, а полученных другими колониями в 40 млн. Трудно представить себе, с какой легкостью совершались эти операции, но именно эта легкость привела вскоре к тому, что они потерпели крах и ими злоупотребили, уверяют, что собственники плантации нашли средство повысить оценку обязательств зна-

¹ Другое место, касающееся этого вопроса, находится в 169, томе I, р. 366 и сл. В голландском издании от 1781 г. изложение в существенных чертах совпадает с французским; оно лишь в некоторых местах отличается большей подробностью (т. 2, с. 307 и сл.). Кроме личного опыта, который служил для него, вероятно, главным источником, Luzac пользовался еще книгой *Fermín. Tableau de Surinam, 1778*. Но труд последнего не содержит больше материала, чем труд самого *Ltizac'a*.

чительно выше их настоящей цены; выдавая эти ложные оценки за подлинные, они получали ссуды, на много превосходившие истинную стоимость плантации, между тем как ссуды не должны были составлять больше $\frac{5}{8}$ этой стоимости».

Ни в одном из попадавшихся мне на глаза сочинений нет ясного указания на то, что описанные здесь спекуляции исходили от еврейских банкиров. Но этот факт несомненен для всякого, кто хоть мало-мальски знаком с кредитными и денежными отношениями в Голландии в XVIII в. Мы знаем, — и я еще приведу доказательство этому, — что в ту пору вес, что имело хоть малейшее отношение к кредитному делу, главным образом, к бирже и спекуляции, было проникнуто еврейским духом. К этому вполне вескому доводу общего характера присоединяется, в частности, еще то, заслуживающее особенного внимания, обстоятельство, что упомянутые дела ипотечного кредита велись преимущественно с колонией Суринам. Из 100 млн гульденов, выданных в форме закладных, на долю Суринама приходилось 60 млн. Суринам же был, как мы в этом уже убедились раньше, еврейской колонией *par excellence* [франц. по преимуществу]. Не подлежит сомнению, что эти кредитные отношения именно между Суринамом и метрополией поддерживались никем иным, как евреями.

Вот все те «подлинные» доказательства, которые я нашел касательно участия евреев в развитии современных ценных бумаг. Они имеют, конечно, много пробелов, заполнить которые предстоит будущим исследованиям. Я все же полагаю, что и теперь уже общее впечатление может быть лишь то, что в овеществлении кредитных отношений евреи принимали весьма деятельное участие. Это впечатление значительно усилится, если принять во внимание, что тот институт, который, собственно, вызвал или, по крайней мере, сделал возможным и существенно ускорил процесс овеществления, по всей вероятности, еврейского происхождения. Я имею в виду *юридическую форму* бумаги на предъявителя.

Не подлежит сомнению, что тенденция кредитных отношений к овеществлению находит свое чистое выражение лишь в бумаге на предъявителя. Только в такой бумаге принцип обязательности совершенно освобождается от личного начала; только в ней путем письменной отметки окончательно устанавливается отделение юридической функции. Бумага на предъявителя означает, по выражению одного

остроумного ученого, «освобождение человеческого духа от непосредственных природных отношений (*oratio, verba*)» [152, с. 48]¹, и именно поэтому она служит годным средством для овеществления, «обезличения» обязательственных отношений. Для юриста самое важное значение бумаги на предъявителя, естественно, заключается в присущей ей своеобразной доказательной способности, в силу которой право предъявителя остается нерушимым и не может быть оспариваемо ни первым владельцем, ни последующим за ними приобретателями бумаги. Этим также признается наличие чисто вещественных отношений. Эти юридически оформленные бумаги тем самым превращаются в «бумаги общественного доверия» (*Brunner*), в которых исчез последний след личных кредитных отношений.

Известно, что бумаги на предъявителя лишь очень медленным путем достигли этой чистой формы; известно также, что мы пока не в состоянии ясно представить себе это развитие. Во всяком случае, результаты до сих пор предпринятых исследований, поскольку они бесспорны, не исключают правильности защищаемого здесь тезиса. Последний, как мне кажется, даже подтверждается целым рядом основательных аргументов, что далеко нельзя сказать о других гипотезах.

Бумаги на предъявителя существовали в европейских странах (кроме Великобритании) уже в раннем средневековье. Уже в правовом обиходе франкского периода, а затем германского и французского средневековья, существовали заемные письма с ордерной формулой и формулой квалификации владетеля. Формула квалификации владетеля употреблялась, по-видимому, довольно часто, так как она нередко упоминается в юридических документах, а порою и в судебной практике².

¹ Этот труд еще и поныне никем не превзойден, по крайней мере что касается принципиальной обработки проблемы. С ним можно еще сравнить сочинение: *Wahl Alb. Traité théorique et pratique des titres au porteur français et étrangers* 2 tomes 1891 (ср. реферат Гольдшмита в «*Zeitschrift für das ges. H. R.*» 49, 261 и сл.). Остальные труды о бумаге на предъявителя носят более или менее монографический характер и будут указаны в свое время.

² Основанием для документального изучения истории первых бумаг на предъявителя служат еще и теперь труды: *Brunner H. Das französische Inhaberpapier*, I, 79 и *Zur Geschichte des Inhaberpapiers in Deutschland* в «*Ztschr. f. d. ges. H.R.*», т. 12, 23.

Затем наступает эпоха упадка этого института, начало которого совпадает с временем рецепции римского права. Римское право и романская юриспруденция постепенно уничтожают право бумаги на предъявителя. В конце XVI в. этот процесс разложения приходит к концу; предъявитель должен удостоверить свою личность посредством доверенности или же, — если он хочет подать в суд от собственного имени, — удостоверить передачу («cessio»). Сильное романское влияние, проявившееся под влиянием Сужа и Dumoulin во второй половине XVI в., при пересмотре *coutumes* (обычного права) и в практике, упразднило юридический институт бумаги на предъявителя, низведя ее на степень простой именной бумаги (*Branner*). Тогда «друг» всплыла на поверхность новая форма заемных писем: «*promesses en blanc*», «*billets en blanc*», в которых место, где должно было стоять имя заимодавца, оставалось незаполненным¹, т. е. бланковые бумаги; в то же время все более усовершенствовалась недосащая бумаг по ордеру.

Начиная с конца XVI в., главным же образом в XVII в., бумага на предъявителя начинает «снова» развиваться и особенно распространяется в Голландии в течение XVII в., — в государственных бумагах, в облигациях Ост-Индской компании (акции, как мы видели, были еще именные), в страховых полисах и в ломбардных квитанциях [106, с. 4 и сл., 87 и сл.]².

Из Голландии бумага на предъявителя направляет свой путь дальше: сначала в Германию, где мы встречаем ее в XVII в. в акциях бранденбургской торговой компании, а в XVIII в. — в саксонских государственных ассигнациях; затем в Австрию, где она, как мы видели, в царствование Марии-Терезии пускается в обращение финансовым управлением; позже — во Францию, где она в течение всего XVII в. и отчасти XVIII в. воспрещается законодательством; наконец, — и в Англию.

Из какой сферы правовых отношений создались бумаги на предъявителя? В каком кругу интересов они развились?

По мнению одних, бумаги на предъявителя — *греческого* происхождения. На этой гипотезе особенно настаивал Гольдшmidt [83.

¹ Brunner. Das französische Inhaberpapier, 69 и сл.

² Речь идет о ломбардных билетах, находившихся в 1614 г. в Амстердамском банке и в 1662 г. в ломбардном банке в Enkhuysen'e.

с. 352 и сл.]. Насколько мне известно, Гольдшмидт не нашел много сторонников. Против правильности его гипотезы говорят и новейшие результаты, особенно в области исследования папирусов. «Папирусы ничего не говорят о существовании долговых расписок, подобных нашим векселям. Мы не встречаем также ордеров и бумаг на предъявителя. Наше воззрение подтверждается сравнением с греческим документом Orchomenos'a и Amorges'a, сохранившимся в записи. Подтверждается оно также и фрагментом одного гортинского закона», — вот что говорит новейший труд из области исследования истории греческого права [71, с. 26 и сл. Ср. цитированные нами труды Lipsius [166, с. 19] и Wenger [249, с. 40]. Если мы даже допустим, что существование бумаги на предъявителя в греческом праве «спорно» (приводимые Гольдшмитом места допускают значительные сомнения), то и тогда, как это делает Бруннер [21, с. 604 и сл.], против гипотезы о происхождении современной бумаги на предъявителя из аналогичных бумаг в Греции следует возразить, что между греческими и франкскими кредитными документами лежит промежуток в 800 лет и что между ними нет никакой историко-юридической связи.

В противоположность этому, другое мнение (пожалуй, господствующее, в особенности со времени исследований Бруннера), полагает, что современные бумаги на предъявителя служат непосредственным продолжением немецких долговых расписок с формулой квалификации владельца, которыми, как мы видели, изобиливали уже средние века. Но многое говорит против правильности и этого мнения. Между кредитными документами средних веков и таковыми же XVII в. едва ли существует его непрерывная связь; ведь мы видели уже, что римское право до основания уничтожило старые долговые расписки германского происхождения. Но самые серьезные сомнения всегда вызывало во мне то обстоятельство, что между старыми и современными бумагами на предъявителя нет ни малейшей внутренней связи по существу. Конечно: «qui dabit hanc artam» есть дословный латинский перевод фразы: «предъявителю этой банковской ассигнации». Но есть что-то комичное в представлении, будто XIII в. переполнен «бумагами на предъявителя» в современном смысле этого слова. Я вернусь еще к основному понятию германского договорного права, совершенно противоположному сущности современной бумаги на предъявителя. Здесь я хочу лишь указать на то (и заслуга

Бруннера состоит в том, что он неопровержимо доказал этот факт), что значение формулы квалификации владельца или ордерной формулы в старом германском праве точно установлено: она имела целью возместить недостаточную оформленность и реализованность требования, сделать возможным процессуальное замещение кредитора¹, — мысль, очевидно, не имеющая ничего общего с идеей овеществления кредитного отношения, лежащей в основе современных бумаг на предъявителя.

Ввиду того обстоятельства, что это господствующее мнение, по меньшей мере, не вполне бесспорно, следует допустить и третью гипотезу, которая, насколько мне известно, до сих пор мимоходом была высказана одним лишь Kuntze, в нескольких словах была отвергнута *Goldschmidt*om [Ztschr. f. Rechtsgesch. 10, с. 365], *Sa/violi* [218, с. 280 и сл.] и др., но которую до сих пор никто не решился серьезно обосновать, именно ту гипотезу, что современная бумага на предъявителя — по преимуществу еврейско-правового происхождения.

Возможность такого вывода не подлежит никакому сомнению, если вспомнить, что современная «скриптурная облигация» имеет свои главные корни в обычном праве. Форма долговой записи, часто практиковавшаяся в купеческих кругах, сильно пропитанных еврейскими элементами, легко могла быть признана сначала в судебной практике, а затем в уставном кодексе, скажем, нидерландских городов (об обычном уставе Антверпена от 1582 г., имевшем серьезное значение, я буду говорить ниже).

Спрашивается еще, насколько вероятно происхождение современной бумаги на предъявителя из талмудическо-раввинского права. Я приведу здесь те доводы, которые, по моему мнению, говорят за эту вероятность [см.: с. 6, с. 270 и сл.]¹.

1. Библии и Талмуду известна бумага на предъявителя, и притом в форме совершенно неопровержимой.

Соответственное место в Библии находится у Товита и гласит:

¹ *Brunner Franz*. Inhaberpapier. С. 28 и сл., 57 и сл. и «Ztschr. f. d. g. H. R.», 23, с. 234.

² Другие места из раввинской литературы приведены еще у: *Fasse! Hirsch B.* Das mosaisch-rabbinsche Civilrecht II Bd. 3 Teil (1854) § 1390. *Frankel*. Der Gerichtliche Beweis nach mosaischem Recht. (1846), особ. с. 386. *Saalschutz*. Mos. Recht II, (1848), 862, № 1086.

4,20. «Теперь я открою тебе, что я отдал десять талантов серебра на сохранение Гаваилу, сыну Гавриеву, в Рагах Мидийских...

5,1. «И сказал Товия в ответ ему: отец мой, я исполню все, что ты завещаешь мне;

5,3. «Тогда отец дал ему расписку и сказал: найди себе человека, который сопутствовал бы тебе; я дам ему плату, пока еще жив, и ступайте за серебром».

4,1. «И позвал Товия Рафаила и сказал ему:...сходи в Раги Мидийские к Гаваилу и принеси мне серебро».

9,5. «И пошел Рафаил и остановился у Гаваила и отдал ему расписку; а тот принес мешки за печатями и передал ему».

Наиболее известное место в Талмуде (Бабе батра, с. 172) гласит: «Однажды на судебном заседании рабби Гонасу была представлена записка, в которой говорилось: Я х, сын х, одолжил у тебя мину. И решил рабби Гонас: у тебя и у Эксилонха, у тебя и у короля Санора».

Гольдшмидт делает к этому следующее примечание: «т. е. обладатель долговой записки не может доказать, что он — займодавец, и ему поэтому не следует платить».

Это примечание извращает фактическое положение дела. Не понятно, каким путем Гольдшмидт дошел до этого толкования, противоречащего всей талмудическо-раввинской юриспруденции. Ведь раввинам в течение всего средневековья, несомненно, была знакома юридическая форма бумаги на предъявителя, которую они выводили из цитированного места Талмуда. Здесь я касаюсь одного пункта, который я привожу, как второй аргумент правильности моей гипотезы.

2. Несомненна непрерывность юридического развития еврейской бумаги на предъявителя. В пользу этого говорит, как непрерывная коммерческая практика евреев, так и непрерывная талмудическая экзегетика. Первая не нуждается в особом обосновании, а в доказательство последнего ссылаюсь на следующих рабби, которые занимались исследованием сущности бумаги на предъявителя и, без сомнения, толковали цитированное выше место Талмуда в смысле жизненного права.

Назову прежде всего *рабби Ашера* (1250-1327), значение которого для практической жизни всем известно и который в ЯеБр. 68, б и 68, 8 говорит о бумаге на предъявителя: «Если кто-нибудь обяза-

ется двум и замечает в оговорке: «из этих двух долг уплачивается обладателю долговой расписки», то следует платить только этому, так как такой «штар» и есть бумага на предъявителя (Resp. 68, 6). Далее *Рабби Иосиф Каро* (XVI в.) в «Хошен Мишпат» 71, 23. Наконец, *Рабби Шабатаи Коген* (XVII в.) в «Шах» (комментарий Шифа Когена к Х. М.) 50, 7; 71, 54.

3. Быть может, совершенно независимо от талмудическо-раввинского права евреи развили в своей деловой практике ценную бумагу, превосходившую по «безличности» все предшествовавшие и все последующие долговые расписки: *мамре* (мамрам, мамран)¹. Мамре, как сообщают, возникло в течение XVI в. (или еще раньше среди польского еврейства. Это был бланковый документ; место, на котором должно было быть написано имя заимодавца (иногда даже сумма долга), оставлялось незаполненным, и бумага пускалась в обращение. Показания законоведов, отчасти и судебные решения не оставляют сомнения в том, что мамре в течение трех столетий было излюбленной деловой бумагой, которая применялась и в сношениях между евреями и христианами. Самым важным является то обстоятельство, что мамре соединяет в себе уже все юридические признаки вполне развитой современной бумаги на предъявителя, а именно:

- а) владелец действует от собственного имени;
- б) оспаривания, вытекающие из личных отношений должника к предшествовавшим владельцам, недопустимы;
- в) должник не может требовать удостоверения о переуступке («cessio») или индоссаменты;
- д) если должник заплатил без предъявления мамре, он этим от долга не освобождается;
- е) нынешние формы объявления недействительности бумаги применялись уже и тогда (в случае пропажи или кражи обладатель бумаги уведомляет об этом должника; в синагогах четыре недели подряд вывешивается заявление, в котором последний обладатель приглашается дать о себе знать; по истечении этого срока объявитель предъявляет свое требование).

¹ «О мамре» см.: *L'Esioeq Lud. Exrcitatio de indole et jure instrumenti Judaecis usitati cui nomen «Mamre» est.* 1755. § VII и сл. в «J. M. G.». *Beseke*, Thes. jur. camb. P. II, (1783), S. 1169 и сл., особенно 1176 и сл. *Bloch Ph.* Der Mamran der jüdisch-polnische Wechselbrief. Оттиск из «Festschrift zum 70 Geburtstag A. Berliners», 1903.

4. В некоторых важных пунктах можно доказать и внешнее влияние еврейских элементов на развитие права. Я имею в виду преимущественно следующее:

а) в XVI в. в различных местах Европы «вдруг» (никто не знает откуда) всплыли бланковые бумаги. Не исходили ли они из среды еврейских купцов, которые, вероятно, уже с давних пор употребляли их в дело на подобие мамре? Мы встречаем их в Нидерландах [55, т. 2, с. 141J, во Франции [22, с. 69 и сл.], в Италии [224, с. 121 и сл.]. В Нидерландах они всплывают в начале XVI в. на антверпенских ярмарках, когда евреи начали там проявлять оживленную деятельность. В указе Карла V от 1536 г. ясно говорится, что товары продавались на ярмарках в Антверпене по долговым распискам на предъявителя; ими можно было до платежного срока без особой переуступки уплачивать третьему лицу. Форма изложения текста доказывает, что этот обычай платить долговыми расписками укоренился с недавнего времени. Указ, впрочем, объявил эти долговые расписки на предъявителя формальной облигацией, наподобие векселя. Что это были за странные бумаги? Не христианизированные ли мамре? Еще более еврейский отпечаток несут бланковые бумаги, которые встречаются в Италии в XVII в. Я имею в виду первый известный нам бланко-индоссамент, выставленный еврейской меняльной конторой Guidetti в Милане. Меняльщики Guidetti в Милане выставили вексель на 500 Scadi, подлежащий уплате loh. Bapt. Germanus'ом к следующему базарному дню в Нови all'ordine senza procura die Marco Studendolo в Венеции. Валютная формула гласила per la valuta conta [за наличные]. Studendolus переслал вексель братьям de Zagnoni в Болонье, и именно: «cum subscriptione ipsius Studendoli relicto spatio sufficient in albo ad finem illud replendo pro ca girata et ad favorem illius cui Zagnoni salutionem fieri maluissent».

Автор, сообщая этот случай, замечает: «Итальянские торговые сношения вряд ли пришли бы к этому модусу, если бы они не имели перед собой примера где-либо в других местах». А такой пример давало им французское право, где бланковые бумаги с начала XVII в. находились в широком обращении». Первое положение, пожалуй, правильно, но второе вызывает вопрос: «Откуда пришел этот способ во Францию? Не из Нидерландов ли? Впрочем, и в Италии маранское влияние могло сказаться непосредственно. Studendolo (?) в Венеции! Guidetti в Милане!

б) Решающим моментом в развитии права современной бумаги на предъявителя является антверпенский «*couitme*» от 1582 г., в котором за обладателем впервые признается право иска¹. Из Антверпена это правовое воззрение быстро распространяется далее на Голландию, — приблизительно с той же быстротой, с какой эмигрировавшие из Бельгии в Голландию семьи распространяются в новой стране [106, с. 86 и сл.],

с) В Германию (как уже было упомянуто) бумаги на предъявителя проникли в управление государственными долгами из Саксонии. Здесь разрешенный сеймом заем от 1748 г. в первый раз был основан на бумагах на предъявителя. В мотивах сказано: «Так как сделанные до сих пор наблюдения доказали, что учреждение податных свидетельств на основе бумаг на предъявителя сократило в пользу кредита и кредиторов всю сложную судебную процедуру, то пусть и впредь так останется». В 1747 г. известный авантюрист Bishopfield предложил министру план «неготиации пожизненной и фамильной ренты». Bishopfield, по-видимому, находился в сношениях с голландскими евреями» [40, с. 63 и сл.]. Указ от 20 сентября 1751 г. был направлен против спекуляций голландских евреев саксонскими государственными бумагами. И в то время как, с одной стороны, голландские евреи влияли на финансовую систему Саксонии, с другой стороны, проявлялось влияние польских «евреев благодаря связи саксонского княжеского дома с Польшей. Это несомненное содействие еврейских финансистов и купцов при упомянутых нововведениях вызвало у Kuntze предположение, «что (для применения бумаг на предъявителя) образцом служило пользование *mathe*» [152, с. 85 и сл.].

д) К первым бумагам, в коих в новейшее время снова начала употребляться формула квалификации владельца, принадлежали полисы морского страхования «*quas vocant caricamenti*». Достоверно известно, что *еврейские купцы* из Александрии впервые ввели в употребление формулы «*o quai si voglia altera persona*», «*et quaevis alia persona*», «*vive quamlibet aliam personam*», т. е. бумага на предъявителя [234].

Этот факт представляется мне важным и с другой точки зрения, так как он выясняет нам причины, побудившие «еврейских купцов

¹ О модернизации бельгийско-голландского обычного права лучше всего: Hecht F. *Gesch. d. Inh. Pap. in den Niederlanden*, 44 и сл. Kuntze Ф. *Zur Geschichte der Staatspapiere auf Inhaber* // «*Ztschr. für ges. H. R.*», 5, 198 и сл. и. Euler, там же, 1, 64.

из Александрии» прибегнуть к юридической форме бумаг на предъявителя. И тут я касаюсь пункта, которому придаю громадное значение. Важнее всех доказательств внешней, видимой связи между евреями и бумагой на предъявителя (число которых, наверное, можно было бы умножить), по-моему, является то обстоятельство, что мы по веским *внутренним* причинам должны признать за бумагами на предъявителя еврейское происхождение. Ибо, как бы старомодно ни было это воззрение, я все-таки имею смелость энергично настаивать на том, что малейшая логичность какого-нибудь явления значит для меня столько же, сколько доказательства «по источникам», основанным на тысяче документов.

Внутренние же причины, убедительно доказывающие происхождение современных бумаг на предъявителя из еврейского права (или еврейской практики), суть следующие:

5. Высокая степень *заинтересованности*, а в некоторых отношениях и *исключительная заинтересованность* евреев в юридической форме бумаги на предъявителя.

Ведь что заставляло «еврейских купцов из Александрии» включать в свои полисы формулу квалификации владельца? Straccha [234] сообщает нам об этом: то обстоятельство, что они боялись за корабельные грузы. Дело в том, что последние находились в постоянной опасности быть перехваченными христианскими пиратами, судохозяином и преемником католической королевской крепости, которые смотрели на товары евреев и турок как на вольную добычу. «Еврейские купцы из Александрии» вставляли поэтому в свои полисы любое выдуманное христианское имя, например Павел или Сципион, и все-таки получали свои товары, благодаря формуле квалификации владельца.

А как часто в течение всего средневековья и еще и в новое время у евреев играл роль мотив необходимости какими-нибудь мероприятиями скрыть тот факт, что они, собственно, получатели товара, долга и т. п. Тут-то бумага на предъявителя представляла удобное средство для сохранения тайны. Бумаги на предъявителя давали возможность скрывать имущество до тех пор, пока не проносилась мимо волна преследования евреев. Бумаги на предъявителя давали им возможность помещать свои деньги, где угодно, и в момент опасности вынимать их через какое-нибудь подставное лицо или перевести требование на третье лицо, не оставляя ни малейшего следа прежнего владения. (Этим, между прочим, до известной степени, объясняет-

ся и тот почти непостижимый факт, что евреи, несмотря на постоянную конфискацию «всего их имущества» в течение средних веков, в короткое время снова становились богачами; дело именно в том, что у них никогда и не отбирали *всего* их имущества, ибо значительная его часть значилась всегда за фиктивным владельцем.) По-моему, вполне справедливо указывалось на то [246, с. 15, 84], что эти цели укрывательства, и собственно только они, действительно, нуждались в *чистой* форме бумаг на предъявителя, тогда как все остальные цели, с которыми в средние века связывали формулу квалификации владельца (главным образом, облегчение заместительства перед судом), с тем же, если не с большим успехом, могли быть достигнуты альтернативной формулой квалификации владельца.

Развитие бумаги на предъявителя (или, вернее, ее распространение, ибо она уже издавна существовала в кругу самих евреев) приобретает для евреев существенный интерес с того момента, когда они (как мы это еще точнее проследим ниже) начали развивать нечто вроде биржевых спекуляций товарами и ценными бумагами.

В какой изощренной форме уже в XVII в. пользовались бумагой на предъявителя для срочных сделок, доказывает один амстердамский отзыв от 1670 г. Дело идет о спекуляции *à la hausse* китовым усом, причем спекулянт старался взыскать деньги путем замены себя фиктивными лицами [106, с. 37].

Далее спекулятивная торговля ценными бумагами, естественно, должна была также чрезвычайно благоприятствовать введению бумаги на предъявителя. Особенно с тех пор, как евреи начали заниматься профессиональным выпуском ценных бумаг, они должны были направить все свои помыслы на распространение бумаги на предъявителя. Совершенно ясно, что помышление небольших кредитных сумм среди большого числа лиц, — в особенности, когда дело шло в общественных облигациях, — было совершенно невозможно без облегчений и упрощений, доставляемых бумагой на предъявителя. Поэтому вполне справедливо приводят в причинную связь эти два явления: развитие профессиональной эмиссионной деятельности, с одной стороны, и развитие бумаг на предъявителя — с другой [см., напр.: 13, с. 167исл.].

Насколько деловой интерес или, точнее, стремление способствовать и облегчать биржевую торговлю ценными бумагами обуславливало у евреев развитие и употребление бумаг на предъявителя, мы видим также из суждений раввинов. Так, одно очень поучительное место у рабби *Шабтая Когена* [Шах, 50, 7] гласит следующее:

«Покупатель бумаги на предъявителя имеет право требовать от должника вознаграждение убытков, если должник платил по рукописной квитанции или даже совсем без таковой, так что платеж не был публичным, т. е. если он платил, чтобы не повредить торговли, такими бумагами. Если рабби Ашер и его единомышленники считают неприменимым к штарту все распоряжения, сделанные вообще раввинами для развития торговли (!), потому что торговля долговыми расписками, вследствие трудности их передачи, не может быть очень широка, то эти авторы стоят на стороне штарт (т. е. рукописных расписок), как подлинных бумаг; что же касается бумаг на предъявителя, оборот которых в настоящее время — т. е. в XVII в. — значительно превышает оборот движимого имущества, то следует, наоборот, соблюдать все предписания раввинов, касающиеся распространения торговли.

Тут я снова касаюсь нового пункта, подчеркнуть который, по моему мнению, очень важно.

Мне кажется, что в этих словах рабби слышится вполне в определенном «духе», говорит ясно осязаемая «юридическая воля», и я полагаю, что это суждение не единственное в своем роде. Обозревая еврейское право бумаги на предъявителя в его целом и стремясь достигнуть его своеобразности, мы, несомненно, заметим (и этим я указываю на самый веский довод, говорящий за правильность моей гипотезы), что

б. идею бумаги на предъявителя можно без натяжки вывести из внутренней сущности, из «духа еврейского права»; что юридическая форма бумаги на предъявителя так же соответствует еврейскому праву, как она по своей внутренней природе должна быть чужда римскому и германскому праву, потому что она устанавливает безличное долговое отношение.

Известно, что специфическое понимание облигации в римском праве носило вполне личную окраску; «obligation» была связью между субъектами и, вследствие этого, между вполне определенными личностями. Главным ее условием было, что два или несколько лиц «ex diversis animi motibus in unum consentiunt id est in unum slutentiam decurrunt» [Ulp. L. 1, § 3 D. de part. 2, 14).

Следствием такого понимания было то, что займодавец, собственно, не мог вообще перенести свое требование на третье лицо или же мог сделать это при очень трудных условиях.

Если благодаря развитию учения о делегации, новации и цессии в позднейшем римском праве перенесение требования на третье лицо и облегчилось, то этим личный характер облигации по внутренней своей сущности несколько не изменился. Раньше всего долговая расписка сохранила свой первоначальный характер второстепенного доказательства. Вопреки ей можно было заявить различного рода протесты против вытекавшего из нее обязательства платежа, — протесты, имевшие свое начало в личных отношениях к первому кредитору или к одному из его преемников.

Но такой же ярко выраженный личный характер носило и германское договорное право. До известной степени этот характер проявлялся в нем даже еще ярче, чем в римском праве. Основным принципом германского права заключался в том, что должник обязан был платить только тому, кому он обещал. Требование нельзя было перенести на третье лицо (точно так же и английское право до 1873 г. придерживалось принципа непереносимости требования).

Только после рецепции римского права переносимость требования проникает и в Германию. И именно вследствие этого твердо установившегося личного характера пользуются (как мы видели) уловкой ордерной формулы и формулы квалификации владельцев, чтобы обойти недостаточную переносимость требований. Из этого, как мне кажется, вполне очевидно, что бумага на предъявителя, как «воплощение» чисто безличного кредитного отношения, лежала всецело вне круга идей германского права; как раз наличие формулы квалификации владельца доказывает это.

Правовая идея, лежащая в основании современных бумаг по ордеру, бумага на предъявителя и бланковых бумаг и заключающаяся в том, «что документ и в руках каждого последующего, ко времени выдачи бумаги еще совершенно неизвестного, владельца является носителем удостоверенного права», — эта идея «не была развита ни в древности, ни в средних веках»¹.

¹ С чем, наконец, согласился и *ОоШсттI<И* (несмотря на свое пристрастие открывать в далеком прошлом современные институты; у него то и дело ждешь «документального» доказательства, что в свайных постройках найдлись чековые книжки, а в неандертальских черепах банковые ассигнации. Это, впрочем, излюбленный спорт всех «историков», каковым Гольдшмидт все-таки не был) [см.: 84, с. 398].

Этот взгляд, несомненно, верен, если допустить одно ограничение, а именно не принять в соображение еврейского права. Ибо совсем не трудно доказать, что еврейскому праву было знакомо выраженное в современной бумаге на предъявителя «вещественное» кредитное отношение¹.

Основная идея еврейского облигационного права состоит в том, что существуют обязательства и по отношению к неизвестным лицам; можно заключать сделки и с господином X. Эта основная мысль отражается следующим образом в отдельных учениях.

Еврейское право не имеет названия для облигации; оно знает только долг (*shaw*) и требование (*thewia*). Требование и долг рассматриваются в еврейском праве как самостоятельные предметы. Очень характерным доказательством юридической тождественности требования и обязательства самих по себе с материальным предметом служит создание искового права посредством символа приобретения. Само собой понятно, что, соответственно этому, ни перенесение требования, ни замещение при заключении договора не встречают законных препятствий. Личность, по отношению к которой существует требование или обязательство, сама по себе не нуждается в определении; она определяется как обладающая известными предметами или свойствами; обладание это, имеющее целью обосновать требование или обязательство по отношению к предмету или свойству, должно быть приведено в прямое отношение к владельцу этих предметов или свойств для сохранения личного характера обязательственного отношения.

¹ Об этом см. главным образом: *Auerbach L.* Das judische Obligationenrecht. I, (1871), 163 и сл., 251 и сл., 513 и сл. Этот, к сожалению, незаконченный труд чрезвычайно интересно написан и не заслуживает того забвения, которому он предан. Это самое остроумное изложение талмудическо-раввинского права, принципиальную своеобразность которого оно разрабатывает с большой пронизательностью и пониманием дела. Ср. также менее значительный труд: *Saalschutz.* Mosaisches Recht, 2 тома, 1848. *Fasset H.B.* Das mosaisch-rabbinische Zivilrecht, 2 тома, 1852, 1854. *Rabbi now icz J. F. M.* Legislation civile du Talmud; том III (1878) содержит облигационное право. О процессуальном праве: *Frankel.* Der gerichtliche Beweis nach mosaischem Recht., 1848. Недавно *Kohler J.* в «Ztschr. f. vergl. Rechtswiss», том 20 (1908) с. 161—264 дал изложение талмудического права на основании перевода Гольдшмидта (оно появилось и отдельной брошюрой); об этом см.: *Aptovitzer V.* в MGWJ. 1908, с. 37-56.

Обязательственное правовое отношение хотя и исходит от субъектов, но распадается, с момента своего зарождения, на свои два фактора: требование и обязательство (см. вышеизложенное); оно превращается в абсолютную, самодовлеющую, отделенную от всякой индивидуальности субстанцию, силы и свойства которой проявляются в действиях любой личности. Отсюда и вытекает тот взгляд, что обязательство может существовать не только по отношению к определенным личностям, но и по отношению к совокупности всех людей, по отношению к коллективу. Соответственно этому перенесение облигации происходит путем одной только передачи бумаги, так как заключенная с публикой посредством бумаги сделка имеет такое же отношение к цессионеру (переуступщику), как и к цеденту (перенимателю). Обладатель бумаги является, таким образом, как бы членом совокупности кредиторов (это — юридическая конструкция Ауэрбаха). На основании еврейского права мы, значит, не обязаны (выражая ту же мысль иными словами) представлять себе определенную личность под субъектом облигации. И свойства или предметы могут через посредство своих естественных представителей образовать облигацию. Воля обладателя может быть перенесена на вещь, и тем самым безжизненному предмету придается присущее юридическому субъекту проявление воли, — момент, который необязательно вытекает из природы юридического субъекта. И по отношению к бумаге на предъявителя сам предъявитель лишь постольку признается кредитором, поскольку он обладатель этой бумаги; остальная часть его личности вовсе не играет роли для доказательства долга и в обязательственном отношении. Таким образом, с перенесением бумаги займодавец, собственно, не меняется, так как и от нового обладателя в круг займодавцев входит тоже лишь, так сказать, отвлеченное понятие, а именно только та часть его индивидуальных свойств, которая характеризует его как обладателя бумаги. Юридические субъекты — это определенные свойства личностей; действующие лица сами по себе являются носителями, представителями этих юридических субъектов.

Это, без сомнения, смелая конструкция, имеющая отчасти субъективную окраску. Беспристрастное исследование приведенного Ауэрбахом материала, однако, доказывает, что основное направление еврейского права имеет куда более абстрактный характер и что оно, в резкой противоположности к римскому и древнегерманско-

му праву, проложило дорогу безличному «вещественному» пониманию правовых отношений. Предположение, что из такого «духа» должен был развиваться юридический институт, подобный *современной* бумаге на предъявителя, не кажется слишком смелым. Таким же образом ко всем внешним аргументам прибавился еще этот глубоко внутренний аргумент, а именно: совпадение отличительной сущности бумаг на предъявителя с существенными особенностями всей совокупности еврейских юридических воззрений. Это подкрепляет высказанную мною гипотезу, что правовой *институт современной* бумаги на предъявителя, в его существенных чертах, еврейского происхождения (что, конечно, не исключает и влияния других моментов).

II. Торговля ценными бумагами

1. Развитие права обращения ценностей

В современных ценных бумагах, называемых нами фондами, яснее всего выступает коммерческий характер нашей хозяйственной жизни. Фондовая бумага по внутренней своей природе предназначена для обращения. Она не выполняет своего призвания, если не служит объектом торговли, и выполняет свое назначение тем лучше, чем чаще бывает таким объектом. На это можно было бы, конечно, возразить, что очень большая часть фондов ведет преспокойное существование в денежном шкафу живущего рентами капиталиста и рассматривается своим счастливым обладателем не как объект торговли, а как орудие ренты, которое желательно сохранять, но отнюдь не продавать. Но составляя объект владения, ценная бумага в спокойном состоянии вовсе не функционирует как фонд. Для этой роли ей не нужно быть фондом; любой именной кредитный документ может оказывать те же услуги. Ее специфическая особенность заключается именно в ее легкой продажности, и только ради этого совершился кропотливый процесс овеществления. Вся своеобразность нашей хозяйственной жизни, обязанная развитию фондов, основана исключительно на подвижности последних, приспособляющей их к быстрой перемене субъектов владения. Это все вещи, которые разумеются сами собой и которых я касаюсь лишь ради общей связи.

Если же жизненное призвание фондов заключается в том, чтобы легко и без труда скользить из рук в руки, то решающее значение для развития фондов имеют все те институты, которые облегчают перемену субъектов обладания этими имущественными ценностями. К этим институтам прежде всего относится соответствующее право. Соответствующим же надлежащей цели правом может быть лишь такое, которое делает возможным быстрое возникновение новых отношений между двумя личностями или между личностью и предметом.

Если жизненные условия общества направлены к тому, чтобы каждая вещь оставалась в руках одного и того же собственника, — как, например, в обществе, организованном на началах натурального хозяйства, — то и развитие права будет исключительно направлено к тому, чтобы создать возможно более прочные отношения между личностью и предметом; наоборот: если население основывает свое существование на непрерывном приобретении новых благ, то развитие права в основе своей будет направлено на обеспечение способов обращения. Все это опять-таки вещи, которые понятны сами собой, но изложение которых вводит в сущность интересующей нас здесь проблемы.

Дело заключается именно в следующем. Наши оживленные коммерческие отношения в особенности, торговля ценными бумагами, нуждаются в таком праве владения, которое по возможности облегчало бы уничтожение старых и возникновение новых правовых отношений, следовательно, предполагают нечто совершенно противоположное тому, к чему стремились, напр., германское и римское право. Последнее всячески затрудняло переход собственности и старалось, главным образом, укреплять отношения собственности еще и тем, что давало собственнику широкое право виндикации.

В частности, на основании римского и старогерманского права собственник мог требовать обратно свое несправедливо утраченное имущество, не будучи обязан вознаградить нового, хотя бы и добросовестного, владельца.

В противоположность этому современный, почти повсюду в законодательстве действующий, принцип признает, что добросовестный приобретатель, если он вообще обязан выдать вещь прежнему собственнику, имеет право требовать от него уплаченную им за эту вещь сумму.

Спрашивается, откуда взялся этот столь чуждый прежним правовым нормам принцип нашего современного законодательства? На

это можно ответить: по всей вероятности — из сфер еврейских юридических представлений, в которых издавна действовало право, благоприятное интересам, возможно, более широкого оборота.

Защиту добросовестного приобретателя мы находим уже в Талмуде. Мишна (в В. Q. 114^b 115^a), гласит следующим образом: «Если кто-нибудь узнает свою утварь или книги во владении другого, то, в случае, если совершенная у него кража известна в городе, покупатель должен присягнуть, сколько он за это заплатил, и получить обратно свои деньги; если же нет, то он на это не имеет права, ибо можно себе представить, что он продал кому-нибудь эту вещь, а тот купил ее у другого». Таким образом, добросовестный приобретатель может, во всяком случае, требовать возмещения убытка. При известных обстоятельствах он может даже оставить вещь у себя. Гемара, правда, колеблется, но в общем и она приходит к тому заключению, что добросовестному приобретателю должна быть гарантирована «защита рынка», собственник должен ему вернуть уплаченную сумму.

Это благоприятствующее коммерческим сношениям воззрение Талмуда евреи в течение всего средневековья сохранили в своем праве, и, что важнее всего, они уже рано добились его применения в юрисдикции христианских судов. Целые столетия подряд в деле приобретения евреями недвижимого имущества применялось специальное еврейское право; оно впервые было признано в жалованной грамоте, выданной королем Генрихом IV в 1090 г. евреям города Шпейера: «Если у еврея находят украденную вещь и еврей утверждает, что он ее купил, то он должен удостоверить присягой по своему закону, за какую сумму он ее купил; если собственник заплатит ему эту сумму, то он должен возратить ему эту вещь». Это специальное еврейское право мы находим в употреблении не только в Германии, но и в других странах (во Франции уже в середине XII в.) [233, с. 242]. Оно вошло и в свод саксонских законов (Sachsenspiegel III 7, §4). По-видимому, этот важный юридический принцип достиг впоследствии общего признания новейшими кодификациями законов. *Гольдшмидт*, который сводит принцип «исключения виндикации даже краденых вещей в руках третьего лица» к влиянию еврейских правовых норм, предполагает, что влияние еврейских правовых воззрений сказалось и в торговом обычном праве [84, т. III] (хотя он, вообще, всячески старается, если не совсем отвергнуть, то, по крайней мере,

умалить значение евреев для развития торговли и торгового права. Если следовать Гольдшмиду, то можно подумать, что нет вовсе евреев!).

2. Биржа

Самой главной задачей было, конечно, создать для ценных бумаг надлежащий рынок — биржу.

Подобно тому как предназначенные для торговли предметы представляли собою овеществленные требования, так тем самым и торговля ими на бирже лишена была личной окраски. Ибо в этом заключается сущность биржи, отличающая ее от других рынков. Заключаемые на бирже сделки в существе своем не составляют продукта личной оценки и личного усмотрения, а совершаются путем кооперации многих, друг другу чуждых личностей. Недоверие, которым пользуется каждый отдельный коммерсант на основании личного знакомства, определяет, как это было раньше, его способность вступать в торговые сделки; для заключения договора достаточно общей, абстрактной оценки его кредитоспособности, *ditta di Borsa*, как очень верно подчеркивает *Эренберг*. Основанием уже не служит более индивидуальная цена, относительно которой условились два или более покупателя и продавца, а отвлеченная, из тысячи отдельных цен механически образовавшаяся, средняя цена. Сама же специфическая биржевая торговля превратилась в овеществленный, автоматизированный, лишенный всякой личной примеси процесс.

Биржу совершенно справедливо называют теперь рынком для заменяемых меновых товаров или ценностей (Вебер, Эренберг, Бернгард). «Но нужно отдать себе ясный отчет в том, что сама торговля на бирже стала «заменяемой» в переносном смысле; вернее, она овеществилась, как и объекты, на которые она простирается (ибо и установление определенной качественности товаров, являющееся предпосылкой биржевой торговли вещественными благами, есть не что иное, как обезличение товара, в котором ценят уж не его индивидуальные, а лишь общие его особенности).

Нам остается еще доказать, что рыночная операция ценными бумагами стала возможна лишь с существованием биржевой торговли. Но я хотел бы еще в нескольких словах указать на ту особенную роль, которую, по моему мнению, играет «спекуляция» в биржевой

торговли, так как здесь всякий писатель имеет свою собственную терминологию и свой собственный взгляд.

В настоящее время еще не существует общепризнанного определения понятия «спекуляция», подобного тому какое мы имеем в вышеприведенном определении биржи. Большинство авторов берет лишь общее понятие в смысле «риска и прибыли», но и в этом случае колеблется между определенной деятельностью и определенным родом сделок. Несомненно, что тут игнорируется одно явление, отчетливо выделяющееся внутри этой широкой рамы, — «спекуляция» в узком смысле этого слова. Некоторые исследователи попытались определить и это явление. Эренберг противопоставляет друг другу торговлю и спекуляцию, причем первая исчерпывается для него в использовании местных, а последняя — в использовании временных различий в ценах. Но в таком случае под понятие спекуляции подойдет, несомненно, и целый ряд таких сделок, которые, даже по купеческой терминологии, никогда и никоим образом нельзя назвать «спекуляцией». Ведь в подлинной торговле товарами почти всегда играет роль использование временных различий в ценах, — и, например, никто не назовет спекулянтom того купца, который покупает пшеницу после жатвы с тем расчетом, что она повысится весной в цене. Приведенное определение можно было бы еще допустить, если ограничить его (как это делает Макс Вебер) областью торговли обычными на бирже товарами. Но в этом случае я считал бы нужным определить это понятие еще теснее (и тем самым точнее): я противопоставляю спекуляцию подлинной сделке, разумея под первой все те купли-продажи, которые не имеют своей целью действительную доставку товаров или (как это бывает в сфере торговли фондами) приобретение процентных бумаг (сделки, *eo ipso* входящие в состав биржевого оборота и созданного им коммерческого механизма).

Во всяком случае, понятие спекуляции необходимо брать в этом более тесном смысле, когда дело идет о значении спекуляции для биржевой торговли, ибо тогда оба эти понятия противопоставляются друг другу. А эта противоположность существует лишь между реальной сделкой и сделкой на разницу (в вышеупомянутом, более широком смысле); в последней можно снова отличить, как важнейшую форму спекуляции, сделку на разницу в более тесном смысле. Она, как известно, имеет для реальной сделки значение своего рода застрельщика. В особенности же на фондовом рынке «спекуляция», несом-

ненно, усиливает торговлю спекулятивными бумагами, а также — темп и уверенность в заключении реальных сделок. (Сторонники этого взгляда аргументируют его не всегда с желательной ясностью; и, вообще, спекуляции, как образующей рынок функции, придается гораздо меньше значения, нежели ее влиянию на уравнение цен, хотя первая функция, по меньшей мере, столь же важна, а для целей настоящего исследования имеет исключительно важное значение.) Доводы в пользу приведенного взгляда в образцовой форме представила еще Tsaac de Pinto [200, 64 и сл. 67, 68. Ср. также: 98, с. 534 и сл.] (я привожу их дословно, так как всегда интересно слышать, как *впервые* были познаны и высказаны определенные истины):

1. «la facilité de vendre son fonds à terme et de donner et prendre des primes sur ce même fonds, engage d'abord beaucoup de gens à placer leur argent qui ne placeraient pas sans ces avantages»;

2. «il y a un grand nombre de gens pecunieux, tant en Angleterre qu'en Hollande, qui ne veulent pas placer définitivement leur argent dans les nouveaux fonds pour ne point encorarit les risques pendant la guerre. Mais que font-ils? Ils placent cependant pour 10, 15 ou 20 milles livres Sterling en annuités, qu'ils vendent à terme aux agioteurs, au moyen de quoi ils au gros intérêt de leur argent, sans atre sujets auxvariantes, qui sont pour le compte de l'agioteur; ce manège se continue pour des années; et cela s'est fait pour des millions... De sorte que le Jouvemement d'Aye a par ce jeu-là, balaye non scalement l'argent de cena qui vouloient de ces fonds, mais encore tout l'argent de ceux même qui n'eu vouloient pas». И далее:

«... la circulation, que le jeu procure est prodigieuse; en ne peut imaginer combien il facilité les moyens de se défaire à tout moment et à toute heure des ces fonds et cela pour des sommes considérables. C'est à cette facilité que les particuliers ont à se défaire de ces fonds, que l'Angleterre est redevable en partie de celle qu'elle a eu de faire ces énormes emprunts».

Не следует, сверх того, забывать ту тенденцию к нивелированию и единообразию фондов, благодаря которой спекуляция, несомненно, также влияет на формирование рынка и, естественно, облегчает смену владельцев отдельных бумаг, которыми тогда торговали и на срок. Я имею при этом в виду единообразие размера процентов, упразднение отдельных касс и т. д. [хорошо изложено, напр. в: 40, с. 18].

Далее следует еще констатировать, что то, что называется «профессиональной спекуляцией», лишь отчасти заслуживает этого име-

ни. Те 1000 или 2000 лиц на крупных биржах, которые, как говорят, занимаются «профессиональной спекуляцией», точнее говоря, занимаются лишь профессиональной фондовой торговлей, частью в форме реальной торговли, частью в форме торговли, на разницу. Они именно, главным образом, и занимаются реальной торговлей. Иначе известное положение, что «на английской бирже, на которую имеют доступ только рЪБег'ы (спекулянты) и Бюкег'ы (маклеры), спекуляции не существует», не имело бы никакого смысла (здесь не место разбирать, насколько это положение в действительности противоречит истине). Про типичного биржевого спекулянта и на континенте говорят, что он лишь тогда считает свой рабочий день успешным, когда он в конце его остается без обязательств (даже если он целый день «спекулировал»). В рЪБег'е, таким образом, пересекаются оба круга: реальная торговля и спекулятивная торговля, так что мы должны различать следующие категории биржевой торговли:

- 1) случайная реальная торговля (торговля публики, ищущей доходного помещения капиталов);
- 2) случайная спекуляторская торговля (спекуляция «непрофессиональных» спекулянтов, которая снова распадается на спекуляцию Ипасег'ов (спекуляция крупного стиля) и спекуляцию Оиндег'ов);
- 3) профессиональная реальная торговля;
- 4) профессиональная спекуляторская торговля.

При желании проследить развитие «биржи» следует (помимо постепенного развития внешней организации) проследить еще:

- 1) развитие профессиональной торговли фондами;
- 2) развитие спекуляторской техники (техники срочной торговли).

Около этих двух рядов развития группируются или, другими словами, в них вмещаются все остальные явления, которые вместе с этими двумя категориями составляют «биржу». Если и поныне не существует еще истории развития биржи, то об этом пробеле приходится очень пожалеть. Но, не имея возможности в данной связи хоть сколько-нибудь восполнить этот громадный пробел, я принужден, — в интересах занимающей нас проблемы, — двумя-тремя штрихами наметить историческую перспективу, по возможности ярче оттеняющую те специфические данные, которые я хочу сообщить, а именно, данные об участии евреев в развитии фондовой биржи (товарную биржу я, за отсутствием какого-либо материала, должен пока оставить без внимания).

История биржи распадается на два больших периода: 1) на период со времени ее зарождения в XVI в. и приблизительно до начала XIX в., т. е. тот период внутреннего роста, в течение которого созревают институты биржи, между тем как сама биржа не составляет еще органического элемента хозяйственной жизни; и 2) на период от начала XIX в. до наших дней; т. е. период, в течение которого все части народного хозяйства мало-помалу проникаются сущностью биржи.

Мы, конечно, обратим наше внимание преимущественно на первый период, — время интенсивного развития, спокойного созревания.

Не подлежит сомнению, что происхождение современной фондовой биржи следует искать в вексельной торговле, или же, — если брать это понятие с более внешней стороны — в объединении торговцев векселями [55, т. 2, с. 244 и сл.]¹. Все те пункты, в которых в XVI в., а затем и в XVII в. возникли наиболее значительные биржи, были раньше центрами оживленного вексельного обмена.

Но мы можем совершенно точно проследить, что в чье время, когда биржи начали процветать, вексельный рынок находился почти исключительно в руках евреев. Вексельное дело в XVI—XVII вв., отчасти и позже, считается во многих местах достоянием евреев.

Касательно Венеции (в XVI в.) я уже в другом месте приво-дил соответственные доказательства [см. выше].

В Амстердаме мы также встречаем евреев в роли влиятельных торговцев векселями и различными денежными ценностями. Правда, это относится лишь к концу XVII в.²; но нет основания сомневаться, что евреи выступали в этой роли и раньше.

Франкфурт-па-Майне в XVI в. служил как бы филиальным отделением Амстердама. Уже в XVI в. Стефанус [232, с. 24] сообщает о евреях, которые «хотя и не были украшением ярмарки, но служили к ее выгоде, особенно в вексельном деле. А в 1685 г. христианские купцы Франкфурта жалуются, что евреи захватили в свои руки все вексельное и маклерское дело [цит.: 55, т. 2, с. 248].

¹ Эрнбергу мы обязаны, без сомнения, самыми ценными данными по истории биржи. Приходится глубоко сожалеть, что он не продолжает своих исследований в этой области, в которой никто из нас не может с ним померяться.

² Hanert Van. Lector voor net ontbijt en de Theetafel VII-de Stuk, Bl. 118. 119. Цит.: 142, S. 212.

В Гамбурге вексельное и банковое дело вводится впервые евреями. Спустя столетие (в 1733 г.) в одной записке при сенатских актах говорится о значении евреев, как торговцев векселями, о том, что в вексельном деле евреи были «почти настоящими мастерами» и «далеко превосходили наших» [194, с. 21]. Еиш в конце XVIII в. евреи были почти единственными постоянными покупателями векселей в Гамбурге. Что же касается других немецких городов, то о Фюрте имеется точное подтверждение, что вексельное дело (в течение XVIII в.) находилось там «большой частью в их руках» [99, с. 173].

О положении дел в Вене, которая, как известно, с конца XVIII в. завоевала себе позицию выдающегося биржевого пункта, государственный канцлер Людевиг во время правления Леопольда I сообщает следующее [150, т. 2, с. 41 и сл.]:

«Praesertim Viennae ab opera et fide Judaeorum res saepius pendunt maximi momenti. Gambia praesertim et negotia primi ordinis nundinatorum».

О евреях Бордо говорится¹: «основной вид их торговли — брать векселя и ввозить золото и серебро в королевство».

О том, что евреи в начале XIX в. господствовали на вексельном рынке в Стокгольме, мы узнаем из отзыва депутата Вегелина (1815) [181, с. 522].

Если евреи, как господа вексельной торговли, являются основателями современной фондовой биржи, то им, с другой стороны, обязано своим развитием и то еще более важное обстоятельство, что они именно придали бирже и биржевой торговле присущий этим учреждениям своеобразный отпечаток. Это объясняется тем, что они, по-видимому, были «отцами срочных сделок», творцами техники биржевой торговли и, если угодно, родоначальниками биржевой спекуляции.

К какому времени следует отнести начала фондовой спекуляции, мы еще не можем с уверенностью сказать. Италианисты склонны и это явление современной хозяйственной жизни приписать итальянской инициативе. По Зивекингу, уже в XIII и, самое позднее, в XIV в. в Генуе всевозможные спекуляции фондами были в полном расцвете. Он говорит по этому поводу [228, с. 85]: «Паи государственного долга были отчуждаемы... Непостоянный курс давал повод к

¹ Доклад субинтенданта M. de Courson от 2-VI 1718 г. [172].

оживленной торговле кредитными паями, как это можно проследить в Генуе уже в XIII в. На основании актов коммерческого суда Генуи и Венеции можно доказать, что там приблизительно около 1400 г. совершались спекуляторские сделки такими бумагами, которые имели форму срочных сделок и сделок на разницу». Но сообщенные самим Зивекингом акты не оправдывают этого мнения [229, с. 82 и сл., 175 и сл.]. В крайнем случае, еще можно в Венеции в XVв. открыть следы сделок на разницу; там уже в 1421 г. воспрещена была торговля банковыми билетами. Но из приведенных примеров торговли ценными бумагами в Генуе видно, что торговля эта в XIII в., а, пожалуй, также и в XV, совершенно не носила «спекулянтского» характера, — даже если брать понятие «спекуляция» в очень широком смысле. Это все реальные сделки, которые заключались частными лицами, даже не профессиональными биржевиками.

Если не желать поддаваться гипнозу случайно всплывших на поверхность явлений и попасть впросак, то необходимо всегда справляться с общим настроением, так сказать, со всем складом экономических взглядов и убеждений. Мы видим именно, что еще в XVI в. все, что походило на бланковую торговлю, в высокой степени претило не только консервативным кругам или правительственным сферам, но и самым передовым людям, в роде *Seravia della Calle*. Этот пишет в своих «*Institutionen*»: «очень сомнительным делом занимается тот, кто продает какую-либо вещь до того, как ее купит» [220, с. 42].

Я думаю поэтому, что следует пока остаться при мнении Эренберга, которое гласит¹: срочная сделка хотя и встречается уже в XVI в., но нигде не упоминается, как главное орудие спекуляции.

Начало современной биржевой спекуляции мы должны искать не в XIII в. в Генуе, а в XVII в. в Амстердаме. *Stockjobber's-TVO* (спекуляция фондами) выросло, как это можно с достаточной ясностью проследить, на акциях *Ост-Индской* компании.

Большая масса вдруг вынужденных в обращение однородных бумаг, широко распространенная страсть к игре, большой интерес, вызванный с самого начала этим предприятием, колеблющиеся барьеры и связанная с этим неопределенность настроения — все это, вместе взятое, по-видимому, способствовало быстрому расцвету спекуляций акциями на хорошо подготовленной почве амстердамской

¹ Статья «*Börsenwesen*» в «*H. St.*», 3-е издание.

биржи¹. За восьмилетний промежуток времени спекуляция акциями успела так широко распространиться и так усердно практиковалась, что общественная власть почувала в ней зло, которое необходимо устранить законодательным путем. Плакатом Генеральных Штатов от 26 февраля 1610 г. было воспрещено продавать больше акций, чем имелось на самом деле у данного лица, (За этим запретом последовали — конечно, без малейшего успеха, — еще многие другие: в 1621, 1623, 1677, 1700 гг. и т.д.)

Если спросить, кто спекулировал акциями, то на это нужно ответить: всякий, кто мог добыть нужные для этой цели деньги. Это были, главным образом, богатые посетители биржи, по всей вероятности, без различия вероисповедания.

Несмотря на это, можно предположить, что в этом первоначальном развитии биржевой спекуляции среди прочих участников евреи сыграли выдающуюся роль. Развитие профессиональной фондовой торговли и техники срочных сделок было, по-видимому, исключительным продуктом их усилий. У нас имеется несколько свидетельств, подтверждающих правильность этого предположения. В конце XVIII в. считалось неоспоримым, что евреи «изобрели» торговлю акциями⁷. Это, конечно, не служит еще доказательством верности утверждаемого факта. Но как бы то ни было, на такое общераспространенное воззрение, если оно даже и было высказано в позднейшее время, нельзя махнуть рукой как на нечто, не имеющее значения, в особенности если справедливость этого воззрения подтверждается еще

¹ Самыми достоверными источниками для истории торговли акциями на амстердамской бирже в течение первых десятилетий XVII в. служат плакаты Генеральных Штатов, которыми торговля эта воспрещается. Далее следует принять во внимание различные политические произведения, из которых некоторые появились в XVII в. «за» и «против» торговли акциями. См. сочинение противника спекуляций: *Nie. Muys van Holy*. Об этом см. *Laspeyres* [158]. Особое мнение излагает книга de la Vegas, о которой я еще буду говорить. Подробные описания о позднейшем времени содержат различные торговые книги, в особенности: *Ricard J. P.* [210, с. 370 и сл.], из которого впоследствии черпали все писатели. Самостоятельную ценность имеют еще кроме того различные труды *Jos. de Pinto*, из второй половины XVIII в. Из новейшей литературы заслуживает внимания книги *Klerk de Reus* [139, с. 177 и сл.], *van Brakel S.* [243, с. 154 и сл.].

² В журнале «De Koorman», 2, 429, 439; [цит. по: 55, т. 2, с. 233]. К сожалению, мне невозможно было достать этот журнал.

и другими свидетельствами. Прежде всего это воззрение доказывает, что евреев считали особенно способными к такого рода изобретению. Они, следовательно, во всяком случае, были в то время главными соучастниками. Это подтверждается также и другим свидетельством и (что очень важно) даже для значительно более раннего времени: для второй половины XVII в., а именно вышеупомянутым Nie. Muys van Holy. Несомненно также, что евреи участвовали в *владении* акциями обеих индийских компаний.

Относительно Ост-Индской компании у нас имеется достоверное свидетельство de Pintos [200, с. 84]: относительно Вест-Индской, акции которой вызвали еще более лихорадочную спекуляцию, — письмо директоров компании к Stuivesant'y', в котором последнему предлагается впустить евреев в Новый Амстердам, «потому что они вложили большие капиталы в акции этой компании». Об участии евреев в обеих компаниях свидетельствует доклад Манассэ бен Израиля Кромвелю², в котором автор замечает «что евреи пользовались крупной частью (голландской) Ост-Индской и Вест-Индской компаний».

Но особенное значение я придаю тому факту, что в конце XVII в. один португальский еврей в Амстердаме написал книгу, в которой впервые исчерпывающим образом излагалась биржевая торговля во всех ее разветвлениях и в таком виде, что, по уверению знатока, она «еще и поныне, в смысле формы и содержания, осталась лучшим изложением фондовой торговли». Я имею в виду книгу Jos. de la Vega «Confusion de confusiones», появившуюся в 1688 г.³ Существование этой книги служит нам порукой в том, что еврей был первым теоретиком торговли на срок. De la Vega же сам был купцом, и его описание, по-видимому, является ничем иным, как отражением духовной атмосферы, в которой он жил. Если привести этот писательский труд в связи со всем тем, что мы узнали о деятельности евреев на амстердамской бирже, начиная с их деятельности в

¹ Текст письма (из «Doc. rel. to the Col. Hist. of N. Y. 14, 315») у Max. J. Kohlerb [146, I, с. 47].

² Доклад Манассэ бен Израиля появился отдельно в 1655 г. Впоследствии он часто печатался: по-немецки, напр., в «Jahrbuch des Literar. Vereins», 1861; по-английски в «Jewish Chronicle», 1859.

³ Очень подробную выдержку из этой редкой книги, отчасти ее полный перевод, дает: Ehrenberg [55, т.2. с. 336 и сл.] и в «Jahrbücher für N. Oe.» III F., т. 3. с. 809 и сл.

качестве торговцев векселями; если принять в соображение общераспространенные взгляды (в XVIII в.) на роль евреев при зарождении торговли акциями; если, наконец, присоединить к этому и некоторые чисто логические соображения, то наш общий вывод, как мне кажется, будет клониться к тому, что если евреи не были отцами современной биржевой торговли, они, во всяком случае, решающим образом содействовали ее зарождению.

Но если кто-нибудь еще усомнится в правильности этого взгляда, то я, к счастью, могу подкрепить вышеприведенные косвенные доказательства непосредственным свидетельским показанием, о существовании коего я сам узнал (благодаря любезности моего друга André E. Sayous в Париже) после того, как эта глава была написана (и опубликована в другом месте).

А именно, имеется доклад, кажется, французского посланника в Гааге своему правительству от 1698 г., в котором прямо указывается, что *евреи держат в своих руках биржевую торговлю ценными бумагами и направляют ее по своему усмотрению*. Главнейшие места этого отчета гласят:¹

«В этой стране (Голландии) евреи играют большую роль, и вследствие предсказаний этих мнимых политических спекуляторов, которые сами очень колеблются в мнениях, цены этих акций испытывают постоянно такие колебания, что часто в течение одного дня вызывают сделки, которые заслуживают названия игры или пари, паче что евреи, *являющиеся главными пружинами таких операций*, пользуются всякими уловками, чтобы постоянно дурачить даже самых дельных людей» (значит, искусственное воздействие на биржу!).

... «эти еврейские маклеры и агенты самые ловкие люди на свете в этой области»,... «вексельного и акционерного дела, в коей они владеют запасами ценных бумаг на большие суммы».

Хорошо знакомый с тайнами биржевой игры автор очень подробно описывает, как именно удалось евреям занять такое господствующее положение на амстердамской бирже, К этому я вернусь в другом месте.

Яркий свет на положение этой биржи бросает история других европейских бирж того времени. Обратимся прежде всего к бирже

¹ Extrait d'un memoire presente en 1698 в Архиве французского министерства колоний; опубликован в «Revue hist.», изд. E. Monod, m. 44, (1896).

Лондона, который, начиная с XVIII в., опередил Амстердам и, как известно, развился в крупнейший биржевой центр. В Лондоне же влияние евреев на развитие фондовой биржи заметно еще гораздо яснее, чем в Амстердаме. Кроме того, можно с некоторой уверенностью утверждать, что чрезвычайный толчок развитию биржевой спекуляции в Лондоне к концу XVII в. исходило от амстердамских евреев, переселившихся к тому времени в Лондон. Таким образом, история лондонской биржи становится новым подтверждением справедливости того взгляда, что развитие биржевой торговли в Амстердаме было преимущественно делом евреев. Они были, очевидно, уже в то время настолько опытные в этих операциях, что могли стать наставниками даже в таком сравнительно важном центре коммерческой жизни.

Об отдельных этапах завоевания евреями лондонской биржи мы знаем следующее:

Еще в 1657 г. Sol. Dormido принужден просить о допущении его в Roya! Exchange, так как евреи были официально устранены от посещения биржи. Но закон, постановивший это исключение, как видно, был совершенно забыт. Во всяком случае, к концу XVII в. биржа полна евреями. Число их было так велико, что одна часть здания была названа Jews Walk [Статья «Brokers» в «Jewish Enc.»]. «Биржа битком набита евреями», — пишет современник¹. Стоит ли в связи с исходом в «Change Alley» все растущее участие евреев, которых недружелюбно встречали в «Royal Exchange»? Во всяком случае, с этим исходом началась в Англии спекуляция фондами [Статья «Brokers» в «Jew. Enc.»].

Откуда вдруг взялся этот наплыв? Мы знаем это вполне точно. Он объясняется обилием евреев, прибывших в свите Вильгельма III из Амстердама. Они, как уже было упомянуто, принесли с собой в Лондон высоко развитую технику биржевой торговли. Данное Francis'ом описание этих событий вполне соответствует действительности и подтверждается многочисленными свидетельствами, которые приводятся преимущественно иудеями лишь в новейшее время. «Название «капиталист» было в 1692 г. еще незнакомо; оно было в те времена усвоено теми, кто понимал выгоды фондовых операций для помощи правительству.

¹ The Anatomy of Exchange Alley or a System of Stock Jobbing, 1719. Печатаемо: (69, прил.).

Биржа появилась, наподобие Минервы, сразу во всеоружии. Главными negociантами первого английского займа были евреи, Они помогли Вильгельму III Оранскому своими советами, а один из них, богатый Медина, был банкиром Мальбору, платил ему ежегодную пенсию в 6000 ф. ст. и за то получал первые известия о различных военных кампаниях. Дни победы английской армии доставили ему столько же материальной выгоды, сколько громкой славы английскому оружию. Все уловки *hausse* и *baisse*, ложные сведения с театра военных действий, мнимое прибытие курьеров, тайные биржевые котерии — словом, вся закулисная система мамона была известна отаам биржи и изрядно ими эксплуатировалась.

Кроме сэра Соломона Медины, «*the Jew Medina*», как его называли и в котором следует видеть основателя фондовой спекуляции в Англии, мы знаем еще целый ряд других крупных еврейских капиталистов времени королевы Анны, ведших биржевые спекуляции в большом масштабе. Менассэ Лонец, как мы знаем, приобрел большое состояние тем, что, воспользовавшись паникой (вследствие ложной вести о смерти королевы), скупил все правительственные фонды, быстро упавшие в цене.

Нечто подобное рассказывают, уже в несколько более позднее время, и о Самсоне Гидеоне, который был известен среди «*Gentile*» как «*the great Jew broker*» [198, с. 58 и сл.]. Чтоб судить о финансовой мощи евреев в тогдашнем Лондоне, необходимо принять в соображение, что в начале XVIII в. число еврейских фамилий с годовым доходом в 1000—2000 ф. ст. определялось в 100, а с 300 ф. ст. годового дохода — в 1000 [там же, с. 94]; тогда как отдельные евреи, как Мендес да Коста, Мозес Гарт, Аарон Франке, барон д'Аквиляр, Мозес Лонец Перейра, Мозес или Антоний да Коста (бывший в конце XVII в. директором *Bank of England*) и др. принадлежали к богатейшим коммерсантам Лондона.

Мне кажется, однако, что введение евреями на лондонской бирже профессиональной фондовой торговли, а следовательно, и т. н. «профессиональной спекуляции» является еще более важным фактом, чем создание широкой биржевой спекуляции крупными капиталистами. Оба эти явления также возникли лишь в первой половине XVIII в. и были, по всей вероятности, вызваны к жизни Бюкег'ами. Таким образом, сам «*broker*» породил своего противника *jobbe r'a*.

Этот факт, насколько мне известно, не был до сих пор отмечен. Но его можно с полной ясностью проследить по соответственным источникам.

Postlethwayt, вполне надежный в таких вопросах свидетель, сообщает об этом следующее¹:

«Спекулятивные биржевые сделки первоначально представляли собой только простое случайное перемещение паев и акций от одного лица к другому в процессе отчуждения имущества; но когда биржевые маклеры захватили дело в свои руки, это превратилось в торговлю, сопровождавшуюся небывалыми интригами и надувательством при сохранении выражения честное™ на лице. В то время как брокеры по своей воле поднимали и снижали цены на акции в угоду и покупателям и продавцам, последние были готовы просто-удушно отдать свои деньги на милость этих спекулянтов».

Мы знаем еще из других сообщений, что еврейский элемент был сильно представлен в сословии биржевых маклеров. Уже в 1697 г. среди 100 присяжных маклеров на лондонской бирже насчитывалось 20 чужестранцев и евреев. Можно предположить, что в последующие десятилетия число их еще увеличилось. «The, Hebrews flocked to «Change Alley» from every quarter under heaven», — судит Francis на основании источников того времени. Во всяком случае, мы узнаем от одного очень добросовестного наблюдателя 30-х годов XVIII в. (т. е. несколько десятилетий после вторжения евреев на лондонскую биржу), что еврейских маклеров было слишком много и что это загромождение профессии послужило поводом к тому, что добрая половина их принуждена была взяться за (профессиональную) фондовую торговлю и превратиться, таким образом, из Broker'ов в jobber'ов; их излишек, пишет автор, «был причиной того, что большинство брокеров-евреев превратилось в биржевых спекулянтов» [39, с. 297]. По мнению того же автора, в Лондоне в то время жило уже 6000 евреев.

Впрочем, это происхождение Stock-jobber'ства из маклерства, как мы можем ясно заключить (поскольку дело касается Лондона) из сообщений того времени, по-видимому, не ограничивалось одним Лондоном. Во Франкфурте-на-Майне эволюция совершилась, вероятно, тем же путем. Во всяком случае, мы знаем, что и там евреи к концу XVII в. всецело захватили в свои руки занятие мак-

¹ «Univ. Dictionary of Trade and Commerce», 2, (1757), с. 554.

лерством¹; а затем они, по всей вероятности, завоевали и профессиональную фондовую торговлю (и связанную с нею профессиональную спекуляцию). И в Гамбурге уже в 1617 г. среди португальских евреев было 4 маклера, а потом 20 [95, с. 6 и сл.].

Если еще принять во внимание, что, по распространенному мнению, евреям обязано развитие арбитражных сделок на лондонской бирже [202, с. 95], далее, что евреи с конца XVIII в. принимали очень деятельное участие в грандиозном развитии фондовой спекуляции на лондонском рынке, то нельзя будет не согласиться с выводом, к которому пришел на основании точных научных исследований другой автор [119], а именно: если Лондон в настоящее время является центром денежного обращения всего мира, то этим он обязан преимущественно евреям.

Все другие фондовые биржи остаются в течение всей ранней капиталистической эпохи далеко позади фондовых бирж Амстердама и Лондона. И в Париже жизнь пробуждается лишь к концу XVIII в.

Первые следы фондовой спекуляции или ажиотажа, — как ее называют во Франции, — мы встречаем там в начале XVIII в. Ранке [206, с. 399] находит упоминание слова «Agioteur» впервые в одном письме Elis. Charlotte от 18 января 1711 г. Автор этого письма предполагает, что это выражение происходит от Billets de monnaie и что раньше о нем ничего не было известно. Период Джона Ло, по-видимому, не оставил никаких прочных следов, ибо еще в 30-х годах XVIII в. во Франции сильно чувствовалась отсталость по сравнению с капиталистически-прогрессивными или, по крайней мере, в биржевом отношении более передовыми соседними странами: Голландией и Англией. *Melon* говорит об этом следующее [177, с. 685]: «Оборот денежных средств — одно из главных богатств наших соседей; банки, ренты, акции — все это имеется в их торговле».

В противоположность, значит, Франции. И еще в эдикте от 7 августа 1785 г. говорится: «король сообщает, что, начиная с некоего времени, в столице вводится новый вид торговых сделок», а именно фондовая торговля на срок.

Эта низкая степень развития биржевой торговли во Франции в течение XVIII в. является ясным показателем того, сравнительно

¹ По жалобе христианских купцов от 1685 г., упоминаемой Ehrenberg'om [55, т. 2, с. 2481.

ничтожного, влияния, какое евреи имели в ту пору на французскую, в особенности же на парижскую хозяйственную жизнь. Те местности Франции, где евреи уже тогда играли видную роль, как, например, Лион и Бордо, по-видимому, не годились для насаждения и развития фондовой торговли. (Короткое время расцвета оживленной фондовой торговли в XVI в. в Лионе¹), причины которого еще не достаточно исследованы, не оставило там никаких следов.)

Но и та невысокая степень биржевой спекуляции и профессиональной фондовой торговли, какую мы встречаем в Париже в течение XVIII в., обязана своим происхождением евреям.

Очагом фондовой спекуляции в Париже, где разыгрался и первый ажиотаж с «billets de monnaie» была (и оставалась еще долгое время) прославившаяся впоследствии, благодаря спекуляциям Джона Ло, Rue Quincampoix. Здесь же жило, по сообщению одного свидетеля более позднего периода [103], «много евреев». А человек, с именем которого, собственно говоря, связана эта первая фондовая спекуляция, был знаменитый финансист Людовика XIV, большой мастер ажиотажа еще до Ло, Самуил Бернар. Когда billets de monnaie впоследствии обесценились, их называли по нему «Bernardines» [242]. Но и те технические биржевые знания, которыми обладал Джон Ло, он приобрел в Амстердаме [36, с. 33]. Был ли сам Ло, как утверждают [50], евреем (Law-Levy), этого я установить не мог. Возможно, что это и так. Его отец, как известно, был «золотых дел мастер» (и банкир). Тот факт, что он был «реформирован», не служит, конечно, доводом «против». За его принадлежность к еврейству говорит еврейская наружность этого человека на некоторых портретах (например, на портрете в немецком издании его «Размышления о товарной и денежной торговле» и т. д. от 1720 г.). Против этого предположения свидетельствует лишь основная черта его характера, представлявшая странную смесь барства и авантюризма.

В Германии, в течение XVII—XVIII вв., некоторого значения достигли только биржи во Франкфурте-на-Майне и Гамбурге, т. е. двух еврейских городах par excellence. Насколько ясно можно проследить влияние евреев на эти две биржи, говорилось уже в другом месте.

¹ О торговле «королевскими письмами» в Лионе приблизительно от 1550 г. см.: 55, т. 2, с. 142.

Берлинская биржа также с самого начала появилась на арене, как преимущественно еврейское учреждение. Уже в начале XIX в., еще до эмансипации евреев (в 1812 г.), они выделялись даже численно. Среди четырех «биржевых старшин» было два (!) еврея; а «биржевой комитет» состоял из следующих лиц:

1. Биржевые старшины.....	4
2. Старшины обеих гильдий.....	10
3. От корпорации корабельщиков Эльбы.....	1
4. Выборные от купцов еврейской нации.....	8
Итого.....	23

Таким образом, из 23-х членов 10 были евреями (NB признанными!), а сколько сверх того было крещеных и криптоевреев, установить невозможно.

И в Берлине евреи были сильно представлены в сословии маклеров. Из трех присяжных вексельных маклеров трое были евреями (из двух присяжных товарных маклеров торгового цеха по сукну и шелку один — еврей и заместитель также еврей. Таким образом, из троих двое были еврейского происхождения¹).

В Германии фондовая торговля и фондовая спекуляция в XVIII в. велась лишь в Гамбурге и Франкфурте-на-Майне. Относительно Гамбурга мы знаем, что уже в начале XVIII в. там была воспрещена торговля акциями. Указ гамбургского магистрата от 19 июля 1720 г. гласит: «Магистрат с большим недоумением и неудовольствием узнал, как некоторые частные лица, под видом страхового общества, самовольно начали т. н. торговлю акциями; отсюда следует опасаться многих в высшей степени вредных последствий как для общества, так и для частных лиц» и т. д. В гамбургском монетном и медальном указателе (1753, 143, № 4) находится медаль, вычеканенная в память торговли акциями. *Раумбургер* в предисловии к своей книге «*Iustitia Selecta Gent. Eur. in Gambiis etc.*» также жалуется на «столь гибельную и роковую торговлю акциями и бумагами».

Были ли к этому причастны евреи? В этом отношении можно, по меньшей мере, констатировать, что импульс к «торговле

¹ Все цифры взяты из Gilde-Dienern *Friedr. Wilh. Arendt* и *Abraham Charles Rousset* изданного *Verzeichnissen... der gegenwartigen Alter Manner*» и т. д. и т. д., 1801 и сл.

акциями» исходит из среды страхователей, как это видно из указа от 1720 г. Но мы знаем, что в деле морского страхования в Гамбурге евреи играли выдающуюся роль (138, с. 24]. Вообще же мы из приведенных свидетельств узнаем о биржевой торговле Гамбурга лишь очень мало и ничего определенного. Точно так же и о Франкфуртена-Майнс мы можем делать только одни предположения. На первый вполне надежный след мы наталкиваемся в Аугсбурге в 1817 г. Нам известен приговор тамошнего вексельного суда от 14 февраля 1817 г., в котором отклоняется жалоба о платеже прибыльной разницы на том основании, что такого рода сделка есть «азартная игра». Дело шло о курсовой разнице в 17 630 флоринов, возникшей при покупке баварских лотерейных билетов на сумму 90 000 фл. Истец назывался Гейман, ответчик Г. Е. Ульман! Это первый вполне достоверный случай фондовой спекуляции в Германии¹.

Но этим мы незаметно вступили в эпоху, которую я желал бы выделить, как новый период биржевой спекуляции. Чем она характеризуется? Что придает ей тот своеобразный отпечаток, который мы можем характеризовать лишь страшным словом «современный»?

Что биржа в настоящее время занимает совершенно другое положение, чем еще сто лет тому назад, это яснее всего доказывает отношение к ней руководящих кругов в те времена и теперь.

Почти вплоть до конца XVIII в. даже капиталистически заинтересованные круги и слышать не хотели о фондовой спекуляции. Имеющиеся у нас коммерческие руководства и словари на английском, французском, итальянском и немецком языках от середины и второй половины XVII в., или совсем не упоминают (в экономически «отсталых» странах) о фондовой торговле и фондовой спекуляции, или же, — если уже говорят об этом, как, например, Postlethwayt, то нет предела их негодованию против этих неслыханных заблуждений. Как в наше время мешанин или аграрий судит о «бирже», т. е. о биржевой спекуляции, так в XVIII в. судил о ней и солидный крупный коммерсант. При обсуждении в 1733 г. в английском парламенте Sir John Bernardi-Act все ораторы, как один человек, беспощадно осудили эту «постыдную практику спекулятивных биржевых сделок». И ту же резкую форму выражения мы встречаем через несколько десятилетий у Postlethwayt'a, который говорит о «банках, скативших-

¹ Этот случай сообщен у von Gönner N. Th. [87, § 30]

ся до уровня биржевых маклеров». Stock-jobbing он называет «public grievance», которое сделалось «scandalous to the nation»¹.

Неудивительно, что при таком всеобщем осуждении фондовой спекуляции последняя в течение всего XVIII в. строжайшим образом воспрещалась всеми законодательствами.

Но недовольство «биржей» шло еще глубже. Оно доходило до основ, на которых построена была биржа; оно направлялось против самой сущности фондов. Здесь интересы государственной власти были, конечно, на стороне защитников биржи. Но правители и jobber'bi стояли совершенно одиноко против сомкнутой массы всех тех людей, у которых вообще имелось определенное мнение об этом вопросе (частных лиц, охотно покупавших кредитные бумаги, считать, конечно, нельзя). Публичный кредит считался «partie honteuse» государства. Наиболее выдающиеся общественные деятели видели в прогрессивном задолжании одно из величайших зол, которое они всеми силами старались искоренить. На этом сходились практики и теоретики. В коммерческих кругах серьезно подумывали о том, как бы уничтожить государственные долги, и рассуждали о добровольном государственном банкротстве, как об ultima ratio [лат. последний аргумент]. И все это имело место в Англии во второй половине XVIII в.² Теоретики судили не менее сурово. Давид Юм называет государственные займы «бесспорно губительной практикой» [116, с. 110]. Адам Смит, как известно, также употребляет самые сильные выражения, чтобы дать волю своему негодованию против все возрастающего обременения государств долгами: «разрушительная практика консолидирования долга... постепенно губит каждое государство, которое приняло ее... «рост огромных долгов, в конечном счете, может разрушить все великие государства Европы» [230, т. V, гл. 3].

Как во всех других отношениях, так и здесь Адам Смит является зеркалом, в котором спокойно и ясно отражается хозяйственная жизнь его времени. Ничто не характеризует в такой степени своеобразную форму тогдашнего народного хозяйства, — развитого раннекапиталистического хозяйства, — в противоположность нашему, как тот факт, что в грандиозной системе Адама Смита не остаюсь ни одного

¹ «Dict. of Comm.» 2², 553 и сл. Ср. также находящуюся там же поучительную статью «Monied Interest», S. 284 и сл.

² См. статью «Monied Interest» и «Paper Credit» у Postlethwayl. Т. 2, с. 284 и сл., 404 и сл.

уголка для учения о фондах или о бирже и биржевой торговле. Перед нами совершенная, законченная система политической экономии, в которой ни одним словом не упоминается о кризисах!

Почти в то же самое время появилась книга (о которой, впрочем, упоминает и Смит, не называя автора по имени: «one author» высказал безумный взгляд, — говорит он как-то при случае, в которой речь шла только о кредите и его благословенных последствиях, о бирже и ее значении; книга, которая в полном смысле слова может быть названа песнею песней публичного кредита и фондовой торговли; книга, которая всем своим содержанием была в такой же степени обращена к будущему, как «Wealth of Nations» (как теория) к прошлому. Я имею, конечно, в виду «Theorie du crédit et de la circulation», появившуюся в 1771 г., автор которой назывался Josef de Pinto и был португальским евреем. Книга Пинто содержит в себе до мельчайших подробностей и с изумительной точностью все то, что впоследствии, в XIX в., было приведено в защиту публичного кредита (как, вообще, в защиту овеществления кредитных отношений), все, что было сказано в оправдание профессиональной фондовой торговли, фондовой спекуляции и т. д. Подобно тому как Адам Смит своей системой заканчивает эпоху народного хозяйства с слабо намеченными наклонностями к бирже, так кредитная теория Пинто служит введением в новую эпоху, в которой фондовая спекуляция становится центральным пунктом хозяйственной жизни, а биржа — «сердцем хозяйственного организма».

С этого времени весы общественного мнения тихо, но бесзатановочно начали склоняться в пользу кредитного и биржевого хозяйства, — по мере того как последнее расширялось и углублялось. Мало-помалу этим путем пошло также законодательство, и когда наполеоновские войны пришли к концу, когда в стране наступил покой, биржа, — нестесняемая тягостными оковами враждебного ей законодательства, — начала мощно процветать.

Каковы были фактические изменения, испытанные за то время фондами и фондовой спекуляцией? В чем проявилась в действительности (а не в отражении «идеологов») та разница сравнительно с прошлым, благодаря которой мы можем говорить о новой эпохе биржевого обращения, и, наконец, наш главный вопрос, — при чем тут были евреи? Техника биржевых сделок в новейшее время не испытала никаких существенных изменений. Она стоит пред нами в совершенной форме

еще в 1688 г., когда появилась книга de la Vega. Само собой разумеется, что с того времени прибавились те или иные формы побочных сделок. И здесь, применяя метод поиска авторства, мы будем постоянно наталкиваться на евреев. Так, например, я узнал [87, § 31 и сл.], что основателем страхового дела (в Германии) был В. З. Вертгеймер во Франкфурте-на-Майне. Точно так же евреи были основателями, т. н. наемного дела (для ведения которого в Берлине в начале XIX в. образовалось особое общество под фирмой «Promessen-Komite»).

Но центр тяжести развития лежит не здесь, не в новых формациях различных сделок; его вернее следует искать, — если позволительно употребить ходячее выражение, — в экстенсивном и интенсивном росте фондового обращения.

Известно, с какой быстротой увеличивалось количество и общая масса публичных облигаций с середины XVIII в., особенно же с начала XIX в. Наряду с этим в той же (или еще в большей) мере развивалась и фондовая спекуляция. До второй половины XVIII в. даже в Амстердаме и Лондоне она давала себя знать очень слабо, и то предпочтительно в торговле акциями. Первая серьезная атака против общественных займов в Амстердаме (а, следовательно, вообще на тогдашней бирже), по вполне достоверному указанию, относится к 1763 г.; согласно этому указанию, раньше спекулировали преимущественно акциями; «а после очередной войны бросились в безбрежный океан ренты» [200, с. 310—311].

Еще в середине XVIII в. насчитывалось всего 44 заявленных на амстердамской бирже фондов; среди них 25 сортов внутренних государственных и провинциальных облигаций и шесть сортов немецкого займа. К концу столетия число внутренних бумаг уже возросло до 80, а число немецких до 30 [55, т. 2, с. 299]. А с какой быстротой возрастал фондовый рынок во время наполеоновских войн, особенно же после них! В то время как на амстердамской бирже, со времени ее основания до 1770 г., заключено было займов на 250 млн гульденов, одна лондонская фирма в продолжение только 14 лет (от 1818—1832 гг.) выпустила в обращение публичных облигаций на гораздо большую сумму, а именно на 440 млн марок. Это все общеизвестные факты. Но известно также, кто была эта «единственная лондонская фирма», в течение одного десятилетия выпускавшая на рынок на полмиллиарда марок бумаг. А упомянув об «этой единственной фирме» и четырех родственных с нею фирмах, я тем са-

мым коснулся связи между общей историей развития фондов и специальным вопросом, который нас занимает.

Расширение фондового рынка с 1800 г. до 1850 г. означает распространение фирмы Ротшильда и всего того, что с нею связано. Ибо имя Ротшильда означает больше, чем одна его фирма. Оно означает нею совокупное! еврейства, поскольку оно действовало на бирже. Только с помощью еврейства Ротшильды могли завоевать себе то могущественное положение, то почти нераздельное господство на фондовой бирже, которым они пользовались в течение полувека. Едва ли можно считать преувеличением, когда говорили, что министр финансов, почему-либо утративший благосклонное расположение этой мировой фирмы и не желавший входить с ней в соглашение, принужден был прямо закрыть свою канцелярию. (Это, впрочем, для иных стран имело силу вплоть до начала второй половины XIX в.) «Существует только одна великая держава в Европе, — говорилось в середине XIX в., — это Ротшильд; его телохранителями служат десяток других банкирских домов; его солдатами, его оруженосцами все честные купцы и рабочие, а его мечом — спекуляция» (*A. Weil*). Всем хорошо знакомы те многочисленные остроумные замечания, которые сделаны Гейне о Ротшильдах и в которых, несомненно, лучше, чем в длинных рядах цифр, отражается исключительное значение этого редкого феномена: «Господин фон Ротшильд, действительно, самый лучший политический термометр, — я не хочу сказать дождевая лягушка, потому что это слово звучало бы недостаточно почтительно». «Этот частный кабинет в самом деле достопримечательное место, которое порождает возвышенные мысли и чувства, подобно виду океана или звездного неба; мы видим здесь ясно, как ничтожен человек и как велик Бог» и т. д.

Я, конечно, очень далек от намерения дать здесь историю дома Ротшильдов, хотя бы только в общих чертах. Всякий легко может ознакомиться с всемирно-историческим значением этого дома по (частью довольно хорошей, во всяком случае, очень обширной) литературе о Ротшильдах¹. Я хотел бы только подчеркнуть несколь-

¹ Я довольствуюсь названием следующих трех трудов, которые кажутся мне самыми лучшими: *Das Haus Rothschild. Seine Geschichte und seine Geschäfte*. 2 тома. 1857. *Reeves lohn. The Rothschilds: the financial Rulers of Nations.*, 1887. *Ehrenberg R. Grosse Vermögen* и т. д. 1 том: *Die Fugge r-Rothschild* — Krupp, 2-е издание. 1905.

ко характерных черт, наложенных Ротшильдом на биржу и биржевое дело, чтобы таким образом показать, что не только в количественном, но и в качественном отношении современная биржа есть ротшильдовская (т. е. еврейская).

Иерная присущая бирже со времен Ротшильдов характерная черта (наложенная на нее именно Ротшильдами) — это ее интернациональность. Вряд ли нужно еще доказывать, что интернациональный характер биржи служил необходимым условием колоссального расширения фондового дела, для развития которого необходим был прилив «капиталов» со всех углов и концов обитаемой земли к центрам кредитного обращения, к большим мировым биржам. Интернациональность кредитных отношений, которая нам представляется чем-то вполне естественным, еще в начале XIX в. вызвала каждый раз величайшее удивление. Когда Натан Ротшильд в 1808 г., во время англо-испанской войны, взялся, сидя в Лондоне, покрывать платежи британской армии в Испании, то это считалось необыкновенным подвигом и, собственно говоря, послужило первой основой его чрезвычайного влияния. До 1798 г. существовала лишь франкфуртская фирма. Затем каждым из сыновей старого Майера Амшеля были, как известно, основаны отделения: в 1798 г. в Лондоне, в 1812 г. в Париже, в 1816 г. в Вене, в 1820 г. в Неаполе. Отсюда получилась возможность обращаться с займом каждого иностранного государства, как с внутренним, а у публики с тех пор укоренился обычай помещать свои деньги в бумагах, так как проценты и дивиденды выплачивались в собственной стране и туземной монетой. Писатели начала XIX в. сообщают, как о необыкновенно важном нововведении, что «каждый обладатель государственных бумаг может по желанию и без всякого труда получать свои проценты в нескольких местах: дом Ротшильда во Франкфурте выплачивает проценты за счет нескольких правительств; парижский дом Ротшильда выплачивает проценты австрийских *Métalliques*; неаполитанская рента, проценты англо-неаполитанских облигаций подлежат, смотря по желанию, уплате в Лондоне, Неаполе или Париже [13, с. 145].

Если таким путем круг заимодавцев в пространственном отношении был расширен, то другие мероприятия Ротшильдов были направлены на то, чтобы повсеместно использовать до последней копейки денежную наличность населения. Это достигалось посредством ловких биржевых операций для эмиссионных целей.

Судя потому, что мы знаем из сообщений современников [87, с. 60 и сл.; 13, с. 142], выпуск австрийских лотерейных билетов Ротшильдом в 1820—1821 гг. составил эпоху как в кредитном деле вообще, так и во всем биржевом обороте. Здесь впервые были разыграны все регистры самой бешеной фондовой спекуляции, чтобы создать «настроение» в пользу данной бумаги, и с этого займа, собственно говоря, начинается (по крайней мере, на континенте) фондовая спекуляция. В нем можно видеть «подлинный «сигнал» к оживленной и широко распространившейся торговле государственными бумагами» (Бендер).

С того времени «вызывать настроение» стало господствующим лозунгом биржи. Создание настроения было целью беспрестанных изменений курса путем систематической купли и продажи фондов, как это с самого начала практиковали Ротшильды со своими эмиссиями. «Для этих манипуляций биржевого и денежного рынка пускались в ход всевозможные, находившиеся в их распоряжении, средства, изыскивались разнообразные пути, утилизируются всевозможные биржевые и другие махинации, приводились в движение все рычаги, и жертвовались большие и малые суммы денег» [43, т. 2, с. 216 и сл.]. Ротшильды, следовательно, занимались «ажитоажем» в том узком смысле слова, какой придают ему французы; раньше это, по-видимому, еще никогда не практиковалось крупными банкирскими домами, в особенности же кредитными посредниками [см., напр. 190, с. 627].

Чтобы достигнуть цели искусственного воздействия на настроение публики посредством биржи, Ротшильды прибегали преимущественно к двум средствам, сознательное и ловкое применение которых служит также характерной чертой современной биржи; к хорошо организованной информации и к прессе, к обеим — в рамках интернационализма.

Скорость в доставке сведений стала с тех пор базисом, на котором покоилась всякая успешная спекуляция. Известен (типичный) анекдот о том, как Натан Ротшильд, опередив правительственных курьеров, первый прибыл в Лондон с сообщением о победе Веллингтона и, благодаря этому, на одной только спекуляции нажил миллионы. Когда еще не существовало телеграфа, крупные биржевые спекулянты пользовались особыми курьерами, которые постоянно шныряли из конца в конец. «Парижский дом Ротшильда в 1824 г. имел самых быстрых курьеров, которых поэтому в шутку называли

паровыми курьерами» [13, с. 183]. Современники сообщают также, как при выпуске ротшильдовских лотерейных билетов использована была пресса в широких, до тех пор неслыханных размерах [подробнее всего см.: 87, с. 66 и сл.].

Но это сильно изменившееся отношение банкиров к бирже и публике становится понятным, если припомнить, что в то время, о котором идет речь, — т. е. в эпоху Ротшильдов — в коммерческой жизни образовались новые формации, возник новый тип операций, которые стали обнаруживать самостоятельную жизнь и ставить самостоятельные требования: это, именно, — эмиссионное дело.

III. Создание ценных бумаг

Эмиссионный промысел, который в данном случае прежде всего приходит на ум, задается целью получить прибыль путем самостоятельного создания фондов.

Возникновение этого промысла имеет решающее значение для всего дальнейшего развития, потому что в нем открывается новый богатый источник капиталистического могущества. С этого времени фонды не возникают более вследствие одной только потребности ищущих денег и домогающихся кредита; производство фондов становится делом особого капиталистического предприятия, интересы которого, таким образом, тесно связаны с возможно более широким производством этого товара. Если раньше ждали, пока явится нуждавшийся в деньгах, то теперь ему уж не дают покоя. Кредитный посредник становится агрессивным; от него исходит значительная часть кредитного оборота. Это положение вещей (как и в частных денежных займах) редко проявляется вполне отчетливо. Основную, внутреннюю конструкцию современных займов можно легко познать, когда дело идет, скажем, о снабжении деньгами мелких государств. У них, как известно, организовано нечто вроде коммивояжерства «большой управленческий аппарат, который тратит все свое время на поиски по всему миру возможностей получения иностранных займов» [37, с. 100 и сл.].

С этим новообразованием, естественно, меняется и отношение кредитного посредника к бирже и публике. Ввиду того что его профессия состоит в помещении фондов, то и отношение его к бирже и публике должно стать агрессивным в совершенно другом смысле,

нежели раньше, когда эта деятельность носила еще более случайный характер.

Мы не обладаем хорошей историей эмиссий, в особенности эмиссионного промысла. О времени его происхождения можно строить лишь одни предположения; быть может, никогда не удастся с уверенностью установить момент возникновения эмиссионного *промысла*, так как он лишь постепенно развился из случайного кредитного посредничества, которое долгое время колебалось между формой коммиссионной поставки и поставкою за собственный счет. Возникновение самостоятельного эмиссионного промысла относится, по всей вероятности, к XVIII в.; в эту эпоху можно, во всяком случае, ясно различить три этапа его развития.

На первой ступени развития выпуск займа, по-видимому, отдавался на комиссию богатому банкирскому дому (или крупному капиталисту), который раньше, еще *до* биржевого способа помещения займа, сам непосредственно покрывал его (все равно, владел ли заимодавец лично нужными для этого средствами, или же частью доставал их у других; в этом случае мы имеем перед собой нечто такое, что можно было бы назвать займом в депозитном банке, но что значительно отличается от современной формы займа). Такое положение дел мы встречаем в Австрии (финансовая история которой особенно хорошо исследована) в течение всего XVIII в. «Более крупные займы, в особенности заграничные, совершались большей частью через посредство какого-нибудь влиятельного банкирского дома или группы финансистов. Соответственная фирма озабочивалась затем путем общественной подписки сбором необходимого капитала и его доставкой финансовой администрации или по ее ордеру; брала на себя уплату срочных процентов отдельным соучастникам; в случае необходимости делала это помощью собственных ссуд за счет ассигнованного фонда; она являлась также посредником при разногласиях между заинтересованными сторонами, — и все эти операции она совершала за определенную коммиссионную плату» (179, с. 54). Еще в 60-х годах XVIII в. мы встречаем на венской бирже частных банкиров исключительно в качестве коммиссионеров правительства; при конвертировании им «вверяют амортизационный фонд», при помощи которого они должны закупать старые бумаги по возможности на 1 — 1,5% дороже, нежели соперничающие с ними частные лица [12, с. 43].

Но уже в то время существовали «самостоятельные торговцы займами». В 1769 г. «итальянские и нидерландские фирмы охотно брали на себя покрытие займов» [там же]. Известное описание эмиссионного дела у Адама Смита (т. V, гл. 3) еще ярче освещает этот факт.

«In England... the merchants are generally the people who advance money to government. But advancing it, they do not mean to diminish, but, on the contrary to increase their mercantile capitals; and unless they expected to sell with some profit their share in the subscription for a new loan the never would subscribe*».

(В то время, как, напр., во Франции, пишет он, непосредственное участие богатых капиталистов в качестве «самостоятельных заемщиков» составляет общее правило.) «В продолжение нескольких лет в крупных европейских центрах образовались союзы крупных банкиров, которые конкурируют друг с другом в выгодных для них вкладах» [13, § 5, с. 35].

Чисто комиссионные фирмы, т. е. учреждения, главная функция коих сводилась к выпуску публичных займов, не сразу выделились из общей массы банкирских домов, которые в XVIII в. явно занимались эмиссионной деятельностью, но, очевидно, как побочным делом. Правдоподобнее, что они ведут свое происхождение от специалистов по этой части, в Англии — от dealer'ов [агентов по продаже]. В конце XVIII в. замкнутый круг лондонских банкиров, владевших монопольным правом выпуска государственных займов, был прорван конкуренцией, которая создалась ему среди биржевиков. И опять-таки первый шаг в этом направлении был сделан *еереи/ской фирмой*, которая, таким образом, впервые создала чисто биржевой выпуск. Я имею в виду Ротшильдов XVIII в., хозяев «Ghange Апey» того времени — Абрагама и Бенямина Гольдсмит. В 1792 г. они впервые, как члены Stock Exchange [69, с. 161 и сл.], выступили конкурентами банкиров при подготовке нового займа и начиная с этого момента вплоть до смерти второго брата Абрагама в 1810 г. были господами эмиссионного рынка; эта была первая настоящая эмиссионная фирма, место коей непосредственно занял дом Ротшильдов.

Фирма Ротшильдов (как мы уже констатировали) первая вела в употребление коммерческую организацию, свойственную самостоятельному эмиссионному делу.

Но совершенно ясно, что профессиональной эмиссией публичных займов могли существовать лишь немногие крупные фирмы. Фон-

довые операции, как профессия, не нашли бы большого распространения, если бы они принуждены были ограничиваться фабрикацией государственных кредитных бумаг. Совершенно иное, куда более обширное поле деятельности открылось для них в тот момент, когда найдены были способы производства фондов и для потребностей частных лиц. В этом случае можно было, при значительном натиске, надеяться на искусственное создание необозримой массы покупателей. На почве этого стремления фондовых фабрикантов к расширению своего сбыта впоследствии возникают две, чрезвычайно важные для современной хозяйственной жизни, отрасли: учредительное и закладное дела.

Учредительное дело имеет своим содержанием производство акций и облигаций для продажи; оно ведется фирмами: «которые профессионально овладели мастерством добывания денег путем изготовления ценных бумаг и распространения их в обществе» (*Crumpt*). Нечего говорить, какими сильными новыми импульсами обогатилась благодаря этому вся хозяйственная жизнь. Ведь с тех пор многие, частью очень крупные, предприниматели были заинтересованы в создании все новых и новых центров капитализма в форме новых или расширенных предприятий, не считаясь при этом с действительными потребностями и тому подобными конкретными соображениями. С тех пор «вступает в действие сила, которая вызывает к жизни чрезмерную, прямо расточительную массу крупных предприятий в форме акционерных обществ» (*Книс*).

Вряд ли можно сомневаться в том, что евреи опять-таки были если не родоначальниками, то, во всяком случае, выдающимися сотрудниками в повышении динамических свойств капитализма, каким является именно развитие учредительных операций.

Начала учредительного дела также теряются во мраке. Первым освещенным пунктом в его истории, как мне кажется, служит опять-таки деятельность дома Ротшильда. Широкая учредительская деятельность и вообще профессиональное учредительство начались, по видимому, в первую пору железнодорожного строительства, следовательно, с 30-х годов прошлого века. И здесь Ротшильды (наряду с некоторыми другими еврейскими фирмами, как Эйхталь, Фульды и др.), надо думать, первые занялись этой деятельностью и довели ее до расцвета.

Точные цифровые данные имеются у нас лишь (насколько мне известно) о длине концессионированных линий или, в лучшем случае,

о величине вложенного капитала, но не о степени участия отдельных учредительских фирм. Нам известно, однако, большое количество очень важных железнодорожных линий, которые были «построены» Ротшильдами (французская северная железная дорога, австрийская северная железная дорога, итальянско-австрийская железные дороги и многие другие).

Что Ротшильды в действительности были первыми «железнодорожными королями», мы можем заключить, главным образом, из показаний компетентных современников. «Когда в последние годы (до 1843 г.), — говорится в одной возбудившей большой интерес (и впоследствии часто цитированной) статье «Augsburger Allgemeine Zeitung» от 1843 г., — дух спекуляции обратился в сторону промышленных предприятий и железные дороги стали необходимостью для континента, Ротшильды взяли на себя инициативу и стали во главе движения». Дом Ротшильдов, во всяком случае, играл в постройке железных дорог такую же видную роль, как раньше при эмиссии займов. «Без его покровительства редко обходилась организация компаний; а если они возникали без такой протекции и дом Ротшильдов в них не принимал никакого участия, то несомненно, что от них нельзя ждать большой выгоды» (в Германии). «В сфере железнодорожных дел дом Ротшильдов не образует обществ; если он поддерживает концессию на железную дорогу, то участие в такой концессии каждого отдельного лица является льготой или денежным подарком, который дом Ротшильдов преподносит своим друзьям... Так наз. промиссы стоят уже на несколько франков выше *pari*... Из этого видно превосходство и могущество Ротшильда во всех его предприятиях, счастливый исход которых, за малыми исключениями, покоится всецело в его руках» (во Франции), «Ротшильд, а не правительство является хозяином железных дорог... Там, где обыкновенно господствовал раньше мощный кулак, господствует теперь общество... и все эти общества невольно подчинены одному шефу, так как этот дом при желании может уничтожить все остальные. И этот шеф — Ротшильд. Так говорил Ад. Вейль в своей брошюре о Ротшильде в 1844 г., да и теперь, в 1857 г., это приблизительно (?) так же верно» [43, С. 85 и сл.].

Эти суждения современников могут служить для нас хорошим источником по той причине, что они, во-первых, содержат много фактического материала и, во-вторых, высказаны в аналогичной форме как приверженцами, так и противниками Ротшильдов.

Со времен же Ротшильдов учредительное дело в течение многих десятилетий оставалось специальностью еврейских дельцов. Носители очень известных имен среди учредителей, как, напр., барон Гириш или д-р Струсберг, были евреи (американские магнаты трестов образуют особенный тип, и их, собственно говоря, нельзя назвать профессиональными учредителями, вроде д-ра Струсберга). Но массу мелких и средних профессиональных учредителей также составляют евреи. Достаточно взглянуть на эпоху грюндерства в 1871—1873 гг. в Германии, чтобы убедиться, что во всех предприятиях тогда участвовало поразительное число евреев¹.

И надо иметь еще в виду, что приводимый ниже цифровой материал дает далеко неполное представление о данном вопросе, потому что: 1) он касается лишь части «учреждавшихся предприятий» (и как раз самых «гнилых», коих предусмотрительные евреи, пожалуй, чаще всего избегали) и 2) во многих случаях евреи были внутренними пружинами и внешнее представительство предоставляли другим, подставным лицам. Несмотря на все это, цифры дают блестящую картину.

Из 25 крупных частных учреждений первого ранга — 16 носят еврейские имена.

Из 13 основателей «Königs und Laurahütte» — 6 евреев.

Из 6 основателей «Continentale Eisenbahngesellschaft» (с капиталом в 10 млн талеров) — 4 еврея.

Из 80 членов наблюдательных советов (Aufsichtsrat) 12-ти берлинских землевладельческих обществ — 27 евреев.

Из 8 основателей «Bauverein U. d. Linden» — 4 еврея.

Из 104 основателей 9-ти строительных банков — 37 евреев.

Из 54 основателей 9-ти берлинских пивоваренных заводов — 27 евреев.

¹ Лучшим источником для «эпохи грюндерства» в Германии, несмотря на тенденциозность, односторонность, преувеличения и отчасти совершенно превратную общую оценку, остаются столь сходные произведения *Оно Глагаву. Der Börsen- und Gründungsschwindel in Deutschland* (1877) и *Der Börsen- und Gründungsschwindel in Deutschland* (1887). Самым ценным в этих произведениях является краткое историческое изложение различных учреждений, где всегда отмечены имена учредителей, первых членов наблюдательных советов, и директоров. Ср., впрочем, различные «Salings Börsenpapiere» и *Meyer Riid. Die Aktiengesellschaften 1872—1873* (касается только основания банков).

Из 148 основателей 20-ти северогерманских механических заводов — 47 евреев.

Из 49 основателей 10-ти северогерманских газовых заводов — 18 евреев.

Из 89 основателей 20-ти бумажных фабрик — 22 еврея.

Из 67 основателей 12-ти северогерманских химических фабрик — 22 еврея.

Из 65 основателей 12-ти северогерманских текстильных фабрик — 27 евреев.

Установить степень участия евреев в учредительном деле настоящего времени возможно только там, где частные банкиры играют еще видную роль, как, напр., в Англии. Здесь из 63 Merchant Bankers, отмеченных за 1904 г. в альманахе банкиров, 33 фирмы приходится на долю евреев или имеют в себе еврейскую примесь; из этих 33-х фирм 13 принадлежат к самым крупным (по сообщению моего коллеги Иоффе). В тех же странах, где частные банкиры в значительной степени вытеснены акционерными банками (особенно в Германии) чрезвычайно трудно с точностью определить процентное отношение евреев. Тут-то очень кстати приходится примененный мною в этом исследовании «генетический» метод, который при анализе превращения акционерных банков в носителей учредительного дела ясно обнаруживает влияние евреев.

Применение акционерного принципа к производству фондов или, выражаясь по принятой мною терминологии, овеществление эмиссионного учредительного дела означало в свое время первый этап в развитии капитализма. Значение этого процесса чрезвычайно велико, потому что благодаря ему необыкновенно разросся динамический принцип капиталистической организации и во много раз усилилось атмосферное давление капиталистических интересов.

Без спекуляционных банков немислимы наиболее крупные эпохи грюндерства: ни создавшая эти банки эпоха 60-х годов, ни эпоха 70-х и еще менее последняя эпоха 90-х годов. Колоссальное дело железнодорожного строительства могло быть завершено только благодаря посредничеству крупных учредительных банков. Хотя частные фирмы в 30-х и 40-х годах сделали в этом отношении очень много, но все это не выдерживает сравнения с тем, что совершили крупные банки. Во Франции израсходовали на постройку железных дорог в период 1842-1847 гг. 144 млн фр., в период 1848-1851 гг. — 130 млн фр.; для этой же цели израсходовали в 1852—1854 гг. 250 млн, за один только

1855 г. 500, а за один 1856 г. — 520 млн. То же самое мы видим и в других странах. «Вся громадная работа по постройке нашей (немецкой) обширной железнодорожной сети за этот период времени (1848—1870) была совершена исключительно с помощью банков» [211, с. 48].

Мы прекрасно понимаем, на чем основывалась эта большая продуктивность банков по сравнению с частными фирмами.

С одной стороны, благодаря скоплению больших капиталов в колоссальных акционерных банках, естественно, значительно расширился операционный базис, на который уже могло опираться создание новых предприятий. Он расширялся бы до бесконечности, если бы (как в Германии) учредительный банк был основан на депозитном банке. С другой стороны, импульсы к новым учреждениям росли в той мере, в какой акционерное общество, вообще, интенсивнее толкает к деятельности, чем частное предприятие. Необходимость извлечь из предприятия высокие дивиденды служит постоянно гораздо более побудительным фактором, чем простое стремление к прибыли у отдельного предпринимателя.

Как велико было сознание современников, что они переживают явление чрезвычайной важности — когда одни акционерные общества стали плодить новые акционерные общества, видно из дифирамбического прославления этих новых формаций уже выше упомянутым Кунце, который в то время был еще охвачен совершенно наивным преклонением перед капитализмом. Он пишет: «Эта идея, — социальной централизации сил, — нашла в институте бумаги на предьявителя свою, так сказать, юридически-художественную форму, а в новейшей юной форме кредитных товариществ она достигла своего самого широкого применения, какое только может себе представить человеческое воображение. В этих новых центральных кредитных товариществах, через посредство которых в обращение неисчислимая масса спекуляционных и ценных бумаг на предьявителя, современное стремление к организации и ассоциации социально-экономических ценностей и сил нашло свое самое совершенное выражение; центральное кредитное товарищество есть подлинно наиболее превосходное акционерное товарищество; это — ассоциативный банкирский дом, это капиталист — en gros, это — воплощенный в жизнь социальный принцип» [152, с. 23].

Этими «центральными кредитными товариществами», так восторженно воспетыми Кунце, были основанный в 1852 г. *Crédit mobilier*

и возникшие по его образцу в последующие годы учредительные банки в остальных государствах. Я намеренно говорю: учредительные банки, ибо в банковом способе ведения учредительного дела заключается принципиально важное нововведение, к которому позже присоединилось второе нововведение: биржевая спекуляция фондами. До сих пор для новых (теперь уже довольно старых) формаций, появившихся на свет с *Crédit mobilier*, все еще не нашли подходящего обозначения, которое метко и недвусмысленно выражало бы их настоящий характер. Эти формации суть фондовые банки, потому что они имеют дело с фондами; но это обозначение охватывает один только внешний момент. В конце концов и банк, принимающий в заклад фонды, есть тоже фондовый банк, ибо и он «имеет дело» с фондами. Название «спекуляционный банк» является уже более подходящим, так как банки этого рода действительно спекулируют. Но «учреждать» все-таки не значит спекулировать, а они как раз ведь имеют свою целью занятие учредительным делом. Название «Кредитные банки для движимого имущества», перевод также очень мало характерного слова *Crédits mobiliers*, — меньше всего подходит к их учредительным и спекуляционным функциям. Они, конечно, представляют собою также «предпринимательские банки» («Anlagebanken»), но участие в капиталистических производственных (или торговых) предприятиях как раз не служит характерной чертой *Crédits mobiliers*. «Вкладные банки» (?) существовали уже задолго до 1852 г. Основанный Дженом Ло банк был уже вкладным банком. Вкладным банком был и проектированный в 1761 г. в Австрии торговый банк, который с капиталом в 10—15 (позже в 60) млн намеревался взять в свои руки левантийское судоходство, поставки для армии, табачную монополию, торговлю талерами, равно как и сбыт продуктов добывающей промышленности; он имел в виду также основание новых фабрик и приобретение уже существующих [см.: 12, с. 36]. Вкладным банком была основанная в 1822 г. в Брюсселе «*Société générale des Pays Bas pour favoriser l'industrie nationale*», — которое уже в 1849 г. имело в своем портфеле 90 836 ¹/₂ акций 46-ти различных акционерных предприятий, с номинальной ценностью в 68 729 202 франка. Вкладным банком было также основанное в 1848 г. Шафгаузенское банковое общество,konto которого, в статье «Участие в промышленных предприятиях» в 1851 г., составляло уже 434 706 талеров, и в деловом докладе которого от 1852 г. (с. 3) говорится: «Дирекция исходила при этом из того основного принципа, что задача

крупного банковского учреждения заключается не столько в том, чтобы путем личного участия создавать новые промышленные бумаги, сколько в том, чтобы авторитетностью своей рекомендации, основанной на широком знании дела, побуждать капиталистов страны вкладывать свои свободные, под спудом лежащие капиталы в эти предприятия...» Нет, новая идея заключалась в том, чтобы *не* «участвовать» в промышленных и подобных предприятиях и все-таки наживаться на них, — наживаться не путем приносимых ими дивидендов, а посредством ажиотажной прибыли при выдаче акций.

В учредительном деле отчетливо выступает параллель с спекуляционной торговлей: имеющаяся в виду цель заключается не в подлинном предприятии, а в получаемой от предприятия «прибыли на разницу». В этом отношении название: спекулятивные банки лучше всего соответствует специфической деятельности «*crédits mobiliers*», которых, конечно, нельзя охарактеризовать одним словом — особенно тогда, когда они занимаются не только собственными им делами, как, например, вкладочным и эмиссионным делом, «законными» (?) банковскими делами и т. д. Банки вроде прежних *Crédits mobiliers* называются теперь во Франции *Banques d'affaires* [104, с. 9]: превосходное обозначение, имеющее (для нас) лишь тот недостаток, что оно — непереводимо.

Но и здесь, конечно, дело не в названии, а в самом предмете. С этой же точки зрения не подлежит никакому сомнению, что «*Crédit mobilier*» вводит банковый способ производства учредительного дела (и прибавим фондовой спекуляции). В этом нововведении нас всего больше интересует, что оно ведет свое начало от евреев.

История «*Crédit mobilier*» хорошо известна¹. Нас интересует в ней преимущественно тот факт, что духовными и финансовыми отцами

¹ Литература и источники подробно указаны в книге *Plenge Jon. Gründung und Geschichte des Crédit mobilier*. 1903. Самое изложение Pfengs кажется мне не везде удачным, а его стремление видеть в *Crédit mobilier* продукт сси-симоновской философии — лишь настолько правильным, насколько последняя имеет еврейский отпечаток. На мой взгляд, гораздо ближе к истине (несмотря на плохой о нем отзыв Plenge) труд *Heinr. Saitler. Die Effektenbanken* [221, с. 71 и сл.]. Впрочем, большая часть разногласий, как мне кажется, вызывается тем обстоятельством, что не всегда проводится резкая граница между идеальным Сг. т. (каким он имел быть по программе его основатель) и реальным Сг. т. (каким он стал в действительности).

«Crédit mobilier» были два португальских евреев, — Исаак и Эмиль Перейры, и что и остальные главные участники этого института были евреи. Список акционерных сумм, на которые подписались отдельные учреждения, показывает, что оба Перейры владели вместе 11 446 акциями, Фульд-Оппенгейм 11 445 и что между крупными акционерами находились еще братья Малю, Бен. Фульд, Торлония из Рима, Саломон Гейне из Гамбурга, Оппенгеймер из Кельна, — следовательно, главные представители европейского еврейства (за исключением Ротшильдов, так как «Crédit mobilier» был, главным образом, направлен против них).

Французский «Crédit mobilier» в последующие годы породил целый ряд (законных и незаконных) детищ; все они — еврейского происхождения.

В Австрии первый «Crédit mobilier» назывался «K. K. privilegierte o sterrei eh ische Kreditanstalt» и был основан в 1855 г. С. М. Ротшильдом.

Первым учреждением в Германии, проводившим принципы «Crédit mobilier», был торгово-промышленный банк (Darmstädter Bank), основанный в 1853 г. по инициативе Оппенгейма из Кельна. «По всей вероятности, основание Дармштадтского банка было не только инспирировано, но и основано при непосредственном содействии обоих гениальных французских финансистов; то признание «важности привлечения иностранных капиталов», о котором говорит отчет банка от 1853 г., следует, несомненно, отнести к «Crédit mobilier» [182, S. 43 и сл.]¹. Один из первых директоров Дармштадтского банка, по имени Гесс, был одним из главных служащих «Crédit mobilier».

Берлинское «DiskontogeseUschaft» основано Давидом Ганземапом, который был христианином. Но его первоначальная инициатива сводилась лишь к функциям простого оборотного банка, который не имел ничего общего с учредительными операциями и спекуляцией. Только в обращении Ганземана к членам банка от 22 апреля 1855 г. возбуждается вопрос о расширении его операций в этом направлении. Слова Ганземана звучат как слабое эхо статутов «Crédit mobilier».

Берлинское «Handelsgesellschaft», основанное в 50-х годах прошлого века, было третьим крупным спекуляционным банком. Сре-

¹ Из этой дельной книги позаимствованы также и приводимые мною данные о крупных великих спекулятивных бачках (поскольку эти данные все основаны на моем личном изучении предмета).

ди учредителей его мы находим несколько кельнских фирм, которые основали и Дармштадтский банк. Наряду с ними красуются имена известнейших банкирских домов Берлина, как Мендельсон и К⁰, С. Блейхрер, Роберт Варшауер и К⁰, Братья Шиклер и др.

Среди учредителей «Deutsche Bank» (1870) также преобладают еврейские элементы.

IV. Коммерциализация промышленности

Капиталистическое развитие достигает в настоящее время в спекуляционных банках своего кульминационного пункта. С их помощью коммерциализация хозяйственной жизни доводится до своего крайнего предела. Биржевая организация достигает своего совершенства.

Порожденные биржей, спекуляционные банки доводят самую биржу, т. е. спекуляцию, до полного расцвета. Благодаря им, фондовая торговля принимает небывалые и непредвиденные размеры¹. Ведь вся их внутренняя сущность, как мы видели, толкает на бесперывное увеличение фондов ради ажиотажной прибыли. Но и их собственные акции часто служат сильным стимулом спекуляции. И сами они не в малых размерах участвуют в спекуляции, непосредственно или же окольным путем — через посредство репортных сделок, которые, как известно, сделались ныне «самым могущественным злом спекуляции». Благодаря кредитованию спекуляционных бумаг, банкам дана возможность дешевого приобретения ценных бумаг; это вызывает впечатление денежного изобилия, что обыкновенно сопровождается усилением в публике интереса к покупке бумаг. Последнее, в свою очередь, означает импульс к повышению курса. С другой стороны, спекуляционным банкам представляется возможность понизить курс путем использования бумажного запаса в обратном направлении. Репортные же цены они могут устанавливать, сообразуясь со своими собственными спекуляционными планами, и т. д. Крупные банки, таким образом, действительно имеют в своих руках паровой кран машины, называемой

¹ Сравни также: *Ehrenberg R. Fondsspekulation, 1883* и *Weber Ad. Depositenbanken und Spekulationsbanken, 1902.*

биржей. Из этого господствующего положения крупных банков, особенно в Германии, а также и из того факта, что они, при обширном круге покупателей, могут в значительной степени уравновешивать фондовую куплю и продажу, из всего этого делается заключение¹, что процесс развития клонится к уничтожению биржи отдельными финансовыми силами, представителями которых являются в настоящее время крупные банки. Этот взгляд можно, однако, считать правильным лишь в том случае, если сказать: «биржа» упразднится финансовыми тузами, будучи поглощена ими. Биржа, как публичный рынок, быть может, и страдает от современного развития, но ее значение, как формы и принципа хозяйственных отношений, несомненно, возрастает, поскольку все более широкие области хозяйственной жизни делаются подвластными ее законам.

А этим путем совершается в возрастающем размере именно тот процесс, который я охарактеризовал термином коммерциализация.

Если выразить в одной фразе направление, по которому идет современное народное хозяйство, то можно сказать: биржевые доверенные банков нес больше и больше становятся господами хозяйственной жизни.

Все хозяйственные явления все более подпадают под власть финансовых сфер. Идет ли речь о возникновении нового промышленного предприятия, или о расширении уже существующего, или о доставке средств владельцу крупного базара для дальнейшего расширения его торгового заведения, — все это решается в помещении банков и банкиров. Точно так же и сбыт продуктов все больше становится проблемой финансового искусства. Самые крупные отрасли нашей промышленности, как, например, электрическая, представляют ныне настолько же финансовые общества, насколько и промышленные предприятия. Но и другие отрасли промышленности при завоевании рынка все больше попадают в зависимость от финансовых и биржевых сделок (подрядное дело!). Биржа оказывает влияние на цены большинства полуфабрикатов сырья, а также и на цены многих готовых фабрикатов, и кто хочет остаться победителем в борьбе с конкурентами, тот должен стать властителем биржи.

¹ См., напр.: *Gomoll A. Die kapitalistische Mausefalle*, 1908. Эта книга, несмотря на свое сенсационное заглавие, очень серьезна и принадлежит к лучшим описаниям биржевых приемов, появившимся за последние годы.

Наши большие транспортные предприятия уже давно представляют не что иное, как крупные финансовые и торговые общества. Можно поэтому смело сказать, что все хозяйственные процессы постепенно превращаются в чисто торговые дела, после того как выделенные из них технические функции передаются в руки отдельных, специально для этого назначенных, лиц.

Самым поучительным образчиком коммерциализации промышленности является, как известно, электрическая промышленность. Говоря кратко о ней, как о новом типе промышленной организации, надо сказать, что руководители электрических обществ были первыми, которые признали самой насущной необходимостью своего дела — самостоятельное создание рынка для сбыта. До того и крупнокапиталистическая промышленность довольствовалась преимущественно тем, что дожидалась получения заказов. Фабрика давала свое представительство какому-нибудь агенту в большом городе, и этот агент, бывший очень часто генеральным представителем многих других фирм, не проявлял особенно сильной инициативы при вербовке новых клиентов. Тут же взялись за покупателя. К нему старались подойти двояким путем. Прежде всего непосредственно (путем приобретения акций и т. п.) старались приобрести влияние в тех кругах, откуда должны были получиться заказы, напр. в обществах конных железных дорог, которые должны были перейти на электрическую тягу. А то или принимали участие в создании таких же предприятий или и совсем создавали их сами. Посредством такого рода деятельности большие электрические общества все более приближаются к типу учредительных и спекуляционных банков.

Затем, в целях создания рынка, разбрасывали по всей стране сеть отделений, которым было легче находить покупателя. Раньше полагались на представителя, теперь его функцию вербовки новых клиентов выполнял, по поручению общества, свой же служащий. Этим путем общества приблизились к публике, получили возможность ближе познакомиться с ее вкусами и легче удовлетворять их.

Известно, что такую систему сбыта ввела впервые в Германии «Всеобщая компания электричества» («Allgemeine Elektrizitätsgesellschaft») и что в создании этого нового типа промышленно-коммерческой организации больше всего поработал Феликс Дейч. Старые фирмы лишь постепенно перешли на новую дорогу. «Сименс и Галь-

ске» долгие годы считали себя слишком «важной» фирмой, чтобы «бегать за покупателем» (как они выражались), пока, наконец, директор Берлинер не ввел новых начал ведения дела и не занял таким образом опять первого места, с которого их выбила было «Всеобщая компания электричества».

Этот случай характерен, так как можно сказать, что с ним наступает момент, когда евреи проникают в обширную область товарного производства (и товарного транспорта) подобно тому, как они уже раньше проникли в область (биржевой) торговли, денежного и кредитного дела.

Я не хочу этим сказать, что с этого момента лишь начинается история евреев как «промышленников». Это было бы очень странно, так как есть большая вероятность предполагать, что уже с самых зачатков капиталистического производства евреи также участвовали и в нем. Ведь капитализм по своей внутренней сущности означает не что иное, как разложение хозяйственного процесса на его два элемента: технику и коммерцию, причем последняя доминирует над первой. Вероятность говорит и за то, что капиталистическая промышленность с самого начала дала евреям возможность проявить особенности своего характера (хотя вначале эта возможность была не так благоприятна, как стала с течением времени). И на самом деле, в течение всей ранней капиталистической эпохи мы повсюду встречаем евреев в качестве «промышленников», а часто и в качестве первых капиталистических предпринимателей в отдельных отраслях промышленности.

В одном случае они являются основателями табачной промышленности (в Мекленбурге, Австрии); в другом — основателями винокуренных заводов (в Польше, Богемии). В одном случае мы встречаем их в качестве фабрикантов кожаных изделий — (во Франции, в Австрии); в другом — в качестве фабрикантов шелка (в Пруссии, Италии, Австрии). То они производят чулки (Гамбург), то — зеркальное стекло (Фюрт), или — крахмал (Франции), или — бумажную материю (Моравия), и т.д.¹ Почти повсюду они являются основателями конфекционной промышленности и т. д. Из собранного мною мате-

¹ Этот материал я собрал из многочисленных источников, большей частью локально-исторического характера, перечислять которые здесь не имело бы смысла.

риала я мог бы привести еще целый ряд других доказательств в пользу того, что евреи в течение XVIII в. и в начале XIX в. участвовали в капиталистическом производстве. Но подробное изложение этой стороны еврейской хозяйственной истории кажется мне нецелесообразным, потому что она, как я полагаю, не содержит в себе ничего специфически еврейского. Евреи, благодаря тем или иным историческим случайностям, были втянуты в данную отрасль промышленности, которая, вероятно, и без них развилась бы тем же путем.

В одном месте положение евреев, в качестве помещичьих агентов (в Польше, Австрии), толкает их на путь винокуренных заводчиков, в другом — их роль при дворе доставляет им табачную монополию. В большинстве случаев их функция торговцев делает их передатчиками в домашней (ткацкой) промышленности. Но это превращение из торговцев пряжей в ткацких промышленников совершалось также часто, если не чаще, и с нееврейскими коммерсантами. Мы, следовательно, и в данном случае не можем констатировать какой-либо специфической еврейской черты.

Исключительно еврейской «специальностью» была торговля старым платьем, из которой развилась торговля новым платьем, поведшая за собой возникновение конфекционной промышленности. Но создающаяся таким образом причинная связь или слишком внешнего характера, чтобы можно было в применении к ней говорить о еврейском влиянии, или входит в период развития, на который я хочу указать. А именно нужно отметить, что роль промышленников евреи начинают играть лишь с того момента, когда процесс коммерциализации всецело охватывает товарное производство и товарный транспорт, следовательно, с того времени, как капитализм в своем чистом виде овладел и этими сферами, т. е. когда отличительным признаком стала, так сказать, техническая бесцветность предпринимателя. Все более вырисовывающаяся особенность нашей промышленности в том и состоит, что ее руководители могут в каждую данную минуту менять поле деятельности без ущерба для их талантов и способности. Это происходит именно потому, что все осадки технических особенностей отпали, и осталось только чистое золото коммерческо-капиталистической универсальности. Только с этого времени можно часто наблюдать, как какой-нибудь «предприниматель» начинает свою деятельность с кожи и кончает железом, после того как он предварительно прошел уже,

скажем, через спирт и серную кислоту. Предприниматель старого стиля еще носил на себе отпечаток своей специальной отрасли деятельности, новый тип предпринимателя, напротив, совершенно бесцветен. Нельзя себе представить, чтобы Альфред Крупп, Борзиг, Вернер фон Сименс производили что-нибудь иное, чем литую сталь, машины и электрические продукты; или чтобы Г. Г. Мейер заведовал не «Северо-Германским Ллойдом». Но если бы Ратенау, Дейч, Арнольд, Фридендер, Баллин завтра обменялись своими должностями, их продуктивность едва ли бы от этого много пострадала. Благодаря тому, что все они коммерсанты, случайное приращение деятельности для них безразлично.

Эту мысль можно формулировать также следующим образом: христианин начинает свою карьеру с техника, еврей — с коммивояжера или приказчика.

Было бы очень хорошо точно установить размер участия евреев в промышленности. Но для этого у нас нет необходимых источников. Приходится довольствоваться приблизительными выкладками, напр. вычислить количество евреев директоров и членов наблюдательных советов и их процентное отношение к общему числу тех же лиц. Очевидно, конечно, что такие вычисления не блещут совершенством. Не говоря уже о том, что иногда бывает трудно установить, еврей ли данное лицо или нет, голая цифра никогда не может служить основанием для выводов *о влиянии*. Кроме того, надо иметь в виду, что именно должности членов наблюдательных советов замещаются в зависимости от всякого рода соображений, — не только чисто деловых, — и что в очень многих учреждениях существует тенденция не сажать евреев на места руководителей дела. Таким образом, цифры представляют собой лишь минимум еврейского влияния.

И несмотря на все это, я привожу здесь цифры, любезно извлеченные для меня из последнего «Ежегодника немецкой акционерной промышленности» студ. Артуром Левенштейном. (Я беру цифры лишь для главных отраслей промышленности и располагаю их в убывающем порядке процентного участия евреев; при этом для электрической промышленности взяты все фирмы с капиталом в 6 млн марок, горнозаводской, суперфосфатной и химической промышленности — 5 млн марок и для машиностроительной и текстильной — 3 млн марок).

Отрасль промышленности	Всего	Евреев	% евреев
<i>Л Число директоров</i>			
Кожев. и каучук, промышленность	19	6	31,5
Металлург, промышленность	52	13	25,0
Электрическая	95	22	23,1
Пивоваренная	71	11	15,7
Текстильная	59	8	13,5
Химическая	46	6	13,0
Горнозаводская	183	23	12,8
Машиностроительная	90	11	12,2
Суперфосфатная	36	4	11,1
Цементн., древесн., стекольн. и фарфор, промышленность	57	4	7,0
Итого	808	108	13,3
<i>2. Число членов наблюдательных советов</i>			
Пивоваренная промышленность	165	52	31,5
Металлургия	130	40	30,7
Цементн., древесн., стекольн. и фарфор, промышленность	137	41	29,9
Суперфосфатная	156	46	29,4
Кожев. и каучуковая	42	12	28,6
Электрическая	339	91	26,8
Горнозаводская	640	153	23,9
Химическая	127	29	22,8
Машиностроительная	215	48	21,4
Текстильная	141	19	13,5
Итого	2092	511	24,4

Что же, — велико или нет участие евреев в указанных отраслях промышленности, просто в цифровом отношении? На мой взгляд, чудовищно велико, если только рассматривать одни цифры, те, что приведены выше (т. е. минимальные цифры). Ведь надо иметь в виду, что эта часть населения Германии, занимающая $1/7$ всех директорских постов и $1/4$ всех мест членов наблюдательных советов в промышленных учреждениях составляет среди общего населения страны ровно одну сотую.

Глава седьмая
**Образование
капиталистического
хозяйственного
воззрения**

У же то, что было сказано насчет участия евреев в овеществлении современной хозяйственной жизни, до известной степени показало, что влияние евреев простирается дальше внешних экономических форм, которые они развили. Биржевой оборот в том виде, в каком он сложился в течение последних столетий, является уже не одной только внешней организацией экономических процессов; особенности биржи нам станут понятны лишь тогда, когда мы верно оценим господствующий в ней дух. Новые формы промышленной организации были тоже продуктом особого «духа», и объяснить их можно именно как проявление такового. И потому я хотел бы обратить внимание читателя на тот факт, что наше народное хозяйство получило свой отпечаток от евреев не только в том смысле, что оно обязано им главнейшими особенностями своей внешней структуры, но что и внутренний распорядок современной экономической жизни, самые принципы ведения хозяйства, его, так сказать, истинный дух или, еще вернее, его идейное настроение можно большую часть свести к еврейскому влиянию.

Чтобы доказать верность этого положения, мы должны прибегнуть к несколько иным способам аргументации, чем употреблявшиеся до сих пор. «На основании документов» такого влияния, которое, по моему утверждению, имело здесь место, конечно, доказать невозможно или очень трудно. Точкой опоры для нашего анализа должно служить «настроение», господствовавшее в каждую данную эпоху в тех кругах, которые прежде и резче всех сталкивались со свое-

образным духом еврейства, как с чем-ю чуждым. А это именно есть нееврейский торговый люд или же его идеологи. Мнения этих элементов, при всей их односторонности, а частью и крайней враждебности, служат все-таки самым надежным источником для ознакомления с интересующим нас вопросом, потому что они представляют собою совершенно новую реакцию на столь отличную от них еврейскую среду и отражают эту реакцию, как бы в зеркале (правда, часто совершенно кривом зеркале). Конечно, желая использовать отзывы заинтересованных современников, как источник познания экономической своеобразности евреев (современников, видевших, по весьма понятным причинам, в евреях своих злейших врагов), мы всегда должны читать у них между строк и стараться извлекать верный смысл из часто очень превратных суждений. А это значительно облегчается почти схематическим однообразием таких суждений, которые, по-видимому, объясняются не заимствованием, а однородностью или сходством причин, вызывавших эти суждения. Такое однообразие отзывов, естественно, очень усиливает их (правда, порою лишь косвенную) доказательную силу и убедительность.

Мы, прежде всего, сталкиваемся с тем фактом, что повсюду, где евреи выступают конкурентами, раздаются жалобы на их вредное влияние на положение христианских купцов. Существование последних, говорится в разных петициях и докладных записках, находится в опасности; евреи лишают их «заработка», причиняют им ущерб и отнимают у них «пропитание», так как покупатели переходят к евреям. Для иллюстрации приведу несколько выдержек из документов XVII—XVIII вв., т. е. той эпохи, которая для нас прежде всего имеет значение.

Германия. В 1672 г. представители Бранденбургской марки жалуются, что евреи отнимают «у других жителей страны пищу из подноса» [149, с. 97]. В донесении данцигского купечества от 19 марта 1717 г. говорится почти в тех же словах, что «эти вредные люди вырывают у них хлеб изо рта» [260, с. 243]. Жители Магдебурга (1712—1717) протестуют против допущения евреев, «ибо благосостояние города и прекрасные результаты коммерческой деятельности объясняются отсутствием в городе еврейской торговли» (96, с. 370). В представлении Эттенгейма (1740) епископу говорится, что «евреи, как известно, приносят обществу только величайший вред и гибель». Этот взгляд вылился в поговорку: «Alles verdirbt in der Stadt, wo es

viele Juden hat» («Все гибнет в городе, где много евреев») [цит.: 162, с. 91-92].

В общем введении к прусскому эдикту от 1750 г. говорится: «Так называемые купцы в наших городах... жалуются, что торговцы-евреи, имеющие тот же товар, причиняют им большой убыток». И христианские купцы Нюрнберга должны были быть свидетелями того, как их клиенты шли закупать к евреям. Когда евреи были изгнаны из Нюрнберга (1499), они в большом числе переселились в Фюрт. Нюрнбергские жители, искавшие, как потребители, конечно, своей выгоды, нашли благоразумным впредь делать свои закупки в Фюрте. И без конца сыплются в течение целого XVII—XVIII вв. постановления городского совета, имевшие целью запретить или, по крайней мере, положить известные пределы закупкам у фюртских евреев [см.: 10, с. 68 и сл.].

Известно, что все торговые гильдии (точно так же, конечно, как и цехи ремесленников) в продолжение всего XVIII в. не принимали евреев в свои организации¹.

Англия. То же враждебное отношение христианских торговцев к евреям замечается и здесь в течение XVII—XVIII вв.: «Еврей — хитрый народ, лишаящий английских купцов того дохода, который они могли бы получить в иных обстоятельствах»; они занимаются своими делами во вред английским купцам². В 1753 г. прошел было закон, сделавший возможным натурализацию евреев. Но нерасположение населения к ненавистному народу было так велико, что закон этот был в следующем же году отменен. Среди доводов, приведенных против допущения евреев в английское подданство, не последнюю роль играло опасение, что евреи, наводнив страну после натурализации, «вытеснили бы англичан из их насиженных мест»: «Oust the natives from their employment»³.

Франция. Те же жалобы простираются от Марсея до Нанта. В докладной записке купцов г. Нанта от 1752 г. говорится: «тор-

¹ См., напр., о действиях берлинского цеха крамарей: *Geiger. Geschichte der Juden in Berlin*. Т. 2, (1871), с. 24, 34.

² *Child Jos. Discourse on trade* 4. ed., p. 152. Чайльд передает лишь «общее мнение», не сомневаясь, однако, в сто справедливости (несмотря на то что он симпатизирует евреям). Он говорит лишь: то, в чем упрекают евреев, совсем не есть преступление.

³ Выдержки из полемических произведений того времени см.: 117, 274 и сл.

говля этих чужестранцев... причинила значительное зло купцам этого города, так что, если они не имеют счастья заслужить расположения этих господ, они лишены возможности содержать свою семью и вынуждены отказаться от уплаты податей» (23, с. 88 и сл., особенно 111 и сл.).

«Все бегут к еврейским купцам», — жалуются христианские торговцы из Тулузы в 1745 г.¹ «Мы настоятельно просим вас воспрепятствовать успехам этой нации, которая, несомненно, внесет расстройство (boulevererait) в торговлю Лангедока», — говорится в одной докладной записке торговой палаты в Монпелье². И цех купцов в Париже сравнивает евреев с осами, проникающими в пчельники лишь для того, чтобы убить пчел, вскрыть соты и высосать собранный там мед [171, с. 92J.

«Допущение этих людей может оказаться очень опасным. Их можно сравнить с осами и т.д. ... Таковы евреи. Пускай судят по единодушию этих отзывов о серьезности еврейского вопроса, рассматриваемого с точки зрения интересов торговли» [171, с. 92].

В Швеции и в Польше [38, с. 82 и сл.; 92, с. 443 и сл.; 244] - везде та же песня. В 1619 г. магистрат г. Познани в адресе, поданном королю Сигизмунду III, жаловался на то, что «купцы и ремесленники испытывают затруднения из-за еврейской конкуренции».

Но одного указания на тот факт, что евреи являются «помехой для пропитания», еще недостаточно. Интересно знать причины, почему они сумели так успешно конкурировать с христианскими купцами. Только когда мы обнаружим эти причины, станет понятна вся своеобразность еврейских коммерческих приемов, в которых, очевидно, и кроются причины их успехов. Мы вскроем «les secrets du négoce» [торговые секреты], о которых говорит Савари в цитируемом ниже месте.

Обращаясь снова к непосредственно заинтересованным современникам или людям, близко стоявшим к явлениям повседневной

¹ Les juifs et les Communautés d'Arts et Metiers в «Revue», 36, с. 75 и сл.

² Maignial M. La question juive en France en 1789, (1903). На стр. 86-й и сл. приводится богатый материал, по которому можно судить о настроении французских купцов против евреев в продолжение XVII-XVIII вв.

Отзыв Вегелина в гражданской курии (шведского рейхстага) в 1815 г. см.: 181, с. 513 и сл., 522.

жизни, мы получаем, прежде всего, опять единодушный ответ: превосходство евреев вытекает из *нечастого ведения дел*. «Евреи и комиссары имеют один закон и одну вольность, называемые ложью и обманом, если только это ИМ выгодно, — говорит Филапдер фон Зиттевальд¹. Такой же общий и безусловный характер носит суждение, высказанное в забавном «словаре обманов», составленном «тайным советником и начальником» Георгом П. Генном [110]. Здесь под рубрикой «евреи» значится: «евреи обманывают, как вообще, так и в частности...» В том же духе составлена статья «евреи» в «Allgemeine Schatzkammer der Kauffmanschaft» [3, 1158 и сл.].

Один «изобразитель нравов» рассказывает, ничтоже сумняшеся, о евреях Берлина: «Они... живут грабежом и обманом, которые, по их понятиям, не являются преступлением» [31, с. 203].

Французским pendant к этому может служить суждение Савари: «евреи пользуются репутацией очень ловких купцов, но их подозревают в том, что они прибегают к несомненно честным и правдивым приемам» [222, с. 447].

И эти общие мнения находят в каждой петиции христианских купцов свое специальное подтверждение для той местности и отрасли, к которым относится данная петиция.

Но если присмотреться в отдельности к коммерческим приемам, в которых упрекали евреев, то весьма скоро убеждаешься, что многие из них имеют очень мало общего с обманом, — даже если этому понятию придать широкое значение, напр. преднамеренного нарушения или утайки правды или желания ввести в заблуждение с целью причинения убытков. Обозначение «обман», по-видимому, служит лишь для того, чтобы в одном слове выразить тот факт, что евреи в ведении своих коммерческих дел не всегда считались с существующими правовыми и этическими нормами. Таким образом, характерным приемом деятельности еврейских торговцев являлось нарушение известных традиционных обычаев христианских торговцев или (в редких случаях) нарушение законов, главным же образом, — погрешности против «добрых нравов» купечества. Если же еще ближе присмотреться к делу и прежде всего проследить принципиальную сущность отдельных погрешностей, в которых упрекали евреев, то окажется, что в борьбе между еврейскими и хрещен-

¹ *Sittewalds Phil, von Geschichte*, op. cit.

анскими торговцами все вертится около борьбы двух мировоззрений или, по меньшей мере, двух в принципе различных или противоположных экономических воззрений.

Чтобы понять это, мы должны вспомнить, каким духом проникнута была хозяйственная жизнь, в сферу которой, начиная с XVI в., опять стали все больше проникать евреи и к которой они, по-видимому, стали в такое резкое противоречие, что их рассматривали везде как «помеху для пропитания».

В течение всего того времени, которое я называю раннекапиталистической эпохой, следовательно, в те столетия, когда еврейский дух прокладывал себе дорогу во все хозяйственные отношения, господствовали те же основные экономические воззрения, как и в средние века: феодально-ремесленные, находившие свое внешнее выражение в сословном строе общества.

Согласно этим воззрениям, которые являются доминирующими, определяющими весь остальной образ мыслей и действий, в центре экономических интересов стоит человек. Человек, как производитель и потребитель благ, своими интересами определяет отношения как отдельных лиц, так и всего общества; определяет внешний порядок экономического процесса точно так же, как и формы деловой практической жизни. Все мероприятия, — как всего общества, так и отдельных лиц, — имеющие своей целью урегулирование экономических явлений, носят личный, индивидуальный характер. Основное настроение всех участвующих в экономическом процессе носит личную окраску. Конечно, этого не надо понимать в том смысле, что каждый хозяйственный субъект может распоряжаться в народно-хозяйственной жизни по своему усмотрению. Наоборот, индивидуум, как известно, связан определенными объективными нормами; но эти самые нормы, — что особенно важно — проникнуты индивидуалистическим духом: жизненные блага производятся и обмениваются для того, чтобы потребители могли в достаточной степени удовлетворять свои потребности, а также для того, чтобы и производители, и торговцы могли вести беспечальное существование в пределах традиционного жизненного обихода. Это можно было бы также выразить словами: экономический процесс рассматривался еще собственно с точки зрения натурального хозяйства, т. е. категория качественно определенных потребительных благ стояла еще в Центре оценки жизненных отношений.

Производитель и торговец должны своей деятельностью снискать себе пропитание соответственно своему социальному положению. Эта идея «пропитания» еще насквозь пропитывает воззрения большинства хозяйствующих субъектов в раннекапиталистическую эпоху, даже там, где их экономическая деятельность принимает уже капиталистические формы. Эта идея находит свое внешнее выражение в письменно фиксированных распорядках народного хозяйства, а свое теоретическое обоснование в сочинениях о торговле: «Уменьшение или упадок пропитания наступают тогда, когда кто-нибудь приведен в такое состояние, что доход его становится меньше, чем это ему нужно для честного существования или для удовлетворения кредиторов» [3, с. 17].

Беспредельное, безграничное стремление к наживе считалось еще в течение всего этого времени среди большинства хозяйственных субъектов непозволительным, «нехристианским», как и вообще над всеми умами господствовал еще, по крайней мере, официально, дух экономической философии Фомы Аквинского. «Если ты... один владеешь каким-нибудь товаром, то ты можешь искать честной прибыли; но только в такой мере, чтоб это было по-христиански, и чтобы твоя совесть была чиста, и чтоб не было вреда душе твоей» [3, с. 1326]. Здесь, как и во всех превратностях экономической жизни, религиозная или этическая заповедь всегда оставалась высшим руководством; не было и речи о выделении хозяйственного мира из религиозно-этической сферы общественного союза. Каждое отдельное действие подлежит еще непосредственному ведению высшей этической инстанции: Божьей воле. И эта воля, — поскольку преобладал средневековый дух, — была решительно направлена против меркантильного понимания вещей, так что уже поэтому вся христианская экономическая жизнь старого стиля была этически уравновешена.

Производитель и торговец должны обеспечивать свое существование. Эта руководящая идея приводила, прежде всего, к отмежеванию определенного круга деятельности для всех торговых элементов данной страны или данной местности точно так же, как и для каждого отдельного хозяйственного субъекта. То, что здесь сказано относительно средних веков¹, имело силу для всех хозяйственно-

¹ Особенно метко схвачено у *Eberstadt Rud.* *Französisches Gewerberecht* (52, с. 378 и сл.).

правовых воззрений вплоть до начала XIX в., а именно, — что с определенным правом всегда связывалась определенная сфера распоряжения, что положение индивидуума определялось не указанием на общие права, а наделением его определенной сферой власти.

Поэтому общество (все еще чувствовавшее себя ответственным за отдельных индивидуумов) заботилось прежде всего о том, чтобы вся совокупность производителей и торговцев располагала достаточно широким поприщем для продуктивной деятельности; это основная мысль всякой меркантилистической политики, которая (и не только в данном отношении) являлась прямым продолжением хозяйственной системы средневековых городов. Сфера деятельности, необходимая для подданных страны, должна быть, в случае необходимости, завоевана и защищена силой. Вся торговая и колониальная политика меркантилизма исходит, как известно, из этой основной мысли. Расширение торговых отношений, а следовательно, и увеличение сферы сбыта является поэтому для туземного производителя исключительно проблемой военной, проблемой высшего развития власти. Где вообще имеет место конкуренция, — а это было только за пределами страны, — там успех решается высшей военной, а не коммерческой пригодностью.

Внутри же страны всякая конкуренция между отдельными хозяйственными единицами принципиально исключалась. Отдельное лицо получает свое поле для деятельности; на нем оно может распоряжаться, как предписано существующими нравами и традициями. Но оно не должно заглядывать в область соседа, где последний, подобно ему, спокойно довершает круг своего существования. Так, крестьянин получал свой надел: столько земли, пастбища и леса, сколько ему было необходимо для его хозяйства и для содержания его семьи. Эта крестьянская имущественная и хозяйственная единица является исходной точкой всех позднейших воззрений, между прочим, и тех, которые определяли круг идей промышленности и торговли. Крестьянское «пропитание» представлялось всегда идеалом: промышленный производитель и торговец тоже должны иметь свою отгороженную область, в которой могли бы выполнять свое назначение. Что для крестьянина был его надел, то для городского жителя составлял круг его покупателей; эти покупатели его продуктов были таким же источником его существования, как земля для крестьянина. Круг покупателей должен был иметь определенную

величину, чтобы предприятие могло в традиционном размере существовать на счет сбыта. Он должен был быть обеспечен каждому отдельному хозяйственному субъекту, чтобы доставлять ему возможность пропитания. К осуществлению этой цели клонится целый ряд мероприятий политико-экономического характера; эту же цель прежде всего преследует и коммерческая мораль. Право и мораль в течение всего этого времени, как и в средние века, одинаково стремятся к тому, чтобы оградить каждого отдельного производителя и торговца от вмешательства соседей в сферу его деятельности, т. е. в круг его покупателей.

Где дело шло об обеспечении одной коммерческой отрасли от вторжения в нее другой, там цеховой порядок охранял данную сферу владения, а во многих случаях, когда подвергалась опасности сфера владения какого-нибудь промысла, как целого, прибегал также к закрытию цеха. Торговые нравы и обычаи имели преимущественно своей целью защиту каждого отдельного купца от его товарищей по профессии, и эти обычаи в данном случае нас особенно интересуют, потому что весь строй хозяйственных воззрений находит в них свое наиболее яркое выражение.

Торговая же этика решительным образом предписывала спокойно выжидать в своей лавке покупателя, который, по всей видимости, не преминет явиться. Так Даниэль Дефо (он или его продолжатели написали знаменитую коммерческую книгу в первой половине XVIII в.) кончает свою проповедь: «имея Божие благословение и приложив собственные усилия, он может дожидаться своей доли в торговле с соседями»¹. Это положение всецело проникнуто духом «ремесла»: купец должен спокойно дожидаться своей доли в общей торговле. Посетитель ярмарки (в XVIII в.) также «ждет день и ночь в своей лавке прихода покупателей» [3, с. 148].

«Ловля покупателей» осуждалась строжайшим образом; считалось «нехристианским», безнравственным отбивать покупателей у своего соседа [3, с. 677]. Между «правилами для купцов, торгующих товарами», находится одно, которое гласит: «Не отбивай ни у кого по-

¹ (*Defoe Dan.*) The complete English Tradesman. 1. Ed., 1726. Я пользовался вторым изданием в одном томе (1727) и пятым в 2 т. (1745), появившимся после смерти Дефо, который умер в 1731 г. Приведенная цитата находится во втором издании, с. 82.

купателей ни устно, ни письменно; и не делай также другому ничего, чего ты сам себе не желаешь» [там же, с. 1325]. Соблюдение этого принципа строго подчеркивалось и торговыми уставами. В «Майнцком полицейском приказе (XVIII) говорится (там же, с. 1326), что «никто не должен удерживать другого от купли или поднимать цену товара предложением лучших условий, под страхом конфискации купленного товара; никто не должен вмешиваться в торговлю другого или *вести свою собственную таким образом, чтобы другие граждане от этого разорялись*». Статья 18 саксонских торговых уставов от 1672, 1682, 1692 г. гласит [там же, с. 1392]: «Ни один торговец не должен отзываться от другой лавки или ларька покупателей; не должен ни предостережениями, ни другими жестами и знаками удерживать их от купли, равно как не зазывать покупателей в лавку или магазин другого, даже если они должники его».

Совершенно последовательно осуждались также все отдельные приемы, имевшие целью увеличение круга покупателей.

Еще в течение первой половины XVIII в. даже в Лондоне считалось непристойным, если купец особенно украшал свою лавку и стремился завлечь покупателей всякого рода привлекательными витринами. Не только упомянутый Дефо, но и позднейшие издатели его труда (напр., 5-го издания 1745) возмущаются недобросовестными приемами, в которых, — как сами они с некоторым чувством удовлетворения констатируют, — провинилось, правда, только несколько кондитеров и торговцев игрушками¹.

К недозволенным приемам в раннекапиталистическую эпоху, вплоть до XVIII в., принадлежало, насколько мне известно, и публичное объявление о торговле, особенно в форме выхвалявания (что касается Голландии, о которой я недостаточно осведомлен, то здесь, по-видимому, уже в XVII в. привилась система объявлений).

Торговые объявления вообще входят в обыкновение в Голландии лишь во второй половине, в Англии — к концу XVII в., а во Франции гораздо позже. Основанная в 1667 г. гентская газета *Rozp-Ti'sInſen*, содержит первое объявление в номере от 3 октября того же года [18, с. 30 и сл., цит. в: 137, с. 253]. Лондонские газеты для объявлений 60-х годов XVII в. вообще еще не содержали никаких

¹ См. в высокой степени поучительное 19-е письмо (во 2-м издании, соответствующее 22-му в пятом) «Of fine shops and fine shews».

торговых объявлений; даже большой пожар не побудил ни одного купца довести до сведения публики хотя бы свой новый адрес. Торговый мир, сначала ограничивавшийся раздачей объявлений на улицах, постепенно привыкал рассматривать газету, как орган для публикаций, со времени основания Джоном Гуттоном (Houghton) в 1682 г. «Collection for the Improvement of Husbandry and trade»¹. Спустя полвека после этого Постлетвайт пишет [202, т. 1, с. 22 и сл.]², что объявление в газетах в настоящее время все больше входит в обычай. Еще несколько лет тому назад (a few years since) пользующийся уважением купец считал бы низким и постыдным (mean and disgraceful) сноситься с публикой посредством публичного извещения. Теперь же (1751) дело изменилось; теперь даже очень кредитоспособные лица считают газетное объявление самым простым и дешевым способом довести до сведения всей страны о предлагаемом ими товаре.

Во Франции в ту же эпоху дело, по-видимому, еще не зашло так далеко. Савари замечает в своем словаре (1726) под словом «Реклама»: «terme d'imprimerie; c'est le premier mot d'un cahier d'un livre» и т.д.; а под «affiche»: terme de maîtres pescheurs; «afficher»: terme de cordonnier и т.д. [222]. Лишь в дополнении (1732) он добавляет под словом «Affiche» (слово, бывшее, по-видимому, еще мало в употреблении и которое могло остаться незамеченным лексикографом — специалистом по политической экономии): «Плакат, вывешенный в публичном месте, чтобы уведомить публику об определенном предмете». К числу вещей, доводимых до сведения «публики» посредством публичного объявления, он относит: продажу кораблей, отплытие кораблей, объявление крупных обществ о прибившем корабельном грузе, если его намереваются продать с публичного торга; основание новых фабрик, перемену местожительства. Чисто торговых объявлений еще нет. Их нет в форме анонса и в газетах вплоть до второй половины XVIII века. Так, например, первый номер знаменитой газеты для объявлений «Les Petites Affiches»,

¹ Богатый материал, главным образом, английского происхождения: *Sampson Henry. A History of Advertising from the earliest times, 1875*, см. особенно с. 76 и сл., 83 и сл.

² Сам П. называет свою книгу переводом лексикона Савари; но, благодаря многочисленным дополнениям, труд этот приобретает самостоятельный характер. Замечу мимоходом, что он представляет собой неоценимый источник сведений для знакомства с хозяйственной жизнью Англии в XVIII в.

появившийся 13 мая 1751 г., не содержит ни одного настоящего торгового извещения¹. Таким образом, даже такое простое объявление, как «я продаю (или заготавливаю) в таком-то месте такой-то товар», вводится в употребление в Англии лишь в течение первой половины XVIII в., во Франции — еще позже. (В Германии мы встречаем в отдельных городах, как, напр., в Гамбурге единичные случаи торговых извещений в начале XVIII в.; только о книгах объявляли в общем гораздо раньше, но они составляют исключение благодаря специфическим условиям их сбыта.) Но особенно предосудительной, по-видимому, считалась реклама еще долгое время после того, как торговые объявления уже вошли в употребление, — реклама в виде восхваления, указания на преимущества одного заведения перед другим. Самой же высокой степенью коммерческого неприличия считалось заявление о назначении более низких цен, чем у конкурента.

Сбивание цен, «underselling», во всех формах считалось непристойным: «продавать во вред согражданину и отдавать слишком дешево — не приносит добра». («Seincn Neben-Burger zu Schaden zu verkauffen, und allzusehr zu schleudern, bringt keinen Segen») [3, с. 677].

Публичное же оповещение о такой недобросовестной конкуренции считалось прямо грязным приемом. В пятом издании «Complete English Trademan» (1745) находится следующее примечание издателя [Compl. English. Tradesman 5 ed. 2, 163]:

«С тех пор, как наш автор писал эту книгу (Дефо умер в 1731), безразличный обычай сбивания цен развился в таких бесстыдных размерах, что частные лица публично заявляют, что они отдают свои товары дешевле, чем другие купцы». И рядом с этим находится объяснение вызванного этим приемом возмущения объяснение, логически вытекающее из господствующей экономической этики: «Мы знали торговцев, предлагавших свой товар за такие цены, при которых солидный купец не может существовать»... Здесь чувствуется старый идеал «пропитания»! Обычные жизненные формы твердо определены; размер сбыта твердо установлен; следовательно, цены, по которым продаются отдельные товары, не должны падать ниже определенного минимума.

¹ Datz P. Histoire de la Publicité. 1894, с. 161 и сл. содержит факсимиле всего первого номера «Petites Affiches».

Что касается Франции, то мы располагаем особенно ценным документом, относящимся ко второй половине XVIII в., документом, из которого ясно видно, каким неслыханным явлением даже в Париже считалось сбивание цен и публичное о том оповещение. В ордонансе от 1761 г. говорится [Arch. Nat. n. 802, цит.:175, с. 247 и сл.], что подобного рода манипуляции могут быть рассматриваемы лишь, как акты совершенно отчаявшегося несолидного коммерсанта. Ордонанс строжайше воспрещает всем оптовым и мелким торговцам в Париже и его предместьях «бегать друг за другом», чтобы найти сбыт своему товару; особенно же раздавать объявления с указанием на свои товары. Мотивы такого предписания настолько характерны для духа, господствовавшего в руководящих кругах того времени, что нелишне привести дословно важнейшие места из него. Там говорится: «Несколько купцов этого города — Парижа — с некоторого времени распространяют в публике объявления от своего имени, чтобы известить о продаже своих материй и других товаров по цене, относительно которой они заявляют, что она ниже цены, по которой обыкновенно продаются эти товары у других купцов. Подобный прием является почти всегда последним ресурсом несолидного купца и должен быть строго воспрещен».

Но заботясь о производителе и торговце, общество не забывало и потребителя. В известном смысле последний являлся даже главной фигурой, так как еще не исчезло наивное представление о том, что производство и обмен благ в конечном счете существует для потребления, для его надлежащей организации.

Натуральная точка зрения еще господствовала и здесь; создание потребительных благ все еще является целью всякой экономической деятельности, и чисто товарное производство еще не сделалось ее содержанием. Отсюда, прежде всего, получилось стремление, так ясно выступающее в течение всей раннекапиталистической эпохи, производить хороший товар, — товар, являющийся в действительности тем, чем он кажется, следовательно, настоящий товар. Этим стремлением характеризуются все бесчисленные регламентации товарного производства, заполнившие XVII—XVIII вв. в невыпавших раньше размерах.

Теперь государство взяло контроль в свои руки и стало поддерживать товары в официальных местах правительственному осмотру.

Можно было бы, конечно, возразить, что как раз это государственное попечение о хорошем товаре доказывает, что хозяйственный строй мыслей того времени вовсе не был направлен на производство солидных потребительных благ. Но такое возражение было бы неосновательно. Государственный контроль ведь имел своей целью предупреждать нарушения со стороны отдельных менее добросовестных производителей. В общем же каждый старался доставлять хорошие, настоящие товары; такое старание свойственно всякому подлинному ремеслу и частью перешло также в период раннекапиталистической промышленности.

Насколько медленно прививался тот чисто капиталистический принцип, что для предпринимателя важна лишь меновая стоимость товара, что, следовательно, для капиталистических интересов безразлично качество потребительных благ, — в этом мы можем убедиться хотя бы из споров, которые велись по этому поводу в Англии еще в течение XVIII в. Й. Чайльд (Jos. Child), во многом расхолившийся с большинством своих современников, по-видимому, в пику другим, отстаивал и то положение, что качество товара, привозимого на рынок, следует предоставить личному усмотрению предпринимателя. Каким странным кажется нам теперь то обстоятельство, что Чайльд борется за право фабриканта производить негодный товар! «Если мы, — восклицает он¹, — хотим завоевать мировой рынок, то мы должны подражать голландцам и производить как самый хороший, так и самый дрянной товар, чтобы удовлетворять всем вкусам и рынкам!»

С этими понятиями органически связывается идея о *справедливой цене*, по-видимому, на долгое время сохранившая свое значение и для раннекапиталистической эпохи. Цена не есть нечто такое, чем каждый хозяйственный субъект может распоряжаться по своему усмотрению. Определение цен также подлежит высшим религиозным и этическим законам, как всякий другой экономический процесс. Они должны регулироваться таким образом, чтобы служить на благо как производителя, так и торговца и потребителя. Как это устроить, — этот вопрос решается не благоусмотрением отдельного лица, а объективными нормами. Откуда заимствовать такие нормы — это проблема, которая в различные столетия решалась различным

Child Jos. A new discourse of trade. 4 ed., p. 159.

образом. Средневековому мировоззрению, ярким представителем которого является, напр., Лютер, всего более соответствовало, чтобы цена определялась трудом и расходами, затрачиваемыми производителем (торговцем). Применяя современную терминологию, можно было бы сказать: цена определялась издержками производства. Под влиянием же все более развивающихся торговых отношений, которые стали сказываться особенно заметно с XVI в., совершается перемена в воззрениях на справедливую цену; все решительнее признается влияние на ее образование условий рынка. *Saravia della Calle*, имевший, по моему мнению, решающее влияние на развитие учения о цене, выводит уже *justum pretium* [лат. справедливая цена] исключительно из отношения спроса и предложения (как мы выразились бы [220]¹). Как бы то ни было, но важно то, что цена всегда оставалась явлением, ускользающим от усмотрения отдельной личности и имеющим обязательную силу для каждого хозяйственного субъекта, благодаря объективным нормам, из которых она вытекает. На этом мнении сходятся все писатели XVII в.: Scaccia, Straccilla, Turgi и др. И объективно-принудительным моментом в образовании цен является именно этический (не, как впоследствии, естественный) фактор: отдельный человек *не должен* произвольно определять цены (в то время как позже говорилось: он *не может* произвольно их определять).

Общее настроение, получавшееся от соблюдения всех этих отдельных принципов, было своего рода безмятежное существование, длившееся чуть ли не в течение всей раннекапиталистической эпохи. Основной чертой этого быта была известная устойчивость, традиционность отношений. Отдельный человек, даже если он занимался делами, не терялся еще в шуме и сутолоке этих дел. Он был еще господином самого себя. Он еще сохранял достоинство самостоятельного человека, не унижающего себя ради наживы. Везде в торговых отношениях господствует еще личная гордость. Всякий купец имеет еще, так сказать, собственную позицию, — в провинции, конечно, больше, чем в других городах, как центрах развивающейся капиталистической жизни. Внимательный наблюдатель того

¹ Сочинения его напечатаны вместе с сочинениями *Ventilii* и *Tabiano* в *Compendio utilissimo di quelle cose le quali a nobili e christiani mercanti appartengono*. 1561.

времени особенно превозносит «гордый и высокомерный тон провинциального купца» [180, с. 40]. Нам рисуется купец старого стиля в виде человека, который выступает с несколько угловатым, но важным видом, в брюках по колено, в длинном кафтане и парике; он привык исполнять свои дела без размышлений и особого решения; обслуживает привычный круг покупателей в привычной форме, не спеша, не горячась.

То, что в настоящее время считается лучшим признаком цветущей деловой жизни, — непрерывная всеобщая сутолока и возбуждение, — еще в конце XVIII в. считалось признаком праздности; погруженный в дела человек мог двигаться только тихим размеренным шагом. Когда упомянутый выше писатель Мерсье в 1788 г. спросил у Гримоль де ла Рейньер его мнение насчет лионских торговцев и промышленников, то получил на это чрезвычайно характерный ответ, как нельзя более ярко освещающий условия того времени [цит.: с. 82, с. 38—39]: *В Париже бегут, торопятся, потому что там нечего делать; здесь (в Лионе, центре шелковой промышленности и цветущем торговом городе) ходят медленно, потому что все заняты*.

К этой картине прекрасно подходит также набожный Nonconformist, квакер, методист, которого мы обыкновенно принимаем за одного из самых ранних носителей капиталистической идеи. А он важно, с чувством собственного достоинства идет своей дорогой. Как внутренняя жизнь, так и внешнее поведение должны были быть строго размерены. «Гулять с спокойствием, не болтать ногами» («Walk with a sober pace, not tinkling with your feet»), — гласит одна из заповедей пуританской этики¹. «Истинно верующий имеет, или по крайней мере, должен иметь размеренный шаг и величественную осанку»².

И против этого крепко сплоченного мира евреи пошли атакой. Мы видим, как они на каждом шагу грешат против этого экономического порядка и этого хозяйственного строя мыслей. Ибо жалобы христианских торгово-промышленников, служащие для нас самым важным источником, покоятся на конкретных фактах; это явствен-

¹ Memoirs of the Rev. James Fraser, written by himself. Select Biographies, 2, 280. Durhams Law unsealed p. 324; цит.: Букле. Gesch. der Zivilisation, 2, 377.

² Durhams Exposition of the Song of Salomon, p. 365; цит. у Бокля.

ет, как мы уже раньше видели, не только из сходства всех показаний, но и из аналогичного содержания этих жалоб.

Но разве одни евреи грешили против правовых и этических норм? Было ли справедливо делать принципиальные различия между «еврейской коммерцией» и всякой другой торговлей, характеризуя первую, как «несолидную», как более склонную ко лжи, обману, нарушениям закона и порядка, вторую же — как чуждую всяких несправедливых вожелений? Не подлежит никакому сомнению, что деловые приемы христианских производителей и торговцев также не были совершенно свободны от погрешностей против предписаний закона и добрых нравов. Такая тенденция имеется в самой природе человека, а при некотором знакомстве с явлениями той эпохи, о которой идет речь, нельзя утверждать, чтобы она в среднем воспитывала более добросовестных и верных своему долгу людей, чем всякая другая. Уже одна подавляющая масса предписаний и запрещений, которая регламентировала экономическую жизнь того времени, позволяет заключить, что склонность к нарушениям всякого рода была довольно распространена среди коммерсантов того времени. Но у нас есть еще много других фактов, из которых можно заключить, что коммерческая мораль отнюдь не стояла на особенной высоте.

Если только перелистать упомянутый выше «Словарь обманов», появившийся в начале XVIII в. и бывший в то время в большом употреблении (в течение немногих лет он был издан несколько раз), то вчуже делается страшно. Получается такое впечатление, что весь мир сплошной обман. Но если даже принять во внимание, что это впечатление особенно резко, благодаря собранию такого множества обманов на малом пространстве, то все-таки из чтения этой книги выносятся убеждение, что в те времена везде порядочно мошенничали. И это убеждение подкрепляется разными другими документами. Автор «Общей сокровищницы купечества» (1742), напр., заявляет [3, с. 666 и сл.]: «Таким образом, в нынешнее время можно мало найти товаров, не подвергшихся какой-нибудь подделке». Различные решения Имперского сейма (как, напр., от 1497), полицейские приказы (как, например, Аугсбургский от 1548), торговые уставы (как, напр., Любекский от 1607) имеют своим содержанием именно воспрещение фальсификации товаров. И как в товарном производстве не все обстояло благополучно, так и вообще в делах мошенничество не было большой редкостью. Злостный банкрот, по-ви-

димому, являлся для людей XVII—XVIII вв. особенно частой и трудно разрешимой проблемой. Мы то и дело слышим жалобы на частые случаи этого рода [см., напр.: 180, т. 2, с. 71 и сл. (Ch. CXXVIII)]. Чрезвычайная эластичность коммерческой этики английских купцов была в XVII в. общеизвестна. Подделки и обманы получили название «главного порока английских торговцев»¹.

«Наши земляки, — говорит один писатель² XVII в., — своим чудовищным взбиванием цен дают понять всему миру, что они обманули бы каждого, если бы это было в их власти».

В Ч Р М же R таким случае эщичочалась специфически еврейское? И можно ли вообще признать специфически еврейским то или иное отношение к существующему порядку? Я думаю — да; я думаю, что это специфически еврейское «отступление от закона» сказывается прежде всего в том, что в таких отступлениях дело идет не об отдельных безнравственных поступках отдельного грешника, а что тут проявляется общая всем евреям коммерческая мораль, — следовательно, та деловая практика, которая находит признание у всей совокупности еврейского коммерческого мира. Из общего и постоянного применения определенных приемов мы должны заключить, ^щйевреи совсем не считали безнравственным и, следовательно, не-? дозволенным этот противный существующему порядку образ действий, I а, напротив, были проникнуты сознанием, что они противопоставляют i настоящую мораль, «настоящее право» бессмысленному правовому \ и этическому порядку. Конечно, это не относится к тем случаям, когда речь идет о крупных прегрешениях против частной собственности. Само собою разумеется, что необходимо различать между требованиями и запрещениями, вытекающими, например, из института частной собственности как такового (это относится в равной мере ко всем областям права) и требованиями и запрещениями, вытекающими из определенных форм и способов осуществления права собственности. Нарушения против первых будут до тех пор считаться противозаконными и наказуемыми, покуда вообще будет существовать институт частной собственности; нарушения же про-

¹ *Sam. Lamb* в своей записке об учреждении национального байка противопоставляет небезупречным приемам английских купцов солидность голландцев. Записка эта напечатана в *Somers Tracts*, 6, 444 и сл.

² *Owen. Felltham* в появившихся в 1652 г. *Observations*. Цит. в: 26, с. 327.

тив последних будут рассматриваться различно, сообразно с изменяющимися на протяжении времени воззрениями на способы распоряжения собственностью (запрещение ростовщичества, привилегирование и др.).

В своеобразных деловых приемах евреев перемешивались нарушения общего порядка. В прежние времена евреи, несомненно, грешили и такими нарушениями, которые считались недопустимыми и в более серьезном, общем смысле, когда они, напр., (в чем их неоднократно обвиняли) попадались в утайке и торговле заведомо краденым товаром¹. Но применение таких чисто преступных приемов и среди евреев отнюдь не пользовалось общим одобрением. Здесь «приличные» элементы, несомненно, так же различались в своих воззрениях от бессовестных, как и в христианском мире. К тому же склонность к подобного рода приемам была присуща лишь определенным группам еврейского народа, которые находились под воздействием и взгляды которых на правду и неправду так же отличались от этики остального еврейства, как и от этики христиан.

История гамбургского еврейства дает нам интересные подтверждения такого противоположения различных элементов еврейства. Здесь в XVII в. португальская община берет на себя известную ответственность по отношению к администрации за ведение дел вновь поселившимися немецкими евреями. Сейчас же, после своего появления, «тэдэски» должны были обязать по отношению к португальской общине в том, что они не станут покупать краденых вещей и, вообще, не будут заниматься нечестными делами. Уже в следующем году старшины «тэдэсков» были призваны в «магамад» (правление общины сефардов), где им было сделано предостережение, потому что некоторые из них действовали вопреки упомянутому обязательству; то же самое имело место и во второй раз, потому что они купили у солдата награбленные вещи, и т. д.²

Нарушения евреями правовых и этических норм, — в чем их упрекали в течение всей раннекапиталистической эпохи, — несом-

¹ Евреев упрекали в покупке краденых товаров начиная с раннего средневековья вплоть до наших дней. См., напр.: 28, с. 222; 17, с. 12; 128, Г², с. 150; Allg. Schatzkammer, статья «евреи». Много подтверждений относительно Германии в книге *Liebe G. Das Judentum in der deutschen Vergangenheit*, 1903. Я еще вернусь к этому пункту и укажу и на другие источники.

² По протоколам португальской общины в Гамбурге [64, с. 279].

испно, происходили. И если рассматривать их как проявление коммерческой этики, одобряемой всем еврейством, и, следовательно, как специфически еврейскую деловую практику, то необходимо исключить такие крупные нарушения уголовных законов, к которым большая часть евреев относилась с порицанием (или, во всяком случае, дать им отдельную оценку). Необходимо ограничиться перечислением тех нарушений закона и, главным образом, господствовавших нравов, относительно которых можно предположить известный *consensus omnium* в еврейском коммерческом мире и, исходя из которых, мы можем заключить о наличии особенной еврейской экономической этики.

И что же мы видим?

Перед нашими глазами отчетливо вырисовывается еврей, прежде всего, как делец чистой воды, который сообразно духу чисто капиталистического хозяйства всем прочим вполне натуральным целям противопоставляет приоритет целей наживы. В эпоху еще неразвившегося капиталистического хозяйства он является своего рода представителем экономической этики, направленной исключительно на денежную прибыль. От христианина его отличало не то, что он «брал с лихвой», что он стремился к наживе, что он копил состояние, а то, что он делал, все это не тайно, а совершенно открыто и совершенно открыто же признавался в этом. Лучшим доказательством этому могут служить «Мемуары» *Глюкель фон Гамельн*. Для знакомства с характером и деятельностью евреев в раннекапиталистическую эпоху эта недавно переведенная на немецкий язык книга является во многих отношениях необыкновенно ценным источником. *Глюкель фон Гамельн* была женою гамбургского купца и жила в период первого могучего расцвета альтоно-гамбургского еврейства (1645-1724). Эта из ряда вон выходящая женщина представляется нам как и необыкновенно живой прототип тогдашних евреев. Ее повествование (особенно первые части его, в последующих сказываются следы старчества) поражает захватывающей правдивостью, поразительной свежестью и непосредственностью. Понистине богатая событиями жизнь рассказывает эта женщина — человек в полном смысле этого слова.

И если я ссыпаясь на эту превосходную книгу, чтобы подтвердить господство денежных интересов среди евреев того времени, то делаю это потому, что думаю, что это господство было действительно

очень распространенным, раз оно является наиболее характерной чертой даже у такой выдающейся женщины, как Глюкель. И ведь в самом деле, все ее помыслы и деяния (и заметим кстати — не ее одной, а всех лиц, о которых она рассказывает) сосредоточены на деньгах. Хотя о самом ведении дел в «Мемуарах» говорится мало, о деньгах, богатстве, наживе и т. п. упоминается в 609 различных местах (на с. 313). Когда она описывает разных лиц и их дела, всегда это сопровождается замечаниями, касающимися денежной стороны. Центральный пункт, сосредоточивающий ее внимание, эта выгодная в денежном отношении женитьба. Главный объект ее деловой деятельности — женитьба детей. «Он тоже видел моего сына, и дело было уже почти налажено, но пришлось разойтись из-за тысячи марок» (с. 238): такого рода фразы попадаются на каждом шагу.

Это совершенно своеобразное отношение евреев к вопросу о браке можно было бы рассматривать, как вообще признак большого значения, придаваемого им деньгам, и главным образом их склонности рассматривать с деловой точки зрения самые неценные вещи. Дети тоже имеют цену: это непреложная истина для евреев того времени. «Все они мои дорогие дети, все без исключения, как те, что стоили мне много денег, так и те, что мне ничего не стоили», — пишет Глюкель. Как объекты брака именно, они имеют цену, имеют свой курс, стоящий в связи с положением рынка. И мы узнаем, что отец спекулирует на детях. Ведь известна столь часто приводимая история Соломона Маймона, о котором Грец рассказывает: «В 11 лет он настолько основательно изучил Талмуд, что стал завидным женихом. Его нуждавшийся в средствах отец, спекулируя на нем, достал ему одновременно двух невест и притом так, что юный жених одной из них... даже и не видел в глаза». Подобные примеры можно было бы привести дюжинами, так что их, несомненно, можно считать типичными.

Но можно, пожалуй, возразить: ведь и в нееврейских кругах денежные интересы не менее живучи, в этом только не признаются, лицемерят. Это замечание отчасти справедливо. Специфически еврейской чертой я считал бы эту наивность, категоричность, откровенность, с какими ставятся денежные расчеты в центр всех жизненных интересов.

И в этом именно смысле отзываются о евреях современники XVII—XVIII вв. Такой *consensus omnium*, несомненно, служит лишь

новым доказательством правильности высказанного выше положения. В Жмоху неполно развившегося капиталистического строя еврей является представителем хозяйственного воззрения, направленного исключительно на денежную наживу. Не то отличает его от христианина, что он «занимается ростовщичеством», что он стремится к наживе, что он накапливает богатства, а то, что всего этого не скрывает, делает открыто и открыто признается в этом. Свои деловые интересы он преследует беспощадно и ни на что не обращая внимания. Себастиан Брандт и Гейлер фон Кайзерсберг рассказывают о христианских «ростовщиках» гораздо худшие вещи, что «они вели себя хуже евреев». Но самое плохое, за что их «приходится считать хуже евреев», это то, что они занимаются своим грязным промыслом с притворным видом добродетельного христианина. «Ибо еврей открыто прodelывает все и не стыдится этого, а эти ростовщики делают то же самое под маской христианства»¹.

В одном повествовании свящ. Иоганна Мегалополиса от 18 марта 1655 г. говорится о евреях [51]: «их единственный бог — это Мамон; их единственная цель — нажива! («these people have no other god but the unrighteous mammon and no other aim than to get possession of Christian property... they... look at everything for their profit»). Другой тоже меткий наблюдатель того времени высказывается еще резче, говоря о евреях²: «Никакой веры нельзя давать здесь (в Бразилии) обещаниям еврея, этой вероломной и малодушной расы, врагов всего мира, а особенно христиан; христианский дом может гореть, а еврей и не поможет, раз он может погреть руки на углях; евро) скорее даст погибнуть ста тысячам христиан, чем потерять сто крон»). Настоящим евреем называют такого корыстолюбивого купца, который берет большие проценты, обчитывает и надувает того, кто имеет с ним дело — так рассуждает доброжелательно относящийся к евреям Савари [222, с. 449] и добавляет: «обыкновенно говорят: такой-то попался в руки евреев... когда хотят сказать, что тот, с которым приходится иметь дело, оказался жестокосердым, упрямым и расчетливым». Отцом известной пословицы — «in Geldsachen hört die Gemüthlichkeit auf» — является, правда, один христианский купец; но самый принцип, выраженный этой

¹ Из «проповеди» Geyler von Kaisersberg zum 93. «Narre ngeschwarm» des Seb. Brandtschen Narrenschiffes. [225, т. 1, S. 722. Стр.: 70, особ. 4-й отдел].

² Отчет Генеральным Штатам Вил. Усселинка (Usselinx); приведено у Jameson'a в «Am. Jew. Hist. Soc.», I, 42. Об Усселинке см.: 158, с. 59 и сл.

половицей, несомненно, проводился решительно и откровенно впервые еврейскими коммерсантами.

Из этого стремления к наживе, не умеряемого никакими этическими нормами, уже сами собой вытекают те деловые приемы и принципы, которые ставились в упрек евреям, как, напр., их особенность, или, как говорили представители старого сословного хозяйственного порядка, их дурная привычка не считаться с пределами, положенными законом или постановлениями для различных отраслей промышленности или торговли. Вечно повторяющаяся жалоба христианских производителей и торговцев во всех местностях, где евреи промышляли рядом с ними, заключалась в том, что евреи не довольствуются одним занятием, а постоянно вторгаются в другие области и тем нарушают цеховой порядок; они-де охотно прибрали бы к своим рукам всю торговлю и все производство, у них господствует невыносимая тенденция к захвату возможно более широких областей хозяйственной деятельности. «Евреи стремятся к уничтожению всех английских купцов, забирая всю торговлю в свои руки (by drawing all trade towards themselves)*, — говорится в одной докладной записке¹ от 1655 г. «Евреи — хитрый народ, сующий свой нос повсюду» (prying into all Kinds, of Trade), — резюмирует Чайльд отзывы своих современников². И Глюкель фон Гамельн рассказывает: «Мой отец торговал драгоценными камнями и другими вещами, как всякий еврей, который занимается всем» (с. 25).

Жалобы немепких цехов на евреев за то, что они не считаются с разграничением промыслов и торговли и не сообразуются с цеховым уставом, очень многочисленны. В 1685 г. франкфуртский совет жалуется, что евреи вторгаются во всякую торговлю, как, напр., в торговлю льном и шелком, в торговлю москотильными товарами, книгами и т. д. [54, с. 147 и сл.]. В городе Франкфурте-на-Одере (XVII в.) жалуется [см.: 149, с. 106—117], что евреи торгуют привозными галунами в ущерб местным позументщикам, и т. д.

Склонность к универсальности торговых операций евреи усвоили уже с ранних пор, так как в их лавках скоплялись для продажи всевозможные заложенные и невкупленные предметы, просроченные залоги (наряду с награбленным добром), собранные чисто случай-

¹ Доклад Rev. Johannes Mega I open sis (Publ. in Am. Jew. Hist. Soc., 3, 44)

² *Child Jos*, Disc, on trade; 4ed., p. 152.

но, без всякой связи, но задевавшие коммерческую сферу разных других торговцев. Эти «толкучки» — прототип современных базаров — совершенно не считались с цеховыми перегородками и уже одним своим существованием представляли постоянное нарушение установленного порядка в торговле и промышленности. В одной регенбургской песне [162] наглядно описывается такой «ветошный базар», как центр «еврейской коммерции» (уже в XV в.; впоследствии эти условия, наверное, развились лишь еще своеобразнее в том же направлении): «Ведмый ремесленник терпит нужду, голод и большие лишения. Не было ни одного ремесла, которому евреи не принесли вреда. Если кто хочет купить себе платье, он бежит сейчас к еврею и находит у него все под рукой: серебряную утварь, олово, полотно, береты и все необходимое в домашнем обиходе, — все это у него заложено. Ибо все, что украдено и награблено, находит там свое пристанище. Верхнее платье, брюки и различные вещи — все это можно найти у еврея по дешевой цене; ремесленник же не может ничего продать, ибо все бегут к еврею».

И не связан ли с этим неуважением к всякому сословному делению, а следовательно, с этим проведением чисто коммерческих целей, наперекор всем традиционным перегородкам, и тот факт, что евреи являются революционерами также по отношению к меркантилистическому государству: что они и здесь стремятся провести принципы свободной торговли, не зирая на политико-экономические идеи, лежащие в основе меркантилистической торговой политики? Так, напр., франкфуртская торговля в XVIII в. называлась «еврейской коммерцией», потому что это была преимущественно торговля привозными товарами, «занимавшая полезным трудом очень немного немецких рабочих рук и большую часть основанная на внутреннем потреблении» [212]. Когда в начале XIX в. Германия была наводнена дешевыми английскими товарами, которые сбывались преимущественно на аукционах, то инициаторами их ввоза считали евреев: «эти мерзкие аукционы почти исключительно дело рук евреев, которые сумели захватить так много в немецких торговых городах». «Так как торговля мануфактурными товарами попала всецело в руки евреев, то естественно, что британцам приходится иметь дело главным образом с ними». «Вся, необыкновенно важная, распространяющаяся на бесконечное множество предметов розничная торговля всеми возможными мануфактурными товарами связана с внешней

торговлей ими». Еврей «наполнил свою лавку заграничными шляпами, башмаками, чулками, кожаными перчатками, жестяными и медными изделиями, всякого рода лакированными товарами, мебелью, всяким готовым платьем, — всем, что прибыло на английских судах» [241, с. 171, 252, 270, 272]. И по ту сторону Рейна мы слышим тот же отзыв: «Почти все привозимые ими товары заграничного производства»¹.

И наоборот, сырье они отправляли предпочтительно за границу, что тоже являлось прегрешением против святого духа меркантилизма. — см., напр., жалобы ганноверских ремесленников в XVIII в. [19, с. 68].

Если евреи, преследуя свои коммерческие интересы, не видели ни на преграды, воздвигнутые различными странами, ни на законные перегородки, разделявшие отдельные промыслы, то они еще в гораздо меньшей мере считались с правами и обычаями, а также и с формальными запрещениями, установленными для торгового и купеческого сословия. Мы видели, что высшим принципом ремесленной, а отчасти и раннекапиталистической хозяйственной организации, было не отбивать покупателей у соседа. И все-таки евреи постоянно грешат именно против этого принципа. Везде они подкарауливают продавцов или покупателей, вместо того чтобы ждать их в своей лавке, как того требовало коммерческое приличие. В жалобе купеческого цеха в Кенигсберге (в 1703 г.) говорится², «что евреи Гириш и Мозес с своими присными предупреждают своих конкурентов в купле и продаже сырого и обработанного меха, причиняя им большой убыток».

Ювелиры, золотых и серебряных дел мастера во Франкфурте-на-Майне (1685) жалуются [Записка Совета, приведенная в: 54, с. 147 и сл.], что они принуждены покупать все нужное им самородное золото и серебро у евреев, так как последние, благодаря своим бесчисленным препонам, всегда утаскивают предметы из-под носа христиан. Купечество того же города несколькими юлами раньше вообще жаловалось городскому совету на то, что евреи «выведают дела хри-

¹ Заявление нантских купцов в «Revue des etudes juives», 33, 111 и сл.

² Приведено: *Wolf Alb. Etuds Uber jüdische Kunst und jüdische Künstler* в «Mitteilungen zur jüdischen Volkskunde» издан. *Grunewald M.* 1 Jahrgg, 1 Heft (1905), 34.

стианских купцов» [там же, с. 148]. А еще раньше того (1647) христианские портные Франкфурта-на-Майне подали петицию о том, чтобы евреям была воспрещена продажа новых платьев¹: «Приходится горько жаловаться на то, что евреи, нагруженные, точно ослы и верблюды, различными товарами и платками... имеют право *бегать навстречу* всем проезжим высшего и низшего ранга, как только те появляются во Франкфурте, и, таким образом, отбивают у нас хлеб насущный...» И почти в тех же самых выражениях жалуются в 1635 г. торговцы шелком и сукном: «За пределами (еврейской) улицы они кланчат в городе, в *гостиницах* или где им только представляется случай; *тайно и открыто бегут они далеко навстречу солдатам, офицерам и полковникам, когда те приходят в города*. Они завлекли в свою кампанию некоторых мастеров портняжного ремесла, дома и лавки которых они наполняют своим платьем во время прохода войска (когда еврейская улица должна была оставаться запертой) и продают его...»

В 1672 г. сословные чины Бранденбургской марки жалуются [149], что евреи «разносят товары по городам и деревням и навязывают их жителям».

Приблизительно к тому же времени относится подробная жалоба Франкфурта-на-Одере [245, с. 83], в которой евреев также упрекают, что они гонятся за покупателями: за проезжающими в гостиницы, за дворянами в замке, за студентами в их наемные комнаты, «потому что евреи не довольствуются тем, чтобы, подобно нам, выставлять на продажу различные товары в своих лавках; они еще имеют своих *еггшБапоз*, которые не только ходят из дома в дом, особенно там, где останавливаются проезжие, и в комнаты к студентам, предлагая различного рода шелк, ситцы, полотно, платки, кружева и другие галантерейные товары, но еще бродят из деревни в деревню во владениях дворян...»: «они имеют также обыкновение во время ярмарки бродить по постоялым дворам, *чтоб заманивать к себе покупателей*» и т.д. «Еврей, — говорится в одном документе, исходящем из Никольбурга (Австрия), — завладел всей торговлей, всеми деньгами, всеми предметами. Он поджидает у вьезда в город, набрасывается на путешественника, старается завести с ним беседу и отбить его у никольбургских христианских бюргеров». Один хорошо осведомленный автор начала XIX в. описывает [112, с. 293—

¹ Акты напечатаны у *Касаиес* [151, с. 147 и сл.].

294], как еврей всегда выведывает новых покупателей. Он называет еврейской привычкой «связанное с агентурной системой непрерывное и навязчивое посещение всех общественных учреждений, чтобы проникнуть ко всякому покупателю, чтобы с помощью дешевых и распространенных газет узнавать о приезжающих и, подслушивая каждый разговор, разведать, напр., каким заведениям угрожает несчастье, и, сообразуясь с этим, заключать с ними купчую или сделку об аренде и т. д.».

Если уловление покупателей достигалось здесь утонченной системой разведок, то в улицах, где еврейские торговцы старым товаром имели свои лавки, такое уловление совершалось наивно-примитивным путем непосредственного телесного принуждения. Это тот же способ, который мы можем еще теперь наблюдать в наших больших городах, где процветает система, известная в Бреславле под именем «Armelausreissgeschäfte», т. е. торговые заведения, владельцы коих, гоняясь за покупателями, чуть не отрывают рукава у проходящих. Об этих продуктах самоновейшего капитализма я уже как-то говорил в одном месте и, для большей наглядности картины, иллюстрировал ее вымышленными еврейскими именами. Эту мою поэтическую вольность недоброжелательно истолковали, как антисемитическую тенденцию. На такое обвинение я могу теперь ответить констатированием исторического факта, что в действительности эти «Armelausreissgeschäfte» являются творением еврейского коммерческого духа. Мы узнаем об их существовании в Париже в XVIII в., где ими занимались так называемые «fripiers», т. е. торговцы старым товаром, которые, по свидетельству одного современника¹, были большей частью евреи. Описание этих старьевщиков и их приемов, которое дает Мерсье, слишком интересно, чтобы не передать его здесь дословно [180, с. 253 и сл. Ch. CLXXXII]: «Des courtauds de boutiques désœuvrés vous appellent assez incivilement; et quand l'un d'eux vous a invité, tous ces boutiquiers recommencent sur votre route F assommante invitation. La femme, la fille, la servante; le chien, tous vous aboyent aux oreilles;... Quelquefois ces drôles-là saisissent en honnête homme par le bras on par les épaules et le forcent d'entrer malgré lui; ils se font un passe-temps de ce jeu indécent...»

¹ «Les fripiers de Paris, qui sont a la plus part Juifs». *Noel du Fail*. Contes d'Eutrapel, XXIV; Н Т. : 61, с. 217.

Один путешественник, который приблизительно в то же время странствовал по Западной Германии, сообщает оттуда: «Ходить по улицам города, где находится много евреев, сущее наказание; на каждом шагу они то и дело докучают своей торговлей. Вечно слышишь вопрос: не угодно ли чего? Не купите ли того или другого?» [214, с. 50. Ср.: 227, с. 64].

Чтобы легче завладеть покупателем, они превращаются в «летучих торговцев». «Сидения, находящиеся по сторонам ступенек, ведущих в дом, еврей превращает в прилавок, еще приставляя к ним доски; или он берет скамейку или стол из дома, куда пришел; а то занимает своим товаром сени дома; иногда нагружает свою подвижную лавку на тачку, причем у него хватает дерзости останавливаться с ней у лавок тех бюргеров, что торгуют таким же самым товаром» [241, с. 184].

«Идти навстречу покупателю» — таков лозунг. Мы знаем, как этот принцип господствует теперь в крупной промышленности и что гениальная организация «Всеобщей компании электричества» построена только на нем.

Известно, что погоня за покупателем развилась в систему лишь в форме рекламы. «Assomante¹ invitation», которая, как мы только что видели, исходит от скромных fripiers, в настоящее время составляют задачу многообразной рекламы. Признав евреев отцами системы «удовления покупателей», мы должны бы, оставаясь последовательными, признать в них и ошон современной рекламы. Но я не имею возможности привести достаточные доказательства в пользу этой связи. Чтобы составить себе на этот счет сколько-нибудь определенное мнение, необходимо было бы прежде всего просмотреть имена объявителей в старых газетах. Насколько мне известно, мы вообще еще не располагаем серьезными исследованиями по истории рекламы. Сравнительно точные исследования у нас имеются только по истории анонса (простых торговых объявлений), который, вероятно, очень поздно, едва ли много раньше XIX в., развился в настоящую рекламу. Что касается отдельных фактов, из которых можно заключить, что евреи развили рекламу, то они таковы:

¹ Assomant, по Пьеру Ларусе, (Larousse) — утомительная, докучливая до крайности.

1) Первую, по времени, рекламу я нашел в № 63 «Vossische Zeitung» от 28 мая 1711 г. Она гласит: «Сим доводится до всеобщего сведения, что к адвокату Больцену, на Еврейской улице, приехал голландский (еврейский?) торговец с множеством сортов хорошего чаю, продающегося по дешевой цене. Желающие купить пускай поторопятся, так как он пробудет здесь неделю».

2) Первая известная нам *реклама в тексте газеты*, которую (рекламу) относят к 1753 г. в Голландии, исходит от одного глазного лекаря, по имени Лаазер [18, с. 30 и сл.; цит. в: 137, с. 253].

3) Очень старая (неизвестно, не старейшая ли) реклама в Соединенных Штатах, появившаяся 17 августа 1761 г. в «New York Mercury», имеет следующее содержание [144, с. 82]: «To be sold by Nauman Levy in Bayard Street, Camp Equipages of all sorts, best soldiers english shoes... and everything that goes to make up the pomp and circumstance of glorious war».

4) Евреи — отцы современной газетной прессы, т. е. главного органа рекламы; они, в частности, являются основателями дешевых газетных листков [цит.: 17, с. 30]. Полидор Мило (Polydore Milloud) основал «Petit Journal», ставший, как известно, благодаря своей дешевизне, прототипом всех позднейших газет.

Но узнавать адреса, приставать к приезжающим, выхвалить свой товар — все это только одна сторона в погоне за покупателем. Все эти ухищрения можно бы подвести под категорию внешнего уловления покупателей, противопоставив им, как внутреннее уловление, все махинации, имеющие своей целью предложение товара в такой форме, чтобы привлечь покупателя. Эту политику коммерсанта, направленную на удовлетворение и привлечение покупателей, я назвал как-то словом *Kulanz*, обходительностью (услужливостью). И опять-таки приходится констатировать, что в развитии этой стороны нашей экономической жизни евреи принимали самое выдающееся участие. Можно было бы даже «на основании источников» со всей желательной обстоятельностью доказать, что они первые, наперекор господствующим воззрениям, решительно выставили принцип, что каждый коммерсант имеет право (и обязанность) придать своему предложению такую форму, чтобы привлечь к себе возможно большую часть наличных покупателей или же, создавая новые потребности, увеличить возможность сбыта.

При экономической организации, дорожащей солидными формами хозяйственной деятельности, единственным средством для

достижения указанной цели могло быть лишь понижение цен. И мы видим, что евреи с особенной любовью прибегают к этому средству. Это именно и сделало их в высокой степени ненавистными в кругу христианских торговцев, которые, согласно всему складу своих хозяйственных воззрений, должны были держаться определенного уровня цен. Еврей продаст за бесценок, еврей портит цены, еврей завлекает покупателей своими дешевыми ценами. Вот песня, какую постоянно поют на разные лады в XVII—XVIII вв. христианские конкуренты евреев.

Из подавляющей массы относящегося сюда материала я приведу лишь следующие факты.

Когда в Англии в 1753 г., как уже было упомянуто, разразилась гроза над евреями, одним из важнейших доводов, который приводился против распространения на них гражданских прав, были следующие: пользуясь полной свободой, они лишат туземных жителей пропитания, ибо они сбивают цены (*undersell them*) [117, с. 274 и сл.].

Во Франции: «материи, привозимые евреями на ярмарки, выгоднее в смысле той цены, по которой они продаются, чем материи, находящиеся в лавках купцов», — так отвечает 31 мая 1740 г. интендант Лангедока жалующимся купцам Монпелье [130, с. 290]. Нантские же купцы того мнения, что «публика, сталкиваясь с внешне частной торговлей, всегда оказывается в дураках» [23, с. 111 и сл.] при купле еврейских товаров. Но в то же время они без обиняков признают, что еврейские товары дешевле.

Тот же факт констатируют парижские купцы в одной челобитной, говоря, что евреи продают все товары «à un prix beaucoup au-dessous de celui des fabriques» («даже по значительно более дешевой цене, чем фабрики!»)¹

В одном представлении парижских торговцев бронзой говорится об одном еврее из Фюрта, Абраме Ульмане [130, с. 224]: «он продает бронзовые изделия дешевле, чем их обыкновенно продают (!) в этой местности».

И представители цеха лионских ткачей шелка приписывают в одной резолюции от 22 октября 1760 г. неблагоприятную конъюнк-

¹ Requête des marchands et négociants de Paris contre l'admission des juifs, (1777), HaneiaTaiHoc y *Maignail*, p. 2324.

туру евреям, продающим товары за бесценок и потому *с/нашим господами торговли шелком* во всех провинциях [82].

Когда в 1815 г. в шведском рейхстаге обсуждался вопрос о том, предоставить ли евреям свободу во всех областях торговли, одним из важнейших доводов, выдвинутых против этого предложения, был (точно так же, как и раньше в Англии): они сбивают цены¹.

На жалобы христианских торговцев в Польше евреи возражают: если бы христианские торговцы продавали товары по той же низкой цене, что и еврейские, то они имели бы столько же покупателей [38, с. 82 и сл.; 92, т. 9, с. 445].

В том же тоне составлены частые жалобы купцов (и фабрикантов) в Германии, образчики которых я уже приводил.

Таковы жалобы сословных чинов Бранденбургской марки от 1672 г. [149, с. 97]; таковы жалобы цехов во Франкфурт-на-Майне в XVII в.² В докладе палаты военных дел и государственных имуществ от 1710 г. об экономическом упадке герцогства Магдебурга говорится [162, с. 91 и сл.]: «Известно, что здесь и в других местах этого герцогства рассказывают о евреях, число которых непрерывно умножается, к немалому вреду для общества, так как эти люди... добывают себе пропитание куплей и продажей и часто... продают вещи *по более дешевой цене*, отчего страдают, конечно, интересы купцов».

Один из путешественников по Германии того времени сообщает о «горьких жалобах на еврейскую торговлю». «Они-то, — говорят купцы, — портят всю торговлю, *понижают цены* и заставляют нас подражать им в этом, если мы вообще желаем сбыть наши товары» [214, с. 147].

Верность этого наблюдения подкрепляется также мотивами общего (прусского) эдикта от 1750 г.: «Купцы в наших городах... жалуются, что евреи, торгующие одинаковыми с ними товарами, причиняют им большие убытки, *ибо они в общем продают свои товары дешевле*».

Такие жалобы продолжают и в XIX в. Так, в одном «Прознании оптовых торговцев Аугсбурга о недопущении евреев» [79, с. 42]

¹ Отзыв Вергелина в «Monatsschrift», 51, 522.

² *Bothe Friedrich*. Beiträge zur Wirtsch. и Soc. Gesch. der Reichsstadt Frankfurt. (1906), 74.

(1803) говорится: «Евреи умеют пользоваться общей нуждой; они откупают у нуждающегося и деньгах купца его товары за бесценок и дешевой перепродажей их губят настоящую торговлю».

(И в наши дни еще во многих областях промышленности и торговли евреями практикуется сбивание цен, которое христианские фабриканты и купцы считают тяжелым ущербом для своего промысла — это общеизвестный факт, о котором неоднократно заявлялось и публично. Я еще вернусь к этому факту.)

Евреи вообще слыли людьми, способными оборудовать всякое дело дешевле других; это, между прочим, доказывает один эпизод из финансовой истории. Когда австрийское правительство в начале XVIII в. намеревалось снова выпустить заем (это предполагалось сделать, по обыкновению, в Голландии), то советнику дворцовой палаты, барону Пехману, рескриптом от 9 декабря 1701 г. было поручено позондировать, нельзя ли занять под заклад доходов от венгерских медных рудников крупную сумму. Ему надлежало справиться об этом именно у *португальских евреев* в Голландии, так как другие подданные Генеральных Штатов требовали, кроме общей гарантии, еще и специальную ипотеку [179, с. 357].

Венская придворная канцелярия в докладе от 12 мая 1762 г. делает, между прочим, предложение: «Было бы целесообразно заключить договор о военных поставках с евреями, потому они... ставят несравненно более низкие цены».

И вот мудрые обыватели, где бы они ни сходились. — в мастерских, в лавках, на воскресных прогулках за городом, вечером за кружкой пива. — повсюду с ноющим упорством разбирали они вопрос о том, что служит причиной дешевых цен еврейских товаров, что дает евреям возможность осуществлять свою гнусную систему сбивания цен?..

Объяснения получались самые разнообразные, смотря по более или менее здравому смыслу отвечавших, по их большей или меньшей непредубежденности. И мы стоим перед обилием попыток объяснить причину явления, существование которого не поддежит никакому сомнению, так как о сбивании цен евреями говорит множество сходных, и друг от друга независимых, свидетельств.

Что же касается объяснений этого явления, то их относительная вероятность может быть выяснена лишь путем точного критического анализа. При этом следует помнить, что причины дешевых цен ев-

рейских товаров интересуют нас пока лишь постольку, поскольку мы можем вывести из них заключение о наличии принципиально своеобразной деловой практики или о принципиально своеобразной коммерческой этике.

Чаще всего это явление сводится к «заведомой» недобросовестности евреев, причем такое объяснение аргументируется следующим образом: так как евреи имеют равные со всеми расходы, так как издержки производства товаров у них те же, то, значит, дело не совсем чисто, если они все-таки назначают более низкую цену. По-видимому, евреи приобретают товары незаконным путем. Это или краденый товар, или же награбленное добро. Такое объяснение казалось тем более вероятным, что, как мы знаем, евреи пользовались очень дурной репутацией, хотя в то же время сбиванием евреями цен часто пользовались, как подтверждением верности указанного подозрения в приобретении товаров нечестными способами. Я не намерен приводить здесь примеров этой широко распространенной аргументации (почти каждая из упомянутых жалоб оперирует ею). Да она и самая неинтересная из всех, хотя, несомненно, во многих случаях соответствовала действительности (такие случаи, как происходившие в XVII в. в Гамбурге, подтверждают это, не говоря уже о том, что и самая вероятность говорить за нее). Но если бы в действительности не существовало другого объяснения, как лишь то, что евреи понижают цены, потому что продают краденое или награбленное добро, то обо всем этом не стоило бы и говорить. Тогда эта практика никогда не приобрела бы того значения, которое она, по всем видимостям, имеет.

Даже в кругу самых завязтых и ожесточенных сторонников цеховых порядков считали нужным задуматься над изысканием других причин для объяснения низких еврейских цен. Мы находили их прежде всего в непосредственной близости к указанной первой группе причин, — правда, не в заведомо незаконных, преступных действиях, но все же в таких приемах, которые нельзя назвать вполне плотными. Сюда принадлежат, например, торговля запрещенными товарами (как военная контрабанда и др.), торговля заложенными товарами, торговля конфискованными товарами (таможенная контрабанда), торговля товарами, приобретенными у купцов, «завязших в долгах и вынужденных продавать свои товары за бесценок» [3, т. 2, с. 1158], или товарами, «приобретенными за ничтожную цену у про-

давцов, нуждавшихся до зарезу в деньгах» [см. прим. 3 на с. 158]; торговля старьем, залежалым товаром, дешево приобретенным на судебных распродажах и публичных торгах [см. прим. 1 на с. 154]; торговля товарами, за бесценок сбываемыми обанкротившимися купцами [см. прим. 2 на с. 154]; торговля со скрытым намерением самому обанкротиться; торговля товарами, изготовленными с регламентом¹. Трудно установить, насколько в этих или подобных приемах (называемых в одном заявлении купцов г. Меца «les misérables moyens des juifs» [франц. подлые еврейские приемы])² дело шло об единичных, слишком опрочетчиво обобщенных, случаях или же о широко распространенных привычках еврейских купцов. Вопрос этот, впрочем, имеет для интересующего нас явления лишь второстепенное значение. Нельзя допустить, чтобы подобного рода обвинения были совершенно неосновательны; важно, во всяком случае, что евреев считали способными к применению таких приемов, что в этой практике видели нечто присущее евреям. Если мы даже предположим, что лишь самая незначительная доля высказанных здесь обвинений соответствует действительности, то все-таки остается известная симптоматическая ценность этих обвинений, которая может пополнить наши представления о предмете, добытые другим путем. К практической оценке этих соображений я еще вернусь, а пока продолжим перечень причин, приводимых в объяснение дешевых цен, по которым евреи поставляли свои товары.

И вот мы опять особенно часто наталкиваемся на следующее утверждение: товары, которые производятся или продаются евреями, суть *низшего качества*. Это обвинение (бывшее, несомненно, утверждением в духе господствовавшей тогда экономической этики) попадает так часто и при столь различных обстоятельствах, что мы не можем сомневаться в его относительной основательности.

В упомянутом выше докладе палаты военных дел и государственных имуществ об экономическом упадке герцогства Магдебург говорится о «краденых или вообще испорченных вещах», приобретаемых евреями для дешевой продажи. В упомянутых выше жалобах сословных чинов Бранденбургской марки говорится, что това-

¹ «Revue des ét. juives», 33, III H en.; Kahn Sal. Les juifs de Montpellier au XVIII siècle, p. 289.

~ Le cri du citoyen contre les juifs de Metz. (XVIII siècle) UHT. y Maignial, 234.

ры, которыми торгуют евреи, «большую часть старые и залежалые». Покументщики во Франкфуркте-на-Майне — жалуются, что евреи скупают и сбывают не только хорошие и солидные продукты, но также поддельные и негодные товары¹.

Купеческий словарь, которым я неоднократно пользовался как достоверным источником, также высказывает мнение, что евреи торгуют негодными товарами, «которые они умеют так прикрасить и придать им такой привлекательный вид с помощью красивого переплета, новой отделки, нового запаха и вкуса, что порою и лучшие знатоки делаются жертвой обмана».

Знакомая уже нам докладная записка купцов г. Нанта почти в тех же словах говорит, что, несмотря на кажущуюся дешевизну, предлагаемые евреями товары дороги; среди них находится масса поврежденных, вышедших из моды и вообще негодных к употреблению предметов. Так, например, они перекрашивают заново шелковые чулки и продают их как новые; но одеть их можно, самое большее, один раз.

Лионские ткачи жалуются² (в XVIII в.), что евреи губят шелковую промышленность, так как производят лишь товары низшего качества, чтобы иметь возможность дешево их продавать.

В одном докладе богемского наместничества от 1705 г. говорится: [162, с. 91 и сл.] «Евреи захватили в свои руки ремесла и торговлю и в то же время мешают развитию доходной внешней торговли своими в большинстве случаев негодными мануфактурными изделиями и испорченным товаром».

В неоднократно уже приведенном отзыве Вегелина в шведском рейхстаге (1815) говорится: евреи захватили в свои руки всю набивку ситца, но зато и погубили эту отрасль промышленности, благодаря плохому производству т. н. еврейского ситца.

Этот поход, начавшийся, судя по вышеприведенным жалобам, уже в раннекапиталистическую эпоху, не закончился еще и в наши дни. Жалобы христианских фабрикантов на то, что евреи понижают цены, находят свое естественное дополнение в новых обвинениях, а именно: стремясь во что бы то ни стало к дешевизне, евреи понижают и самое качество товаров.

¹ *Bolhe F. Beitrage*, 74.

² См. с. 563.

Мы не будем очень далеки от истины, если сведем все эти наблюдения к положению, что евреи являются также творцами суррогатов в самом широком смысле слова.

Что такое суррогата? Зачастую это особого рода новый товар, худшего, но вовсе не в том смысле, что худшего качества, чем тот же товар раньше, но потому, что он изготовлен для того же назначения, но из более дешевого материала или другим, более дешевым способом, т. е. суррогат в узком, техническом смысле слова. И творцами такого именно суррогата являются в главных случаях евреи. Особенно часто встречаются суррогаты в текстильной промышленности и в других отраслях промышленности, напр. химические суррогаты. Сюда относится в известном смысле и красочная промышленность,

Наконец, в связи со всем этим следует еще упомянуть следующее нередко встречающееся обвинение: евреи еще потому имеют возможность продавать значительно дешевле христиан, что они прибегают к обмериванию и обвешиванию. Так, например, в Авиньон они будто бы доставляют более дешевые шерстяные товары только потому, что последние имеют меньший вес [215, vol. 34, 35, 36]. В области фюртской зеркальной промышленности «еврейскими зеркалами» называются зеркала меньшего размера.

Я привел здесь все эти отдельные факты только для того, чтобы осветить единственно интересующий нас вопрос, можно ли и в какой мере должно свести все те различные приемы, помощью которых евреи пытались понижать цены, к общим деловым принципам, и можно ли эти принципы привести в связь с искомой своеобразностью хозяйственного мировоззрения евреев. Мне кажется, что вывод из всех этих различных приемов можно было бы резюмировать, как известный индифферентизм по отношению к средствам, применяемым для достижения конечной коммерческой цели. Уважение к личным заслугам другого, респект перед социальным и правовым порядком, наконец, приспособление к чисто натуральным отношениям при производстве благ, — все это утрачивает былое значение, а на передний план выступают мотивы, исключительно приноровленные к отношениям меновой стоимости, чисто крематические представления о задачах коммерсанта. Мы сталкиваемся здесь с первыми начатками присущей капитализму тенденции к *беспощадной* наживе, но еще в стадии ее индивидуальной случайной фиксации.

Но в приведенном до сих пор перечне средств, применявшихся евреями с целью удешевления товарных цен, мы отнюдь не исчерпали еще всех фактически ими использованных способов. Необходимо напомнить о целом ряде приемов, имеющих также принципиальное значение, но лежащих в совершенно другой плоскости, чем вышеупомянутые. Их отличительной особенностью является то обстоятельство, что они действительно способны привести к фактическому удешевлению, в то время как те приемы, о которых до сих пор шла речь, могли вызвать только кажущееся удешевление или же удешевление для покупателя в ущерб другим лицам.

Иначе обстоит дело с методами удешевления, на которые я хочу указать теперь. Общая им всем характерная черта заключается в том, что они содействуют уменьшению расходов по производству товара. А именно: или посредством сокращения собственных требований производителя или торговца (уменьшение субъективных издержек) или посредством сокращения расходов, покрываемых производителем или торговцем. Последний может добиться этой цели двояким образом: посредством более низкой заработной платы, уплачиваемой участвующим в производственном процессе лицам (рабочим), или посредством применения более продуктивных, а следовательно, и более дешевых методов производства или сбыта.

У нас есть многочисленные доказательства в пользу того, что евреи применяли все эти методы удешевления товарных цен — и главное, что они стали применять их впервые.

Еврей может поставлять более дешевый товар, потому что он менее требователен, чем христианские купцы и ремесленники: это мнение часто высказывается непредубежденными наблюдателями, а при случае и ближе заинтересованные лица должны согласиться с этим мнением.

Евреи продают товар дешевле, «вследствие чего неизбежно страдают купцы, так как они больше потребляют, чем еврей, и извещным образом должны при продаже своих товаров сообразоваться со своим положением»¹. (Старый идеал пропитания во всей его слеси!) «Еврей довольствуется меньшей прибылью, чем христианин» [127,

¹ Bericht der Kriegs- und Domänenkammer über den wirtschaftlichen Niedergang des Herzogtums Magdeburg; цит.: у *Liebe*. Judentum, с. 91.

с. 25J. Если бы христианские купцы не жили так расточительно, то они сумели бы продавать свои товары так же дешево, как и евреи, — говорят польские евреи полякам-христианам [92, т. 9, с. 445]. То же мнение высказывает один наблюдатель, объезжавший Германию в конце XVIII в.: «Из этого можно, пожалуй, вывести, где лежит причина жалоб. Причина эта лежит в расточительности и гордости высокомерного купца, расходующего так много из доходов от своей торговли на предметы роскоши, что ему невозможно назначать более низкие цены. Таким образом, ведущий более скромную жизнь еврей заставляет купца, делающего ненужные расходы, жить более экономно или же погибнуть» [214, с. 148].

В докладе венской придворной канцелярии от 12 мая 1762 г. указывается на то, что евреи, «вследствие их бережливости и умеренного образа жизни», более дешевые поставщики, чем христиане. В докладе венгерской и зибенбургской придворной канцелярии от 9 января 1786 г. тоже говорится о «более умеренном и худшем образе жизни евреев», как причине того, что они в состоянии платить более высокую аренду¹.

«Евреи — народ, привыкший к лишениям, ведущий бедственную жизнь, и потому они могут довольствоваться меньшей прибылью, чем англичане», — говорит Чайльд²; они сбивают цены, благодаря полнейшему отсутствию потребностей (by the exercise of extreme frugality) — таково было общее мнение в Англии в середине XVIII в. [117, с. 274 и сл.].

«Я убежден, — обращается интендант Лангедока к вечно жаждущимся купцам Монпелье [«Яеune des et. juives», 33, 290], — что торговля евреев на рынках... приносит меньше вреда купцам Монпелье, чем невнимательность последних в обслуживании публики и их настойчивое стремление к слишком крупным барышам».

Но они нашли уловку, говорят другие (и это, по-видимому, были ясновидцы), посредством которой им удастся достигнуть такой же (или большей) прибыли, как и их христианским конкурентам, несмотря на меньшую надбавку на цены: *они ускоряют сбыт*. Тот принцип, что усиленный сбыт при меньшем барыше значительно выгоднее редкого сбыта при крупном барыше [112, с. 290], счита-

¹Эту цитату мне любезно указал г. И. Рейзман.
Child. Disc. on trade, 152.

ется еще в начале XIX в. *еврейским* принципом, которому противная партия не может и не должна следовать,

«В гораздо большей степени содействовал успехам евреев следующий принцип торговли: большой оборот при меньшей наживе (процентах) несравненно лучше, чем редкий обороте большой прибылью». И автор замечает, что христиане не могли бы следовать этому принципу [126, с. 239].

Евреи первые выдвинули лозунг: — «малая прибыль, большой оборот!» — тот лозунг, который претит всему строю хозяйственных воззрений, основанных на принципе пропитания.

Прибыль, барыш (подобно цепе), извлеченные из сумерек традиций и превращенные в объект эгоистическо-целесообразной системы. — ROTTО великое и паразитическое новшество, которое опять-таки пришло от евреев. Определение размеров прибыли по собственному усмотрению совершенно произвольное решение вопроса о том, работать ли с прибылью или без нее для того, чтобы впоследствии заработать еще больше, — все это носило несомненную печать еврейского духа. В начале XIX в. один внимательный наблюдатель [126, с. 239] рассказывает о следующем факте, как о предосудительном еврейском приеме (правда, это относится к Германии, стоявшей в экономическом отношении далеко позади других стран): «Евреи собирают в складчину капитал (вспомогательное средство, которого тем легче достигнуть, чем быстрее растет состояние евреев, благодаря меркантилистической политике и т. п.); *вначале они работают с очень малой прибылью, порою даже с убытком*. Но как только совершенно рассорилось какое-нибудь торговое заведение, как только завоевана прочная монополия, цены тотчас поднимаются самым произвольным образом»! 112, с. 288], и т. д.

Наконец, следует еще упомянуть об одной, часто замеченной у евреев особенности: по возможности мало тратить на производство — посредством ли применения самой дешевой рабочей силы, или же посредством применения более совершенных методов производства.

Мы часто встречаем указания на то, что евреи могли поставлять более дешевые товары, потому что они платили более низкую заработную плату; об этом говорят фабриканты шерсти в Авиньоне (1850) [«Revue des ét. juives», vol. 36], купцы из Монпелье [«Revue des études juives», 33, 289], совет города Франкфурта-на-Одере [149, с. 90], портняжный цех города Франкфурта-на-Майне.

У всех только что приведенных приемов есть, конечно, одна общая черта, ускользнувшая от внимания современников, а именно: евреи, по-видимому, раньше других захватили в свои руки крупные области капиталистической промышленности, особенно там, где она развилась в форме кустарного производства, связанного с торговлей.

Участие евреев, например, в образовании капиталистической ткацкой промышленности было более значительным, чем это предполагали до сих пор. Но я не намерен выяснять дальше эту связь, потому что не вижу в этой деятельности евреев ничего типично еврейского.

Для нашей основной мысли интересно, пожалуй, указать еще на тот факт, что евреи сознательно, из рациональных соображений первые прибегали к новым формам производства, как и к новым формам торговли.

Нам остается отметить еще одну еврейскую особенность в ведении коммерческих дел, о которой мы, правда, не находим никаких упоминаний в документах раннекапиталистической эпохи (может быть, потому, что эта особенность резко обнаружилась лишь в более позднее время), но которая носит тот же духовный отпечаток, что и все до сих пор рассмотренные черты еврейской торговли. Я имею в виду сознательное придумывание все новых и новых ловких приемов, с помощью которых можно было вербовать покупателей, — безразлично, касалось ли это новой группировки товаров, новых форм платежа, новых комбинаций разных отраслей торговли, новых форм предложения услуг — словом, какую-нибудь нововведения в коммерческой жизни для привлечения покупателей.

Было бы очень любопытно сгруппировать все те «новшества», которыми торговые и коммерческие отношения обязаны евреям. (Технические нововведения не играют в данном случае почти никакой роли.)

Я хочу указать лишь на несколько таких коммерческих «изобретений», еврейское происхождение которых для нас теперь уже не подлежит сомнению. (Я уверен, что их можно было бы легко умножить, оставляя совершенно в стороне вопрос о том, родилась ли в головах евреев *самая* творческая идея или только ее коммерческое применение.) Уже упомянутые различные методы дешевой купли и перепродажи старых или залежалых товаров были, конечно, перво-

начально тоже «остроумной идеей», на которую кто-нибудь должен был набрести. Сюда же принадлежит и торговля остатками и подобным товаром, равным образом часто перевозимая особенность евреев «не редко кормиться и наживаться на счет самых негодных отбросов»¹ и связанное с ней их умение превращать в очень ценный предмет торговли «самый простой предмет, который до того не имел никакой цены, как-то: тряпки, заячьи меха и т. п.»! Пожалуй, их можно было бы назвать родоначальниками промышленности по переработке отбросов.

Насколько идея крупного базара — еврейского происхождения, это еще нуждается в выяснении «на основании источников». Во всяком случае, мы видели уже, что евреи, как заимодавцы под залог, были первыми, в чьих лавках накопились предметы самого разнообразного свойства. А в этом резком противопоставлении предметов, относящихся к разнообразнейшим отраслям торговли и служащих самым разнообразным потребностям, надо думать, заключается один из характерных признаков современного крупного базара. Полнейшая индифферентность торговца по отношению к объекту его деятельности, которая благодаря этому приобретает исключительно коммерческий характер, составляет характерную особенность владельца базара, и особенность эта (как уже вытекает из своеобразного отношения евреев к промышленности) присуща евреям. Известно, что в настоящее время крупные базары в Соед. Штатах² и Германии¹ почти всецело находятся в руках евреев (во Франции же большей частью в их руках). Важным новшеством в организации розничной торговли было в свое время введение частичной уплаты при покупке на большую сумму или при покупке дорогих предметов. По крайней мере, относительно Германии можно с уверенностью сказать, что здесь родоначальниками «торговых заведений в рассрочку» были евреи. В одном сочинении начала XIX в. мы читаем: «Среди евреев существует категория лавочников, необходимых бедному люду и очень полез-

¹ Из доклада венгерской и зибенбюргерской придворной канцелярии от 6 января 1786 г.

² «In the USA the most striking characteristic of Jewish commerce is found in the large number of department stores held by Jewish firms». «Jew. Enc», ст. «Commerce», 4, 192.

³ См., напр., перечень фирм: *Hirsch Jul. Das Warenhaus in Westdeutschland, 1910.*

ных для самой торговли. Это — люди, продающие бедному человеку платье или материю на платье, за которые получают плату малыми частями» [127, с. 33].

Целый ряд нововведений в развитии гостиниц и трактиров своим происхождением также обязаны евреям. Первая кофейня в Англии (вероятно, вообще первая) была открыта евреем, по имени Якобе, в 1650 или 1651 г. в Оксфорде. (В Лондоне первая кофейня открывается лишь в 1652.) [219, с. 68] Совершенно новая эра ресторанного дела была открыта евреем Кемпинским; важнейшим новым принципом в этой области является установление определенного размера потребления и цен.

Чрезвычайно важный институт, профессионального кредитного посредничества также ведет свое начало от евреев. (Относительно Германии это доподлинно известно.)

Но во всех этих новых формациях экономической жизни нас интересует здесь не выраженное в них специфическое дарование (о котором я говорил уже раньше и о котором еще буду говорить в другой связи), а исключительно выступающая в них своеобразная хозяйственная тенденция: стремление к новым ухищрениям. Я коснулся этого вопроса в настоящей главе потому, что она трактует о еврейском духе, о еврейской коммерческой морали, о специфически еврейском укладе хозяйственных воззрений. Мы теперь у конца этого отдела и можем оглянуться на пройденный нами путь. Мы, прежде всего, видели резкое противоречие, в котором стояли друг к другу в течение всей раннекапиталистической эпохи еврейский и нееврейский строй хозяйственных воззрений. Основную идею господствовавших тогда хозяйственных воззрений я пытался резюмировать в том смысле, что традиционализм, принцип пропитания, идея сословной дифференциации и принцип устойчивости служили их важнейшими составными элементами. Но что же является принципиально новым в специфически еврейском способе мышления? Мы можем резюмировать это в немногих, но знаменательных словах: это есть «современный» дух, господствующий в наше время над всеми хозяйственными субъектами. Просматривая весь перечень грехов, в которых укоряют евреев в продолжение XVII—XVIII вв., мы вскоре убеждаемся, что этот перечень, исключая не идущие в счет чисто преступные манипуляции, не содержит в себе ничего, что не вошло бы в обиход современного коммерсанта, как нечто само собой

разумеющеся, что не служило бы хлебом насущным для каждого современного коммерческого предприятия. Еврей во все эти столетия является, наперекор господствующим взглядам, принципиальным сторонником индивидуалистических экономических воззрений, находящихся свое выражение в следующих нормах: сфера деятельности каждого хозяйственного субъекта ни в каком направлении не ограничена никакими объективными положениями, касается ли дело величины сбыта, или разграничения профессий; каждый хозяйственный субъект во всякое время должен заново завоевать свою позицию и во всякую данную минуту защищать ее от посягательств со стороны; он также в праве отвоевать для себя за счет других столько экономического простора, сколько может; средства борьбы должны быть преимущественно духовного свойства, как хитрость, изворотливость, лукавство; в экономической борьбе надо считаться лишь с пределами, намеченными уголовным уложением; все экономические процессы надлежит регулировать лишь по личному усмотрению в интересах возможно большей целесообразности. В этих нормах, как видно, победоносно проложили себе путь идеи «свободной торговли», «свободной конкуренции», экономический рационализм, чистый капиталистический дух — словом, все то, что составляет современный уклад хозяйственных воззрений, в развитии которых евреи сыграли крупную, если не решающую роль. Ибо именно они внесли эти воззрения извне в совершенно отличный от них круг идей.

Литература

1. *Adler Elicmi N.* Auto da Fe and Jew. Ib. Vol. XII-XV. 1907.
2. *Albion Morris Dyer.* Points in the first chapter of New-York Jewish History. // «Am. Jew. Hist. Soc.», 3, 41 и сл.
3. *Allgemeine Schatzkammer der Kauffmannschaft oder vollständiges Lexikon aller Handlungen und Gewerbe.* Vol. 1, 2. 1741.
4. *Andreades A.* Hist. of the Bank of England. 1909.
5. *Arendt Friedr. Wilh., Rousset Abraham Charles.* Verzeichnissen der gegenwärtigen Alter Männer. 1801 и сл.
6. *Auerbach L.* Das judische Obligationenrecht I. 1871.
7. *Auerbach B. H.* Geschichte der israelitischen Gemeinde Halberstadt. 1866.
8. *Bausch E.* Hamburgs Seeschiffahrt und Warenhandel etc. // «Zeitschrift des Ver. f. Hamb. Gesch.», 9, 1894.
9. *Back Samuel.* Die Entstehungsgeschichte der portugiesischen Gemeinde in Amsterdam. S. A., 1883.
10. *Barbeck H.* Geschichte der Juden in Nürnberg und Fürth. 1878.
11. *Barrios de.* Hist. universal Judaica.
12. *Beer Ad.* Das Staatsschuldenwesen und die Ordnung des Staatshaushalts unter Maria Theresia. 1894.
13. *Bender J. H.* Der Verkehr mit Staatspapieren. 2-е изд., 1830.
14. *Besekes.* Thes. jur. camb. P. II. 1783.
15. *Biener F. A.* Wechselrechtliche Abhandlungen. 1859, 145.
16. *Bloch Ph.* Der Mamran der judischpolnische Wechselbrief. Ор-тук из «Festschrift zum 70 Geburtstage A. Berliners». 1903.
17. *Bloch Maur.* Les juifs et la prospérité publique à travers l'histoire. 1899.
18. *Bock Jules de.* Le journal à travers les âges 1907.
19. *Bodemeyer Hild.* Die Juden. Ein Beitrag zur Hannoverischen Rtsch. 1855.
20. *Bramm M.* Line Sammlung Fürther Grabschriften.
21. *Brunner H.* Forschungen zur Geschichte des deutschen und französischen Rechts. Ges. Auff. 1894.
22. *Brunner Franz.* Französische Inhabepapiere.
23. *Brunschvicg Léon.* Les juifs en Bretagne au XVIII siècle. // «Revue des études juives», 33. 1896.
24. *Bucher K.* Bevölkerung von Frankfurt a/M. 1886.
25. *Cahen Ab.* Les juifs de la Martinique au XVII siècle. // «Revue des études juives», vol. II.

26. *Campbell Douglas. The Puritan in Holland, England and America, 2. 1892.*
27. *Capetique M. Banquiers, fournisseurs etc., 1856.*
28. *Caro Gerg. Social- und Wirtschaftsgeschichte der Juden im Mittelalter und der Neuzeit. 1908.*
29. *Carqueja Bento. O capitalismo moderno e as suas origens em Portugal. 1908.*
30. *Castro Henry. Pioner and Colonist. // «Pubi.» 5, 39 и сл.*
31. *Charakteristik von Berlin. Stimme eines Kosmopoliten in der Wüsten. В 2-х томах.*
32. *Chas Jones. C. The settlement of the Jews in Georgia. // «Pubi.», 1, 6, 9.*
33. *Cobneiro Manuel B. D. Hist, de la economia politica en Espana. В 2-х тт.*
34. *Cohen Henry. Henry Castro, Pioner and Colonist. // «Pubi.» 5, 39 и сл.*
35. *Cohen Henry. The Jews in Texas. // «Pubi.», 4, 9 и сл.*
36. *Cochut P. A. Law, son Systeme et son epoque. 1853.*
37. *Crump Arth. The theory of Stock exchange, 1873. Repr. 1903.*
38. *Czacki. Rosprava o Zydach.*
39. *D'Blossiers Tovey. Anglia Judaica or the History and Antiquities of the Jews in England. 1738.*
40. *Dobritz Walther. Die Staatsschulden Sachsens in der Zeit von 1763—1837. Leipziger In.-Diss., 1906.*
41. *Daly C. P. History of the Settlement of the Jews in North-America, 1893.*
42. *Danckamp E. E. Die Amsterdamer Diamantenindustrie, 1895.*
43. *Das Haus Rothschild. Seine Geschichte und seine Geschäfte. 2 тома. 1857.*
44. *Datz P. Histoire de la Publicité. 1894.*
45. *De Snarte Victor. Un banquier du Tresor royal au XVII siècle. Samuel Bernard'sa vie et sa correspondance 1651—1739, 1893.*
46. *Defoe Dan. The complete English Tradesman. 1. Ed., 1726.*
47. *Dembitz Lewis N. Jewish Beginnings in Kentucky // «Pubi.», 1,99.*
48. *Dietz A. Stammbuch der Frankfurter Juden. Geschichtliche Mitteilungen über die Frankfurter jüdischen Familien von 1549—1849.*
49. *Doyle J. A. The Colonies under the House of Hannover. 1907.*

50. *Drumont Ed.* La France juive. 104. éd. I, 259.
51. *Dyer Albion Morris.* Points in the first chapter of New York Jewish History. // «Am. Jew. Hist. Soc.», 3, 44.
52. *Eberstadt Rud.* Französisches Gewerberecht. 1899.
53. *Ehrenberg R.* Fondsspekulation. 1883.
54. *Ehrenberg R.* Grosse Vermögen и т. д. I том: Die Figger-Rothschild — Krapp, 2-е издание. 1905.
55. *Ehrenberg R.* Zeitalter der Fugger, 2. 1896.
56. Einiges aus dem Leben der amerikanisch-judischen Familie Seligman aus Bryersdorf in Bayern // «Bulls Monatsblättern» 26 Jahrg. 1906.
57. *Eliass H.* The Jews of Chicago. // «Pubi.» 11,117 и сл.
58. *Elias A.* The Jews of South Carolina, 1903.
59. *Endemann.* Studien in der röm. Kanon. Wirtschafts- und Rechtslehre 1, 1874.
60. *Essai sur la Colonie de Surinam avec l'histoire de la Nation juive Portugaise y établie.* 2 vol. Paramaribo, 1788.
61. *Fagniez Gust.* L'economie sociale de la France sous Henry IV. 1897.
62. *Fasse! N.B.* Das mosaich-rabbinische Zivilrecht. 2 тома, 1852, 1854.
63. *Feilchenfeld A.* Anfang and Blütezeit der Portugiesengemeinde in Hamburg. // «Zeitschr. des Ver. f. Hamb. Gesch.», 10. 1899.
64. *Feilchenfeld A.* Die älteste Geschichte der deutschen Juden in Hamburg. // «Monatsschrift für Geschichte und Wissenschaft des Judentums» 43, 1899.
65. *Felsenthal B.* On the history of the Jews of Chicago. // «Pubi.», 2.
66. *Fermin.* Tableau de Surinam. 1778.
67. *Fitschells Dr.* Chronological Notes of the History of the Jews in America.
68. *Frankel.* Der gerichtliche Beweis nach mosaischem Recht. 1846.
69. *Francis J.* Stock exchange. 1849.
70. *Franke Oskar.* Der Jude in den deutschen Dichtungen des XV, XVI und XVII Jahrhunderts, 1905.
71. *Frese Benedikt.* Aus dem gräko-ägyptischen Rechtsleben. 1909.
72. *Freudenthal Max.* Leipziger Messgäste // «Monatsschrift». 45, 1901.
73. *Friedenwald Herb.* Jews mentioned in the Journal of the Continental Congress. // «Pubi.» of the Amer. Jew. Hist. Soc., 1.
74. *Friedenwald Herb.* Some Newspaper advertisement of the 18 cent. // «Pubi.», vol. VI.
75. *Friedrich Bothes.* Beiträge zur Wirtschafts- und Socialgeschichte der Reichstadt Frankfurt. 1906.

76. *Fromer Jak.* Das Wesen des Judentums. 1905.
77. *Funke K.* Die Leipziger Messen. 1897.
78. *Geiger L.* Die Geschichte der Juden in Berlin. 2 тома. 1870—1871.
79. Geschichte der Juden in der Reichsstadt Augsburg. 1803.
80. Geschichte Philanders von Sittewaldt das ist Straffschriften Hans Wilhelm Moscherosch von Willstatt. 1677.
81. *Glagau Otto.* Der Börsen- und Gründungsschwindel in Deutschland. 1877 (1-е изд.), 1887 (2-е изд.).
82. *Godard Just.* L'ouvrier en soie. I. 1899.
83. *Goldschmidt.* Inhaber-Ordre, — und exekutorische Urkunden im klassische Altertum // «Ztschr. f. Rechtsgesch. Rom.». Отд. 10, 1889.
84. *Goldschmidt.* Universalgeschichte des Handelsrechts. 1891.
85. *Goldstein N. W.* Die Juden in der Amsterd. Diamantenindustrie. // «Zeitschrift für Dem. u. Stat. des Jud», 3, 178 и сл.
86. *Gomoll A.* Die kapitalistische Mausefalle. 1908.
87. *Gönner N. Th.* Von Staatsschulden, deren Tilgungsanstalten und vom Handel mit Staatspapieren. 1826, § 30.
88. *Gosselin.* Doc. inédits pour servir à l'histoire de la marine normande et du commerce rouennais pendant les XVI et XVII siècles. 1876.
89. *Gottheil J. H.* The Jews and the Spanish Inquisition. // «The Jew. Quart. Rev.» 15, 1903.
90. *Gottheil Rich.* Contributions to the History of the Jews in Surinam. // «Publ.», 9, 129 и сл..
91. *Graetz ff.* Die Familie Gradis // «Monatsschrift», 24, 1875; 25 1876.
92. *Graetz.* Geschichte der Juden. В 10 томах.
93. *Griesheim Chr. Ludw. v.* Die Stadt Hamburg, Anmerkungen und Zugaben. 1759.
94. *Grunwald M.* Hamburgs deutsche Juden bis zur Auflösung der Dreigemeinde, 1811. 1904.
95. *Grunwald M.* Portugiesengräber auf deutscher Erde. 1902.
96. *Güdemann M.* Zur Geschichte der Juden in Magdeburg. Monatschrift, 14 1865.
97. *Guicciardino L.* Tetuis Belgii Descriptio. 1652.
98. *Guillard Edm.* Les opérations de Bourse. 1875.
99. *Haenle S.* Geschichte der Juden im ehemaligen Fürstentum Ansbach. 1867.
100. *Handelmann N.* Geschichte der Insel Hayti. 1856.

101. *Handelmann H.* Geschichte von Brasilien. 1860.
102. *Hatten John Camden.* The original Lists etc. 1874.
103. *Hautchamp du.* Histoire du Systeme des Finances sous la minorité de Louis XV. I. 1739.
104. *Hegemann C.* Die Entwicklung des französischen Grossbankbetriebes 1908, 9.
105. *Heinemann David E.* Jew. Beginnings in Michigan before 1850. / / «Publ.», 13,47 H en.
106. *Hecht F.* Geschichte des Inahberpapiers in den Niederlanden. 1869.
107. *Hilfman P. A.* Some further Notes on the History of the J. in S. / / «Publ.», 16, 7 H cji.
108. *Hirsch Jul.* Das Warenhaus in Westdeutschland. 1910.
109. *Historische Nachlese zu den Nachrichten der Stadt Leipzig, ed. M. Heinrich Engelbert Schwartze.* 1744.
110. *Hönn Georg Paul.* Betrugs-Lexikon, worinnen die meisten Betrüge-
reyn in allen Ständen nebst denen darwider guten Theils dienenden
Mittelin entdeckt von Dritte Edition, 1724.
111. *Hollander I. H.* Some unpublished material relating to D-r. Jacob
Lumbrozo of Maryland. // «Publ.», vol. I.
112. *Holst Lud.* Judentum in allen dessen Teilen aus einem staatswissen-
schaftlichen Standpunkte betrachtet. 1821.
113. *Hühner Leon.* Asser Levy, a noted Jew. Burzher of New-
Amsterdam. // «Publ.», 8, 13.
114. *Hühner Leon.Jhc* Jews of Georgia in Colonial Times // «Publ.»,
10, 65 H cji.
115. *Hünner Leon.* The Jews of South Carolina from the earl // «Publ.»
- 115a. *Hühner £eo*«.Whence came the first Jewish settlers of New-Jork //
«Publ.», 9, 75 H CJI.
116. *Hume D.* Essays. 2. 1793.
117. *Hyamson Albert M. A.* History of the Jews in England. 1908.
118. *Italie E.* Geschiedenes der Israelitischen Gemeente te Rotterdam.
1907.
119. *Jacobs Jos.* Typical character of the Anglo-Jewish History. // «The
Jew. Quarterly Review» 10 1898, 230.
120. *Joffe M.* Die Stadt Posen. // Schriften des Vereins f. S. P. 119.
11, 151.
121. *Jahrbuch der Liter. Ver.* 1861.
122. *Jahrbuch des Literar. Vereins,* 1861.

123. *Jameson*. // «Am. Jew. Hist. Soc.», I, 42.
124. «*Jewish Chronicle*», 1859.
125. «*Jewish Encyclopedia**.
126. **Juden in d. deutschen Handelsstädten**. 1818.
127. **Juden, sind sie der Handlung schädlich?** 1803.
128. *Justi J. H. G. von Staatswirtschaft*, I. 1758.
129. *José D. Amador de Los Rios*. **Historia social, política y religiosa de los Judios de Espana y Portugal**. 3 tomos. 1875-1876.
130. *Kahn Leon*. **Les juifs à Paris au XVIII siecle**. 1894.
131. *Kahn Leon*. **Les juifs sous Louis XV**. 1892.
132. *Kaufmann Dav*. **Die Vertreibung der Marranen aus Venedig im Jahre 1550**. // «*The Jews Quarterly Rev.*», 13, 1901.
133. *Kayslering M*. **Chr. Kolumbus**. 1894.
134. *Kayslering M*. **The Colonisation of America by the Jews** // «*Am. Jew. Historical Soc.*», 2, 73.
135. *Kayslering M*. **Geschichte der Juden in Portugal**. 1867.
136. *Kayslering*. **The Jews in Jamaica etc.** // «*The Jewish Quarterly Review*», 12 1900.
137. *Kellen F*. **Studien über das Zeitungswesen**. 1907.
138. *Kiesselbach Arnold*. **Die wirtschafts- und rechtsgeschichtliche Entwicklung der Seeversicherung in Hamburg**. 1901.
139. *Klerk de Reus G. C*. **Geschichtliche Ueberblicke der niederländisch ostindischen Compagnie**. 1894.
140. *Knapp G. T*. **Ursprung der Slaverei in den Kolonien** // *Archiv f. Soc. Pol.*, 2.
141. *Knies*. **Der Kredit**. 1876.
142. *Koenen H. J*. **Geschiedenes der Joden in Nederland**. 1843.
143. *Kohler M. J*. **Jewish Activity in American Colon. Commerce.** // «*Pubi.*» 10, 59.
144. *Kohler M. J*. **Phases of Jewish Lafa in New-York befor 1800.** // «*Am. Jew. Hist. Soc.*» 2, 94.
145. *Kohler Max J*. **Civil Status of the Jews in Colonial New-Jork** // «*Pubi.*», 6, 81 н ен.
146. *Kohler Max J*. **Beginnings of New-York Jewish History.** // «*Pubi.*» of *Am. Jew. Hist. Soc.*, 1, 43.
147. *Kohler Max J*. **The Jews in New Port.** // «*Pubi.*», 6.
148. *Kohut G. Al*. **Les juifs dans les colonies hollandaise.** // «*Revue des études juives*» 31 1895, 293 il CJI.

149. König. Annalen der Juden in den preussischen Staaten besonders in der Mark Brandenburg. 1790 (1900).
150. König. Die Juden in Oesterreich. В 2 томах. 1842.
151. Kracauer. Beiträge zur Geschichte der Frankfurter Juden im 30 jährigen Kriege. // «Zeitschrift für die Gesch. der Juden in Deutschland», 3 1889.
152. Kuntze. Die Lehre von den Inhaberpapieren. 1857.
153. Kuntze. Zur Geschichte der Staatspapiere auf den Inhaber // «Ztschr. für das ges. Handelsrecht», 5, 198 и сл.
154. L'Estocq Lud. Exercitatio de indole et jure instrumenti Judaeis usitati cui nomen «Mamre» est. 1755. § VII и сл. в «J. M. G.».
155. Lattes Elia. La liberta della banche a Venezia dal secolo XIII at XVII secondo i documenti inediti dae R. Archivio dei Fraziee. 1869.
156. Lau Th. L. Einrichtung der Intradn und Einkauften der Souveraenen и т. д. 1719.
157. Lehmann K. Die geschichtliche Entwicklung des Aktienrechts. 1895.
158. Lespeyres E. Geschichte der volksw. Anschauungen d. Niederlande. 1863.
159. Levy A. Notes sur l'histoire des Juifs en Saxe. // «Revue des études juives», 26. 1893.
160. Levy A. Die Juden in Sachsen. 1900.
161. Levy A. Geschichte der Juden in Sachsen. 1890.
162. Liebe G. Das Judentum in der deutschen Vergangenheit. 1903.
163. Ligon. History of Barbados. 1657.
164. Lindo E. ff. The history of the Jews of Spain and Portugal. 1848.
165. Lippmann. Geschichte des Zuckers. 1890.
166. Lipsius. Von der Bedeutung des griechischen Rechts, 1902.
167. Loeb Is. Le nombre des juifs de Castille et d'Espagne au moyen âge. // «Revue des études juives» 14. 1887.
168. Lucas C. P. The historical Geography of the British Colonies, напч. 2² 1905,
169. Luzac. Richesse de la Hollande, 2, 1778.
170. Luzzata S. Disc, circa il stato degli Hebrei in Venezia. 1638, гл. 1, с. 9, 29.
171. Maignial M. La question juive en France en 1789. Paris, 1903.
172. Malvezin Théophile. Histoire des juifs à Bordeaux. 1875.
173. Markeus. The Hebrews in America.